

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

19 2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (622) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Жан Пиаже (1896–1980), швейцарский психолог и философ.

Жан Пиаже родился в швейцарском Невшателе. Его отец, Артур Пиаже, был профессором средневековой литературы.

Жан очень рано проявил себя как одаренный ребенок. В подростковом возрасте Пиаже интересовался малакологией — разделом зоологии, изучающем моллюсков. Под руководством малаколога Поля Годе, директора Музея естественной истории в Невшателе, Жан Пиаже к моменту окончания школы опубликовал множество статей в специализированных журналах. После школы молодой человек продолжил изучать естественные науки в университете Невшателя, где впоследствии защитил докторскую диссертацию. Поворотным моментом для Жана стал семестр в Цюрихском университете, где он учился у основоположника аналитической психологии Карла Юнга и психиатра Эйгена Блейлера. Именно эти ученые пробудили в нем интерес к психоанализу. В 1919 году Пиаже покинул Швейцарию и переехал во Францию, начав обучение в Сорбонне.

В Париже Жан Пиаже год работал в школе для мальчиков, открытой французским психологом Альфредом Бине, известным как соавтор IQ-тестов. В школе Пиаже стандартизировал тест на интеллект, разработанный британским психологом Сирилом Бертом, адаптировал его для французских детей и начал проводить свои первые экспериментальные исследования детского мышления.

Когда Пиаже стал публиковать результаты своих психометрических экспериментов, его успехи заметили на родине. В 1921 году он вернулся в Женеву, где возглавил Институт Руссо — центр экспериментальных исследований в области детской психологии и образования, основанный неврологом и психологом Эдуардом Клапаредом. Там Пиаже продолжил свои исследования и по их результатам опубликовал в 1923 году один из своих главных трудов — «Речь и мышление ребенка».

Ключевой идеей Пиаже этого периода стало то, что маленьким детям свойственен эгоцентризм, то есть ребенок не понимает, что существуют другие точки зрения (как в прямом, так и в переносном смысле), отличные от его собственной. Эгоцентричность, согласно наблюдениям Пиаже, проявляется и в речи дошкольников, которые часто разговаривают сами с собой, а не с окружающими. Однако, взаимодействуя со сверстниками, сотрудничая и конфликтуя с ними, ребенок учится воспринимать разные точки зрения и постепенно формирует социализированное мышление. В более или менее оформленном виде оно утверждается к 12 годам.

В 1923 году Жан Пиаже женился на Валентин Шатенау. У пары родилось трое детей, и свое отцовство Пиаже тоже превратил в основательное исследование, внимательно на-

блюдая за когнитивным развитием собственных детей. Эти наблюдения легли в основу его теории адаптации, разработанной в 1930-х годах, и книги «Истоки мышления у детей», изданной в 1936 году.

В этот период своих исследований Жан Пиаже сфокусировался уже не на речи, а на том, как маленькие дети взаимодействуют с объектами окружающей среды.

С конца 1930-х годов Пиаже стал изучать, как дети выполняют логические операции, устанавливают причинно-следственные связи, определяют отношения «часть — целое» и так далее. На основе этих экспериментов и своих предыдущих наработок Пиаже пришел к выводу, что на каждой стадии развития ребенок конструирует определенные представления о реальности, соответствующие его возрасту. По мере взросления он воссоздает эти представления заново, уже на более сложном уровне, и таким образом переходит на следующий этап развития. Именно в этот период исследований Пиаже сформулировал суть своей теории четырех этапов когнитивного развития, которая стала классической. Эту теорию он изложил в книге «Психология интеллекта», впервые опубликованной в 1947 году.

Покинув пост директора Института Руссо в 1925 году, Жан Пиаже впоследствии занимал множество престижных постов. Но главным итогом организаторской деятельности Пиаже стал Международный центр генетической эпистемологии в Женеве, основанный им в 1955 году. Ученый руководил им бессменно до самой смерти. Генетическая эпистемология изучает происхождение, структуру и развитие знания на уровне отдельного человека и целых культур.

Вклад Пиаже в науку был отмечен высшими международными наградами. В 1972 году он стал лауреатом премии Эразма за вклад в европейскую культуру, а в 1979 году получил престижную премию Бальцана за работы в области социальных и политических наук. Отдельно стоит сказать об академическом авторитете Пиаже: ведущие университеты мира, включая Гарвард, Кембридж, Йель и Сорбонну, присвоили ему более 30 почетных докторских степеней (Honoris Causa). А в 1969 году Пиаже стал первым европейцем, получившим награду «За выдающийся научный вклад» от Американской психологической ассоциации (APA), что для того времени было редчайшим событием.

Жан Пиаже ушел из жизни в 1980 году и был похоронен в Женеве. О нем и его идеях написано множество книг, среди которых выделяются «Беседы с Жаном Пиаже» Жан-Клода Брингье и «Жан Пиаже, человек и его идеи» Ричарда Эванса. Сам ученый также оставил автобиографию, опубликованную в 1952 году.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Копцова Е. В.**
Криминологический анализ
синтетических наркотиков и новых
психоактивных веществ 385
- Коровина В. В.**
Публичные сервитуты в российском праве:
проблемы правового регулирования и пути
совершенствования 387
- Косой Е. Е.**
Сущность, масштабы и пути
снижения латентности преступлений
против правосудия 389
- Кузяков А. В.**
Понуждение сетевой организации
к обеспечению качества электрической
энергии: правовые механизмы и судебная
практика 391
- Куроптева Ю. Е.**
Актуальные аспекты заключения договора
строительного подряда 394
- Линник А. В.**
Основные направления совершенствования
гражданского законодательства
о непоименованных договорах
в Российской Федерации 396
- Луконкина Т. С.**
Нарушения законодательства в сфере
социальной защиты ветеранов и инвалидов:
виды, ответственность и практика судебного
рассмотрения 398
- Лядов И. М.**
Актуальные проблемы ответственности
саморегулируемых организаций 402
- Масленко О. Р.**
Цифровые технологии в системе правосудия
России и Китая 405
- Матвеева М. А.**
Корпоративные споры: понятие, виды
и особенности разрешения в российском
праве 410
- Мезак Л. В.**
Проблемы производства по делам,
связанным с ограничением дееспособности
гражданина и признание гражданина
недееспособным 412
- Мерзлякова А. В.**
Особенности исполнения ограничения
свободы как вида уголовного наказания 417
- Мехонцева Н. М.**
Криминологическая характеристика
личности преступника по статье 264.1 УК РФ:
социально-демографический и нравственно-
психологический аспекты 420
- Мехонцева Н. М.**
Уголовно-правовые и криминологические
особенности личности преступника по статье
264.1 УК РФ (по материалам судебной
практики) 423
- Михайлов Н. О.**
Отказ от договора как способ защиты прав
участников строительного подряда 425
- Павленко Д. Д.**
Особенности освобождения маркетплейсов
от ответственности за нарушения
исключительных прав в сети Интернет 426
- Панина А. Р., Сидоренко Е. А., Смольников И. А.**
Смешанные элементы в гражданском
процессе 429
- Перепилищенко Е. С.**
Наркотизм как угроза общественной
безопасности: уголовно-правовые
и политико-правовые механизмы
противодействия 433
- Перепилищенко Е. С.**
Коррупционные преступления как угроза
общественной безопасности: уголовно-
правовые и стратегические механизмы
противодействия 435
- Петрова А. А.**
Защита деловой репутации корпораций
в сети Интернет: проблемы доказывания
и определения надлежащего ответчика 438

Петрова А. А.

Диффамация или конкурентная война: разграничение защиты деловой репутации и пресечения недобросовестной конкуренции 440

Петрова Э. И.

Предложения по повышению эффективности функционирования государственной контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг 441

Пивоваров К. М., Махмудов М. К.

Искусственный интеллект в трасологии: автоматический сравнительный анализ следов обуви и шин 445

Полубатонова Е. Р.

Трансграничные наследственные споры и медиация в условиях санкционных ограничений 448

Пономарёв А. В.

Правовые механизмы защиты от дискриминации при трудоустройстве в РФ: проблемы реализации 451

Попов Д. А.

Зарубежный опыт сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) 456

Прошев Е. П.

Существующие проблемы реализации прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела 457

Савина А. А.

Роль ответственности в подрядных отношениях 460

Сандомирская А. Ю.

Проблемы распределения ответственности между перевозчиком и цифровым посредником в договоре перевозки пассажира 463

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Криминологический анализ синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ

Копцова Елизавета Вячеславовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье представлен криминологический анализ распространения синтетических наркотиков и новых психоактивных веществ в Российской Федерации. На основе данных официальной статистики, результатов социологических исследований и материалов правоприменительной практики рассматриваются основные тенденции наркоситуации, криминологические характеристики различных видов синтетических наркотиков, их классификация и особенности воздействия на организм человека. Анализируются каналы поступления и способы распространения синтетических наркотиков, включая использование цифровых технологий и бесконтактных методов сбыта. Особое внимание уделяется трансформации моделей наркопотребления в условиях пандемии COVID-19, выявлены негативные тенденции: снижение возраста первой пробы, рост потребления среди старших возрастных групп, распространение «аптечной наркомании». Рассматриваются меры противодействия незаконному обороту синтетических наркотиков, включая правовые, оперативно-профилактические и межведомственные аспекты. Делается вывод о формировании новых условий для экстремального всплеска наркотизации в российском обществе, что требует принятия соответствующих мер.

Ключевые слова: синтетические наркотики, новые психоактивные вещества, криминологический анализ, незаконный оборот наркотиков, наркоситуация, пандемия COVID-19, противодействие наркопреступности, бесконтактный сбыт, цифровые технологии, возрастные группы наркопотребителей.

Criminological analysis of synthetic drugs and new psychoactive substances

The article presents a criminological analysis of the spread of synthetic drugs and new psychoactive substances in the Russian Federation. Based on official statistics, the results of sociological research and materials of law enforcement practice, the main trends in the drug situation, criminological characteristics of various types of synthetic drugs, their classification and features of the effects on the human body are considered. The channels of entry and distribution of synthetic drugs, including the use of digital technologies and contactless sales methods, are analyzed. Special attention is paid to the transformation of drug use patterns in the context of the COVID-19 pandemic, and negative trends have been identified: a decrease in the age of the first sample, an increase in consumption among older age groups, and the spread of «pharmacy drug addiction». Measures to counter the illicit trafficking of synthetic drugs, including legal, operational, preventive and interdepartmental aspects, are being considered. The conclusion is made about the formation of new conditions for an extreme surge of drug addiction in Russian society, which requires appropriate measures.

Keywords: synthetic drugs, new psychoactive substances, criminological analysis, drug trafficking, drug situation, COVID-19 pandemic, countering drug crime, contactless marketing, digital technologies, age groups of drug users.

Ситуация с незаконным оборотом наркотиков в Российской Федерации по состоянию на 2026 год остается предельно напряженной. Стратегия национальной безопасности относит немедицинское потребление и незаконный оборот наркотиков к числу прямых угроз, а генеральной целью государственной антинаркотической политики является сокращение их распространения и минимизация последствий. За последние полтора десятилетия количество ежегодно регистрируемых наркопре-

ступлений увеличилось в 15 раз, а выявленных фактов наркоторговли — в 80 раз. По экспертным оценкам, годовой объем нелегального рынка наркотиков в России к 2026 году составляет свыше 350–400 млрд рублей. Особую тревогу вызывает продолжающийся рост оборота синтетических наркотиков: если в 2012 году их доля в общей массе изъятых веществ составляла немногим более 3 %, то к 2025 году этот показатель превысил 35–40 %. В структуре потребления второе место после производных кан-

набиса уверенно занимают синтетические психоактивные вещества, включая так называемые «новые» синтетические наркотики, число которых в мировом реестре UNODC перевалило за тысячу [1], [5].

Однако сколь бы подробно ни анализировались характеристики самих наркотиков и масштабы их оборота, ключ к пониманию наркотизма как социального явления лежит в плоскости его социальных детерминант. Под наркотизмом в криминологии понимается сложное социальное явление, охватывающее две неразрывно связанные стороны: немедицинское потребление наркотических средств (наркоманию) и их незаконный оборот (производство, сбыт, транспортировку). Эти два полюса находятся в постоянном взаимодействии, поскольку, как отмечает В. В. Денисович, спрос рождает предложение. И спрос, и предложение формируются под воздействием глубинных социальных процессов, среди которых ключевое место занимают бедность, безработица и социальная изоляция. Экономическая нестабильность и низкий уровень жизни выступают мощными катализаторами вовлечения населения в наркопотребление и сопутствующую преступную деятельность.

Как указывает Э. Ф. Ахметшина, низкий уровень дохода и бедность способствуют увеличению употребления наркотиков, поскольку наркозависимость становится формой бегства от сложной реальности. В регионах с высокой безработицей и отсутствием социальных лифтов проблема стоит особенно остро. Денисович прямо указывает, что значительная часть молодых людей, не находя легальных способов заработка, вовлекается в наркопреступность в качестве закладчиков и курьеров, поскольку это кажется им быстрым и хорошо оплачиваемым занятием. Иная категория совершает наркопреступления потому, что сама является наркозависимой и получает плату в натуральной форме. Таким образом, бедность не просто толкает к потреблению как к эскапизму, но и формирует кадровый резерв для наркобизнеса.

Не менее значимым фактором выступает социальная изоляция. Денисович приводит шокирующую статистику: пятая часть всех наркоманов становится таковыми именно в местах лишения свободы, что обусловлено психологическим состоянием заключенного, отсутствием перспектив будущего и погружением в криминальную субкультуру, популяризирующую наркотики. Однако изоляция действует не только в пенитенциарных учреждениях.

Исследования Поздняковой и Брюно фиксируют устойчивый рост употребления наркотиков в старших возрастных группах: в группе 40–49 лет распространенность проб выросла с 24 % в 2009 году до 32–34 % в 2025 году, в группе 60 лет и старше — с 11 % в 2013 году до 25–27 %. Мотивы здесь качественно иные, чем у молодежи. Пожилой человек обращается к наркотику не в поисках удовольствия, а как к средству снятия нервно-психического напряжения, ухода от одиночества и тоски. Респонденты описывают это предельно откровенно: «не так хмуро жить с этим», «тоска сплошная», «а что ещё

я видел в этой жизни». Широкое распространение среди старшего поколения получила «аптечная наркомания» — употребление сильнодействующих обезболивающих, снотворных и транквилизаторов, что во многом обусловлено иллюзией их безвредности.

Семья и ближайшее окружение образуют следующий уровень социальных детерминант. А. Т. Акматова подчеркивает, что для семей, в которых вырастают наркоманы, характерны низкая правовая культура, примитивный круг интересов и вовлечение детей в преступную сферу. Особую роль играет давление сверстников: желание «быть как все» и страх отвержения группой толкают подростка на первую пробу даже при осознании рисков. Ахметшина дополняет этот анализ указанием на романтизацию наркотиков в массовой культуре, особенно в музыке, кино и социальных медиа, что формирует у молодежи искаженное представление о наркотиках как об элементе свободы и творчества [6]. Доступность наркотиков, о которой также пишет Ахметшина, является прямым следствием социально-экономического неблагополучия, поскольку в депрессивных регионах наркоторговля нередко становится одним из немногих «доходных» видов деятельности. К этому добавляются коррумпированность должностных лиц, недостаточная эффективность уголовно-правовых мер и высокая латентность наркопреступности [3].

Отдельного внимания заслуживает трансформация способов сбыта. Все более распространенным, а в крупных городах уже доминирующим становится бесконтактный способ, совершаемый через интернет. Виртуальные ресурсы глобальной сети, включая даркнет-маркетплейсы, анонимные мессенджеры (Telegram, Signal) с end-to-end шифрованием и функциями самоуничтожения сообщений, а также криптовалюты (Bitcoin, Monero, USDT) обеспечивают практически абсолютную анонимность, что существенно осложняет документирование противоправной деятельности. Основная трудность связана с высочайшей степенью латентности, требующей длительных сроков для сбора доказательственной базы [2].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что социальные детерминанты наркотизма образуют сложную, многоуровневую и самовоспроизводящуюся систему. На макроуровне бедность и безработица создают фон социальной фрустрации, подталкивая к потреблению и к участию в обороте. На мезоуровне социальная изоляция, будь то тюремное заключение или маргинализация пожилых, делает наркотик средством снятия напряжения. На микроуровне семейное неблагополучие, давление сверстников, романтизация в культуре и доступность веществ формируют конкретные поведенческие установки. Криминальные сообщества, в свою очередь, используют эту социальную почву для извлечения прибыли, одновременно консервируя социальную деградацию.

Из сказанного следует принципиальный вывод: борьба с наркотизмом не может быть сведена к репрессивным мерам. Пока сохраняются бедность, безработица, изо-

ляция уязвимых групп и разрушение института семьи, любые антинаркотические кампании будут давать лишь временный эффект. Подлинное снижение уровня наркотизма требует комплексной социальной политики, направленной на создание рабочих мест, преодоление депривации, ресоциализацию бывших заключенных,

поддержку семей в трудной жизненной ситуации и формирование в обществе устойчивых антинаркотических установок. Только разрывая порочные круги социальных детерминант, можно рассчитывать на долгосрочное снижение масштабов как потребления, так и незаконного оборота наркотических средств.

Литература:

1. Грибунов О. П., Герасимов П. А., Косенко В. Н. Психоактивные вещества синтетического происхождения как предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков: некоторые аспекты противодействия их распространению // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 20–28.
2. Баранов А. А., Соломатина Е. А. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ в современный период // Криминологический журнал. 2021. № 2. С. 33–38.
3. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Трансформация моделей наркопотребления в Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции // Вестник Института социологии. 2022. Т. 14. № 4. С. 192–216. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.856.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.02.2015 № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 885.
5. О Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 (утратил силу).
6. Ахметшина Э. Ф. Влияние социальных факторов на распространение наркотических средств / Э. Ф. Ахметшина // Тихоокеанский государственный университет, Юридический факультет. — Хабаровск, 2024.

Публичные сервитуты в российском праве: проблемы правового регулирования и пути совершенствования

Коровина Вера Владимировна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования публичных сервитутов в Российской Федерации. На основе норм ГК РФ, ЗК РФ и судебной практики 2020–2024 гг. выявляются пробелы и противоречия в порядке установления, изменения и прекращения публичных сервитутов. Предлагаются конкретные законодательные решения для повышения правовой определённости и защиты интересов собственников обременённых участков.

Ключевые слова: публичный сервитут, ограниченное вещное право, земельное законодательство, судебная практика, компенсация собственнику.

Публичные сервитуты занимают особое место в системе ограниченных вещных прав, обеспечивая баланс между частными и публичными интересами. Однако действующее российское законодательство содержит ряд неясностей, затрудняющих их эффективное применение. Актуальность темы обусловлена несколькими существенными факторами: во-первых, наблюдается устойчивый рост числа споров о публичных сервитутах, что напрямую связано с интенсивным развитием инфраструктуры; во-вторых, до сих пор отсутствуют чёткие, законодательно закреплённые критерии установления публичных сервитутов в интересах общества; в-третьих, имеются значительные пробелы в регулировании вопросов компенсации собственникам обременённых участков; в-четвёртых, вы-

являются противоречия между нормами Гражданского кодекса РФ (в частности, ст. 274–277) и Земельного кодекса РФ (ст. 23), что создаёт правовую неопределённость.

В процессе исследования применяются следующие методы: формальноюридический (для толкования норм права), сравнительноправовой (для сопоставления подходов в разных правовых системах), системный (для рассмотрения сервитута в контексте общей системы вещных прав) и анализ судебной практики (для выявления актуальных проблем правоприменения).

В рамках исследования прежде всего необходимо раскрыть понятие и ключевые признаки публичного сервитута. Согласно ст. 23 ЗК РФ, публичный сервитут устанавливается законом или нормативным актом — и делается

это исключительно в целях обеспечения интересов государства, местного самоуправления либо местного населения, при этом без изъятия земельных участков. К числу его основополагающих признаков относятся следующие: во-первых, основанием установления выступает публичный интерес, что проявляется, например, в обеспечении доступа к водоёмам, прокладке коммуникаций или охране памятников; во-вторых, характерен принцип безвозмездности (за исключением прямо предусмотренных законом случаев); в-третьих, публичный сервитут обязателен для всех собственников обременённых участков; в-четвёртых, его регистрация в ЕГРН выступает необходимым условием для противопоставимости третьим лицам.

Переходя к анализу проблем правового регулирования, следует выделить несколько существенных аспектов. Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие чётких критериев установления публичных сервитутов: закон не содержит исчерпывающего перечня оснований для их введения, что порождает риски произвольного толкования. В результате суды нередко вынуждены самостоятельно оценивать, соответствует ли конкретное обременение публичному интересу — что подтверждается, в частности, материалами дел № А4012345/2023 и № 335678/2022.

Далее, принципиально важной проблемой является отсутствие полноценного механизма компенсации собственникам. В отличие от частных сервитутов, регулируемых ст. 274 ГК РФ и предполагающих обязательную плату, публичные сервитуты в большинстве случаев устанавливаются безвозмездно. Это создаёт дисбаланс интересов: собственник несёт фактические убытки, но не получает никакого возмещения. При этом судебная практика демонстрирует противоречивые подходы: в одних случаях суды взыскивают убытки (что отражено, например, в п. 7 Обзора ВС РФ № 3 за 2021 год), а в других — отказывают в удовлетворении требований, ссылаясь на отсутствие в законе прямого указания на обязанность компенсации.

Ещё одной значимой проблемой выступают коллизии между нормами ГК РФ и ЗК РФ. С одной стороны, ст. 274 ГК РФ определяет сервитут как вещное право, однако не содержит детального регулирования публичных сервитутов. С другой стороны, ст. 23 ЗК РФ устанавливает порядок их введения, но при этом не вполне согласована с положениями ГК РФ в части гарантий защиты прав собственников. Такое расхождение порождает правовую неопределённость, особенно в ситуациях, когда речь идёт об оспаривании нормативных актов, устанавливающих публичный сервитут.

Наконец, нельзя обойти вниманием процедурные сложности, связанные с порядком установления пуб-

личных сервитутов. Поскольку они вводятся посредством нормативного акта, а не договора, собственники обременённых участков оказываются в уязвимом положении: у них отсутствует возможность согласовать ключевые условия (такие как маршрут, сроки действия или размер платы). В результате единственным способом защиты становится судебное оспаривание акта, что сопряжено с существенными временными и ресурсными затратами.

В рамках анализа судебной практики за 2020–2024 гг. выявлены отчётливые тенденции и одновременно существенные противоречия в подходах судов к разрешению споров, связанных с публичными сервитутами. Прежде всего, установлено, что суды зачастую признают такие сервитуты законными, если они установлены в целях обеспечения функционирования объектов инфраструктуры — к примеру, линий электропередачи или дорог. Это подтверждается, в частности, материалами дела № А567890/2023. Вместе с тем в вопросах компенсации собственникам наблюдается явная неоднородность судебной практики: так, в деле № А761122/2022 суд взыскал убытки с органа, установившего сервитут, тогда как в деле № А414567/2023 отказал в удовлетворении аналогичных требований, мотивировав решение безвозмездным характером публичного сервитута. Кроме того, при оспаривании нормативных актов, вводящих сервитуты, суды неизменно проверяют их соответствие публичному интересу, однако применяемые критерии оценки остаются размытыми и недостаточно формализованными — что иллюстрирует дело № 339012/2021.

С учётом выявленных проблем сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства. Во-первых, предлагается закрепить в ст. 23 ЗК РФ закрытый перечень оснований для установления публичных сервитутов, включив в него такие случаи, как доступ к водным объектам, прокладка линейных объектов и охрана памятников. Во-вторых, необходимо ввести обязательный механизм компенсации собственникам: для этого следует установить чёткие критерии расчёта убытков (например, в процентах от кадастровой стоимости участка) и предусмотреть возможность авансовых выплат в случаях долгосрочного обременения. В-третьих, требуется унифицировать нормы ГК РФ и ЗК РФ: в частности, дополнить ст. 274 ГК РФ положениями о публичных сервитутах и согласовать процедуры их оспаривания с учётом баланса интересов всех заинтересованных сторон. В-четвёртых, целесообразно упростить процедуру согласования сервитутов: внедрить обязательное общественное обсуждение проектов соответствующих нормативных актов и законодательно закрепить право собственников на участие в определении ключевых условий (маршрута, сроков действия сервитута).

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021), утв. Президиумом ВС РФ 10.11.2021 // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 1.
4. Аверченко Н. Н. Сервитуты в российском гражданском праве: монография. — М.: Проспект, 2023. — 240 с.
5. Алексеева О. Г. Публичные сервитуты: правовая природа и порядок установления // Вестник гражданского права. 2022. Т. 22. № 4. С. 45–67.
6. Галкин С. Ю. Установление и прекращение сервитута: судебная практика 2020–2023 гг. // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С. 12–18.
7. Ерофеев Б. В. Публичный сервитут как инструмент обеспечения публичных интересов // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 56–62.
8. Малеина М. Н. Защита прав собственников при установлении сервитутов // Закон. 2022. № 6. С. 92–99.
9. Постановление АС Московского округа от 15.03.2023 по делу № А4012345/2023.
10. Решение АС Челябинской области от 20.07.2022 по делу № А761122/2022.

Сущность, масштабы и пути снижения латентности преступлений против правосудия

Косой Евгений Евгеньевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается проблема латентности преступлений против правосудия как одного из ключевых факторов, искажающих реальную криминологическую картину и подрывающих авторитет судебной власти и правоохранительных органов. Раскрывается сущность латентности в данной сфере, выделяются ее основные виды и специфические причины. Оцениваются масштабы скрытой преступности в сфере правосудия, а также анализируются факторы, способствующие их росту. Особое внимание уделяется практическим мерам, направленным на снижение уровня латентности, включая совершенствование законодательства, цифровую трансформацию, развитие институтов гражданского контроля и заимствование международного опыта. Сделан вывод о том, что успешное противодействие латентности возможно только на основе системного подхода, сочетающего правовые, организационные и социально-психологические меры.

Ключевые слова: латентная преступность, преступления против правосудия, искусственная латентность, уголовная статистика, правоохранительные органы.

Правосудие как одна из фундаментальных функций государства может эффективно осуществляться исключительно в условиях защищенности его интересов от противоправных посягательств. Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает систему норм, направленных на охрану интересов правосудия (глава 31 УК РФ). Однако официальная статистика отражает лишь видимую часть этих преступных деяний. Значительная же их доля остается скрытой от правоохранительных органов, что в криминологии принято обозначать термином «латентная преступность». Актуальность темы обусловлена тем, что высокая латентность преступлений против правосудия не только искажает реальные масштабы криминальной угрозы в данной сфере, но и порождает уверенность виновных в безнаказанности, что, в свою очередь, стимулирует дальнейшее совершение таких преступлений.

Под латентной преступностью понимается совокупность уголовно наказуемых деяний, которые по тем или иным причинам не были зарегистрированы и не нашли отражения в государственной статистической отчетности

[5, с. 24]. Общепринято она существует в трёх формах. Естественная латентность возникает, когда потерпевшие и иные лица не заявляют о преступлении из-за страха, недоверия к правоохранительной системе или конфиденциального характера самого деяния. Искусственная латентность появляется тогда, когда должностные лица, зная о преступлении, сознательно его не регистрируют — ради улучшения отчётности, из корпоративной солидарности или коррупционных побуждений [1, с. 59; 2, с. 31]. Именно искусственная составляющая доминирует в структуре скрытых посягательств на правосудие, чему способствует особый субъектный состав: значительная часть этих деяний совершается лицами, непосредственно вовлечёнными в судопроизводство со стороны государства и обладающими властными полномочиями и возможностями для сокрытия следов и препятствования законному расследованию [6, с. 193]. Существует и так называемая «пограничная» латентность. Она обусловлена ошибками в правовой оценке деяния — отнесение преступления к административному или гражданскому правонарушению либо неправильная его квалификация

в уголовно-правовом поле (неверный объект и т. д.). Причины могут быть субъективные и объективные: недостаточная квалификация сотрудников или несовершенство законодательства. Правовые причины, к которым следует отнести нечёткость ряда уголовно-правовых запретов, сложность доказывания умысла и специальных мотивов, характерных для многих составов группы исследуемых преступных посягательств, приводят также к тому, что даже выявленные деяния не всегда получают надлежащую уголовно-правовую оценку и не становятся составляющими учёта.

Масштабы латентности трудно измерить точно, однако сопоставление данных уголовной статистики с результатами опросов и экспертными оценками показывает многократное превышение скрытой части над зарегистрированной [4, с. 91; 8]. Так, при миллионах судебных заседаний обвинительные приговоры за лжесвидетельство (ст. 307 УК РФ) или фальсификацию доказательств (ст. 303 УК РФ) единичны, что говорит не о редкости нарушений, а о системных дефектах их выявления и учёта [7, с. 13]. К основным причинам такого положения относятся низкий уровень доверия граждан к правоохранительным органам, заинтересованность последних в «улучшении» статистических показателей, пробелы процессуального законодательства, а также недостаточная эффективность государственной защиты потерпевших и свидетелей [9].

Снижение латентности требует не набора разрозненных мероприятий, а целостной стратегии, нацеленной на устранение первопричин. Прежде всего необходимо отказаться от оценки работы правоохранительных органов исключительно по количественным показателям раскрываемости, переосмыслить роль уголовной статистики. Как обоснованно отмечается в литературе, переход к качественным критериям — реальной защищённости прав граждан и возмещению ущерба, будет способствовать разрушению фундамента искусственной латентности криминала [6, с. 195]. Поскольку цифровизация судопроизводства создаёт нестираемый «цифровой след» в элек-

тронном документообороте [3, с. 412], стоит повсеместно внедрить в предварительное расследование электронный документооборот, автоматическую фиксацию всех процессуальных действий и решений, создание и трансформацию существующих единых баз данных, недоступных для несанкционированного редактирования. Это будет способствовать серьёзному затруднению укрытия преступлений, снижению возможности манипуляции учётными данными. Одновременно следует укреплять процессуальные гарантии независимости судей и следователей, наполнять реальным содержанием институт государственной защиты заявителей и внедрять независимый мониторинг латентности посредством регулярных victimологических опросов, методика проведения которых хорошо разработана в современной криминологии [5, с. 210–240]. Нельзя игнорировать и международный аспект проблемы. Сравнительные исследования показывают, что страны, добившиеся существенного снижения латентности в правоохранительной сфере, как правило, сочетали технологические инновации с глубокими институциональными реформами, обеспечивающими подлинную независимость органов, выявляющих и расследующих преступления [4, с. 92]. Обмен опытом и учёт удачного воздействия на исследуемую проблему со стороны других государств будет способствовать позитивным изменениям внутри нашего государства. Наконец, гласность в отношении случаев привлечения виновных к ответственности способна изменить общественное восприятие проблемы и укрепить доверие к институтам власти [4, с. 92].

Таким образом, латентность преступлений против правосудия является системной угрозой, одним из наиболее тревожных явлений современной правовой действительности, корнящимся в институциональных и правовых условиях. Её преодоление возможно лишь путём последовательного системного воздействия на стимулы к сокрытию деяний, посягающих на нормальный порядок осуществления правосудия, внедрения современных технологий и развития независимого контроля.

Литература:

1. Намнясева В. В. Латентная преступность в сфере посягательств на интересы правосудия // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 4 (47). — С. 55–62.
2. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность и обеспечение конституционного права граждан на доступ к правосудию. — М.: ВНИИ МВД России, 2004. — 92 с.
3. Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — СПб.: Питер, 2026.
4. Квашис В. Е. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 5. — С. 89–93.
5. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С. М. Иншакова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. — 839 с.
6. Яралиев Н. Т. К вопросу о способах профилактики и борьбы с латентной преступностью // Пробелы в российском законодательстве. — 2023. — Т. 16. — № 1. — С. 192–196.
7. Яшин А. В. Криминологический анализ преступлений против правосудия // Общество: политика, экономика, право. — 2020. — № 4. — С. 11–14.
8. Титаев К. Д., Кнорре А. В. Как реальная преступность отличается от официальной // Ведомости. — 2018. — URL: <https://enforce.spb.ru/chronicle/news/7086> (дата обращения: 03.12.2026).

9. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 34. — Ст. 3534.

Понуждение сетевой организации к обеспечению качества электрической энергии: правовые механизмы и судебная практика

Кузяков Алексей Вячеславович, студент магистратуры

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В статье рассматриваются правовые и технические основы обеспечения качества поставляемой электрической энергии как ключевого параметра надежности энергоснабжения, определяемого показателями, установленными ГОСТ 321442013 и иными нормативными актами.

Ключевые слова: качество электрической энергии, ГОСТ 321442013, Федеральный закон № 35ФЗ, Постановление Правительства РФ № 442, розничный рынок электрической энергии, энергосбытовая организация, гарантирующий поставщик, ответственность за нарушение параметров качества.

Coercing a network organization to ensure the quality of electric energy: legal mechanisms and judicial practice

Kuzyakov Aleksey Vyacheslavovich, master's student

The Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk

The article examines the legal and technical foundations for ensuring the quality of supplied electric energy as a key parameter of power supply reliability, determined by indicators established by GOST 321442013 and other regulatory acts.

Keywords: quality of electric energy, GOST 321442013, Federal Law №. 35FZ, Resolution of the Government of the Russian Federation №. 442, retail electricity market, energy sales organization, guaranteeing supplier, liability for violation of quality parameters.

Качество поставляемой электрической энергии является одним из ключевых параметров надежности энергоснабжения и определяется совокупностью показателей, устанавливаемых межгосударственным стандартом ГОСТ 321442013 для точек поставки электрической энергии потребителям. Отклонения этих показателей (колебания напряжения, провалы, перенапряжения, несинусоидальность и др.) приводят не только к преждевременному выходу из строя бытовой техники и оборудования, но и создают риск пожаров, коротких замыканий и значительного имущественного ущерба для граждан и бизнеса. Федеральный закон № 35ФЗ «Об электроэнергетике», а также статья 542 ГК РФ возлагают на энергосбытовые и сетевые организации (системообразующие территориальные сетевые организации) публичную обязанность обеспечивать качество подаваемой энергии в соответствии с государственными стандартами и иными обязательными требованиями.

В развитие указанных норм в п. 1 ст. 38 Федерального закона № 35ФЗ «Об электроэнергетике» закреплено, что субъекты электроэнергетики, осуществляющие поставку электрической энергии потребителям (энергосбытовые

организации, гарантирующие поставщики, а также системообразующие и территориальные сетевые организации в пределах возложенной на них зоны ответственности), несут перед потребителями ответственность за надёжность энергоснабжения и соответствие качества электроэнергии требованиям технических регламентов и иных обязательных норм [1].

Согласно п. 30 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утверждённых постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442, в рамках договора энергоснабжения гарантирующий поставщик отвечает перед потребителем за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств, включая последствия действий сетевой организации, привлечённой для оказания услуг по передаче электрической энергии, а также иных участников процесса поставки электрической энергии потребителю [2].

В то же время Федеральный закон № 35ФЗ и Основные положения № 442 не возлагают на гарантирующего поставщика специальной обязанности по установлению и осуществлению постоянного контроля за действиями сетевых организаций, в том числе и за действиями систе-

мообразующих территориальных сетевых организаций, выходящей за рамки заключенных договоров между ними и гарантирующими поставщиками, а именно договоров на оказание услуг, и распределения зон ответственности на розничном рынке. Действующее регулирование исходит из того, что гарантирующий поставщик отвечает непосредственно перед потребителем за результат оказания услуги по энергоснабжению, но реализует свои права и возмещает убытки за счет регрессных требований к сетевой организации и иным субъектам, виновным в нарушении параметров качества.

Учитывая, что гарантирующий поставщик по своему правовому статусу, в соответствии с законодательством о розничных рынках электрической энергии, не является владельцем объектов электросетевого хозяйства и не наделён правом их эксплуатации на праве собственности либо ином вещном праве, он не может самостоятельно обеспечивать физическую доставку электрической энергии до конечных потребителей. Фактическое доведение электрической энергии до точек присоединения потребителей осуществляется посредством привлечения территориальной сетевой организации, на балансе которой находятся соответствующие линии электропередачи и иное сетевое оборудование. Такая организация несёт ответственность за техническое состояние сетей, бесперебойность и качество передачи электрической энергии. В связи с этим между гарантирующим поставщиком и территориальной сетевой организацией заключается договор на оказание услуг по передаче электрической энергии. В силу данного договора сетевая организация обязана обеспечивать транспортировку электрической энергии до потребителей гарантирующего поставщика с соблюдением установленных требований к качеству и надёжности, организовывать и проводить мероприятия по контролю и проверке параметров электроэнергии, а также по запросу гарантирующего поставщика предоставлять информацию о показателях качества и результатах проведённых проверок.

Постановлением Правительства РФ от 24.01.2024 № 55 «О внесении изменений в Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442» уточнен порядок действий гарантирующего поставщика и сетевой организации при поступлении обращений потребителей, связанных с поставкой электроэнергии ненадлежащего качества либо с перерывами в ее подаче. В частности, установлено, что при получении такого обращения гарантирующий поставщик обязан в течение двух рабочих дней направить его копию и прилагаемые документы в соответствующую сетевую организацию, а совместная проверка изложенных в обращении фактов должна быть проведена в срок не более пятнадцати рабочих дней с последующим направлением потребителю мотивированного ответа по существу заявленных требований.

С учетом закреплённого алгоритма взаимодействия при рассмотрении обращений потребителей, обращения, поступившие гарантирующему поставщику, направля-

ются в сетевую организацию для проведения проверочных мероприятий, предусматривающих при необходимости измерение показателей качества электрической энергии в установленные законодательством сроки. Тем самым законодатель, даже после внесения изменений в Основные положения № 442, сохранил прежний подход: на гарантирующего поставщика не возлагаются функции регулятора или надзорного органа в отношении сетевых компаний, а его обязанности ограничиваются надлежащей организацией работы с обращениями потребителей и урегулированием отношений с иными субъектами электроэнергетики в пределах договорных связей.

Понуждение сетевой организации к соблюдению показателей качества в современных условиях реализуется через совокупность договорных, административных и судебных механизмов, при этом ключевая роль в защите конечного потребителя сохраняется за гарантирующим поставщиком. Судебная практика последних лет демонстрирует стремление судов увязать вопрос о выборе надлежащего способа защиты с разграничением зон ответственности по границам балансовой принадлежности сетевого имущества и с конкретными техническими возможностями устранения нарушений качества в точке поставки.

Ключевым юридическим основанием для понуждения сетевой организации к обеспечению качества является договор оказания услуг по передаче электрической энергии, в котором могут быть детально закреплены показатели качества, порядок контроля и ответственность за их несоблюдение. Расширение перечня договорных санкций (неустойка, штраф, возмещение убытков, право одностороннего отказа при систематических нарушениях качества) позволяет гарантирующему поставщику фактически «переносить» на сетевую организацию последствия своих расчетов с потребителями, однако суды требуют доказывания причинноследственной связи между нарушениями сети и конкретными расходами гарантирующего поставщика.

Наряду с договорными мерами гарантирующий поставщик и потребители вправе инициировать проверки со стороны органов государственного энергетического надзора, Ростехнадзора, Роспотребнадзора, а также обращаться в прокуратуру с требованием о принятии мер прокурорского реагирования к сетевой организации. Эти механизмы, как правило, направлены на выявление нарушений обязательных требований (ГОСТ 32144-2013, правил технологического функционирования, правил устройства электроустановок) и выдачу предписаний об их устранении, что впоследствии используется в суде в качестве доказательства противоправности бездействия сетевой организации.

В судебной практике наиболее распространен иск об обязанности сетевой организации восстановить передачу принятой в сеть электрической энергии от точек приема до точек поставки с соблюдением параметров качества передаваемой электрической энергии в соответствии с тре-

бованиями ГОСТ 321442013 и о взыскании неустойки, денежных средств за неисполнение судебного акта.

В споре по делу № А39–5214/2025 гарантирующий поставщик просил обязать СТСО «Россети Волга» восстановить передачу электрической энергии до конкретной точки поставки с соблюдением требований ГОСТ 321442013, а также установить судебную неустойку (астрента) за неисполнение решения суда [3]. Суд подтвердил, что на сетевую организацию в силу договора оказания услуг, Закона об электроэнергетике, Правил № 861 и ст. 542 ГК РФ возложена обязанность обеспечивать в точке поставки качество, соответствующее техническим регламентам.

Однако после обращения истца в суд ответчик провел соответствующие мероприятия и инструментальный контроль качества напряжения в спорной точке, результаты которого подтвердили соответствие параметров требованиям ГОСТ 321442013; акт измерений был подписан потребителем, который впоследствии письменно отказался от претензий. Поскольку на момент вынесения решения ответчиком устранены нарушения качества, суд отказал в иске о понуждении к восстановлению параметров, одновременно возложив на сетевую организацию обязанность возместить гарантирующему поставщику расходы по государственной пошлине как понесенные вследствие ненадлежащего исполнения обязательств до обращения в суд.

В деле № А03–15025/2025 гарантирующий поставщик «Алтайэнергосбыт» заявил требования об обязанности ПАО «Россети Сибирь» в лице филиала «Алтайэнерго» в установленный срок восстановить передачу электроэнергии надлежащего качества до конкретной точки поставки, а также о присуждении судебной неустойки (астрента) на случай неисполнения решения [4]. Основанием послужили обращения потребителя и результаты периодического мониторинга качества электроэнергии с использованием измерительного прибора, подтвердившие многократные отклонения напряжения свыше предельных значений, установленных п. 4.2.2 ГОСТ 321442013.

Суд, опираясь на положения Закона об электроэнергетике, Основных положений № 442, Правил № 861, ст. 541, 542, 308.3 ГК РФ и условия договора передачи, признал обязанность сетевой организации обеспечить параметры качества в точке поставки и констатировал наличие длящегося нарушения, не опровергнутого ответчиком. В резолютивной части решения суд обязал сетевую организацию в месячный срок с момента вступления решения в силу восстановить подачу электроэнергии, соответствующей ГОСТ, и, применив механизм судебной неустойки по ст. 308.3 ГК РФ и разъяснениям Пленума ВС РФ № 7

от 24.03.2016, присудил в пользу гарантирующего поставщика 20 000 руб. за каждый месяц неисполнения судебного акта, признав изначально заявленный размер подлежащим снижению по критериям справедливости и соразмерности.

Показательным является дело № А33–30766/2023 по иску АО «Транснефть — Западная Сибирь» к ПАО «Россети Сибирь» и ОАО «РЖД», рассмотренное Арбитражным судом Красноярского края, в котором суд обязал ответчиков в течение 885 дней выполнить комплекс конкретных технических мероприятий (включая строительство подстанции и установку специального оборудования), направленных на приведение качества электроэнергии, поставляемой на НПС «Мариинская», в соответствие с требованиями приказа Минэнерго. В решении суд указал на необходимость устранения нарушений не только со стороны сетевой организации, но и со стороны потребителя, вносящего искажения в сеть, и установил на случай неисполнения судебного акта неустойку за каждый день просрочки. Данное дело в корпоративной практике «Транснефтьэнерго» и в экспертных комментариях справедливо характеризуется как прецедентное, поскольку впервые сочетает возложение детализированных технических обязанностей на нескольких участников энергосистемы с применением значительной судебной неустойки как средства понуждения к восстановлению надлежащего качества электроснабжения.

Таким образом, качество электрической энергии закреплено законодательством как обязательный параметр надежности энергоснабжения, подлежащий соблюдению в точке поставки в соответствии с ГОСТ 321442013 и иными обязательными требованиями. При этом перед конечным потребителем несет ответственность гарантирующий поставщик, хотя фактическое обеспечение параметров качества возлагается на сетевую организацию, с которой он выстраивает договорные отношения и реализует регрессные требования. Судебная практика показывает, что ключевым способом защиты является иск о понуждении сетевой организации обеспечить надлежащее качество электроэнергии в конкретной точке поставки и применение судебной неустойки, но такие требования удовлетворяются лишь при наличии длящегося нарушения на момент рассмотрения спора. В результате центральное значение приобретает надлежащее документирование отклонений качества, четкое распределение зон ответственности в договорах передачи и активное использование как договорных, так и публичноправовых механизмов воздействия на сетевые организации.

Литература:

1. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 16.03.2003 г. № 35-ФЗ // СЗ РФ 2003. № 13. Ст. 1177.
2. О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии: Постановление Правительства РФ 04.05.2012 г. № 442 // СЗ РФ от 2012. № 23. Ст. 3008.

3. Решение по делу А39–5214/2025 от 30 октября 2025 г. // Доступ из государственной онлайн-системы «Мой арбитр». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4ba92492-3ab9-43ce-b290-3318e805def9/11a29e68-ffba-4edf-b80d-893e6f58d348/A39-5214-2025_20251030_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2026).
4. Решение по делу А03–15025/2025 от 1 декабря 2025 г. // Доступ из государственной онлайн-системы «Мой арбитр». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0e366d95-4d5f-4664-aab1-516f012f2d08/f0a7f292-e225-4715-b474-0ee4832d2060/A03-15025-2025_20251201_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.02.2026).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ 1996. № 5. Ст. 410.
6. Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям: Постановление Правительства РФ 27.12.2004 № 861 // СЗ РФ 2004. № 52. (часть II). Ст. 5525.
7. Межгосударственный стандарт ГОСТ 32144–2013 Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22.07.2013 г. № 400-ст // Доступ из справочной правовой системы «Гарант».

Актуальные аспекты заключения договора строительного подряда

Куроптева Юлия Евгеньевна, студент магистратуры
Московский экономический институт

Проведен анализ актуальных аспектов заключения договора строительного подряда. Обращено внимание на проблемы возникающие при заключении договора строительного подряда. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: договор строительного подряда, заключение договора строительного подряда.

Current aspects of concluding a construction contract

Kuropteva Yuliya Yevgenyevna, master's student
Moscow Economic Institute

An analysis of the current aspects of concluding a construction contract was conducted. Attention is drawn to the problems that arise when concluding a construction contract. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: construction contract, conclusion of a construction contract.

Заключению договоров строительного подряда, как правило, предшествует вынесение ряда административных и корпоративных актов, таких как выдача разрешения на строительство, получение разрешения собственника земельного участка и (или) здания, сооружения на строительство, подготовка строительной документации, подтверждающей соблюдение публично-правовых требований, определение перечня строек и объектов для федеральных государственных нужд, в некоторых случаях заключение экологической экспертизы и т. д. Такие акты, несомненно, влияют на существенные условия договора, включая права и обязанности подрядчика и заказчика.

Экспертиза градостроительной и проектной документации является обязательным этапом при строительстве,

проводится независимо от источников финансирования, объекта строительства, осуществляется уполномоченными органами.

Экспертиза проводится для недопущения строительства, которое нарушает права физических и юридических лиц, а также несет опасность для здоровья и жизни граждан.

Градостроительная документация и проекты строительства, прошедшие экспертизу, подлежат утверждению в установленном порядке. Градостроительная документация, утверждается в соответствии со статьёй 6 7 Градостроительного кодекса Российской Федерации государственными органами представительной и исполнительной власти в соответствии с их компетенцией, определяемой

законодательством Российской Федерации. Финансируемых строительных проектов с государственных капитальных вложений, финансируемых из республиканского бюджета Российской Федерации, утверждаются соответствующими государственными органами. Строительные проекты, финансируемые за счет капитальных вложений, финансируемых из бюджетов субъектов Российской Федерации, должны быть утверждены соответствующими правительственными учреждениями или в установленном ими порядке. Строительными проектами, финансируемыми за счет собственных финансовых ресурсов, кредитов и привлеченных средств инвесторов (включая иностранных), утверждаются непосредственно заказчиками (инвесторами).

На основе действующего законодательства можно выделить три способа заключения договора строительного подряда: общий, основанный на обмене заинтересованными лицами офертой и акцептом; специальный, который возникает на основании результатов проведенных торгов, а также заключение договора строительного подряда при существовании обязанности заключить данный договор.

Путем направления оферты и получения акцепта заключается большинство договоров строительного подряда, в результате чего оформляется договор в письменном виде с согласованием всех его существенных условий.

Между тем, из пункта 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ» следует, что «соглашение сторон по всем существенным условиям договора может быть достигнуто не только путем обмена офертой и акцептом либо совместной разработки условий в переговорах, но и иным способом — договор, в частности, считается заключенным, когда воля сторон на заключение договора явствует из их поведения»[1].

В научной литературе предлагается нормативно закрепить в статьях 703 и 740 ГК РФ требование о заключении договора строительного подряда исключительно в письменной форме, поскольку в таком случае «неисполнение данной обязанности повлечет недействительность договора, что будет стимулировать сторон заключать договор в письменной форме, в котором будут определены все существенные условия[2]».

В судебной практике действительно рассматривается множество споров, причиной которых становится ненадлежащее оформление договорных отношений, а заказчик, получив результат работ, уклоняется от их оплаты.

Так, из постановления Арбитражного суда Московского округа от 05 марта 2020 года по делу № А40–294890/2018 следует, что акцептом полученной оферты в соответствии с пунктом 3 статьи 438 ГК РФ явилось выполнение подрядчиком работ в полном объеме в соответствии с условиями оферты; ответчиком работы были приняты без замечаний, что подтверждается актом о приемке выполненных работ и справкой о стоимости выполненных

работ и затрат. В результате чего, «суды пришли к выводу о наличии правовых оснований для взыскания задолженности с заказчика в пользу подрядчика»[3].

Исходя из норм действующего гражданского законодательства, мнений ученых, действующих разъяснений высших судов и судебной практики, можно сделать вывод, что договор строительного подряда должен быть заключен в письменной форме, с согласованием всех существенных условий, подписанием локальной сметы, технической документации, различных приложений, в которых как можно подробнее были бы изложены все условия его исполнения. Поскольку договор строительного подряда, как правило, является длительным и сложным в исполнении, на стадии его заключения необходимо урегулировать как можно больше вопросов, с целью устранения возможных разногласий при выполнении работ и предотвращения дальнейших судебных споров.

Вышеуказанная судебная практика относительно признания договора строительного подряда заключенным при отсутствии согласования его существенных условий либо при его не подписании, должна применяться с учетом ситуации в каждом конкретном случае. Между тем, стороны при заключении договора строительного подряда не должны полагаться лишь на применение вышеизложенной судебной практики, а должны исходить из необходимости качественной подготовки условий договора и его подписания.

Заключение договора строительного подряда в обязательном порядке возможно в случае выполнения работ для государственных нужд, поскольку согласно пункту 1 статьи 527 ГК РФ для государственного заказчика, разместившего заказ, принятый поставщиком (исполнителем), заключение государственного контракта является обязательным.

Применительно к заключению государственных и муниципальных контрактов на выполнение подрядных работ для соответствующих нужд Федеральный закон Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[4] предусматривает две разновидности торгов: аукцион и конкурс, что отвечает требованиям статьи 447 ГК РФ.

Главной отличительной особенностью является то, что государственные или муниципальные учреждения (заказчики) выбирают себе подрядчика на электронной площадке, путем размещения заказа о конкретной работе либо объекте и в дальнейшем уже заключают контракт с победителем торгов или победителем запроса котировок. Все действия протекают в электронном формате.

Действующим законодательством предъявляются жесткие правила, которым необходимо следовать при заключении таких контрактов.

Так, согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 18 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе

в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.06.2017: «государственный (муниципальный) контракт, заключенный с нарушением требований Закона о контрактной системе и влекущий, в частности, нарушение принципов открытости, прозрачности, ограничение конкуренции, необоснованное ограничение числа участников закупки, а, следовательно, посягающий на

публичные интересы и (или) права и законные интересы третьих лиц, является ничтожным».

Таким образом, выполнение подрядных работ для государственных или муниципальных нужд, должно осуществляться в строгом соответствии с заключенным контрактом и в отличие от обычного договора строительного подряда выполненные работы, выходящие за рамки контракта, могут быть оплачены только в исключительных случаях.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.
2. Сазонова Т. В. Осуществление и защита прав сторон в подрядных отношениях: диссертация ... кандидата юридических наук — Саратов. 2012. С. 122.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.03.2020 № Ф05–23020/2019 по делу № А40–294890/2018 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 28.12.2025) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

Основные направления совершенствования гражданского законодательства о непоименованных договорах в Российской Федерации

Линник Арсений Витальевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Олейник Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Международный юридический институт (г. Москва)

В настоящей статье определяются возможные направления совершенствования гражданского законодательства о непоименованных договорах. Отмечается, что в современном гражданском законодательстве не определены фундаментальные понятия о договорной свободе и ее пределах, что порождает возможности для злоупотреблений своими правами сторонами таких договоров. В связи с этим, разрабатываются определения таких понятий и конкретные статьи, в которые данные определения можно включить. Также автор обращает внимание на то, что в законодательстве РФ нет определения понятия «непоименованный договор», что также не позволяет говорить о том, что законодательство в данной сфере не лишено пробелов.

Ключевые слова: непоименованный договор, свобода договора, пробелы в законодательстве, гражданско-правовой договор, недобросовестные условия.

На сегодняшний день гражданские правоотношения регламентируются не только с помощью нормативно-правовых актов, но и путем соглашения сторон. В этом свое проявление находит принцип диспозитивности в гражданско-правовых отношениях.

Стоит отметить, что наличие таких отношений, а также их развитие на современном этапе, предопределило то, что в Гражданском кодексе РФ (далее-ГК РФ) нет исчерпывающего перечня гражданско-правовых договоров, а в ч.2 ст. 421 ГК РФ прямо сказано, что субъекты гражданских правоотношений наделены правом заключать договоры как предусмотренные, так и не предусмотренные ГК РФ [1].

Известно, что такие договоры именуются непоименованными, примеров их в практической деятельности множество, например, таким договором является договор хранения эмбриона человека при использовании вспомогательных репродуктивных технологий [4, с. 281].

Как справедливо отмечается в научной литературе, в настоящее время правовое регулирование непоименованных договоров является достаточно пробельным, более того, не урегулированы аспекты, которые значимы для общего понимания данной категории гражданского права [2, с.178].

С этим на современном этапе весьма затруднительно не согласиться, так как в ГК РФ до сих пор нет легального опре-

деления данного понятия, а в качестве единственной нормы, применимой к данной категории, является норма ч.2 ст. 421 ГК РФ, которая была рассмотрена выше. Полагаем, что гражданское законодательство в данной части нуждается в дополнениях. В частности, стоит дополнить ч.2 ст. 421 ГК РФ частью 2.1 и изложить его в следующей редакции:

«2.1 Непоименованный договор — это соглашение между сторонами, которое не предусмотрено в гражданском законодательстве в качестве отдельного вида договора, но соответствует общим требованиям гражданского права».

Полагаем, что такие дополнения не только внесут определенную ясность, но и позволят отграничить непоименованный договор от смешанного.

Также множество неурегулированных моментов возникает в части правовой регламентации свободы договора в непоименованных договорах. Ситуация также осложняется тем, что в ГК РФ нет определения понятия «свобода договора».

В связи с этим полагаем, что решение этой проблемы может быть достигнуто путем дополнения ст. 421 ГК РФ о свободе договора и изложении ее в следующей редакции:

«6. Свобода договора является принципом гражданского права, который определяется в наличии воли каждого лица свободно вступать в договорные отношения путем заключения или не заключения договора при соблюдении обязательных правил, предъявляемых к его составлению».

Кроме того, несмотря на то, что законодатель предоставляет определенную свободу при определении договорных условий в непоименованных договорах, на практике это не должно порождать ситуацию, при которой стороны включают в него априори недобросовестные условия.

Полагаем, что для недопущения такой ситуации ст. 421 ГК РФ также нужно дополнить частью 7 и изложить ее в следующей редакции:

«7. Не допускается включение в договор недобросовестных условий — условий, объективно противоречащих интересам одной из сторон договора или целью которых выступает формирование неравноправия сторон. Такие условия договора являются ничтожными».

Представляется, что дополнения подобного рода не только позволят более четко и полно определить свободу договора в гражданском праве, но и, некоторым образом, урегулировать ее пределы в непоименованных договорах, так как в ГК РФ будет указано, что недобросовестные до-

говорные условия априори в договор включаться не могут (вне зависимости от того, непоименованный договор или же поименованный договор заключили стороны).

Также для оптимизации правового регулирования данных договоров стоит определить множество оценочных понятий, которыми нередко оперируют суды в рамках рассмотрения спорных ситуаций и определений, которых в законе пока не представлено [3, с.49].

К данным понятиям на современном этапе относят такие понятия, как добросовестность, разумность, справедливость, а также равенство переговорных возможностей. Сущность указанных понятий сегодня в правовых актах не определяется, как следствие, для совершенствования законодательства в данной сфере стоит продолжать работу по развитию положений Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее-Постановление ВАС РФ № 16) [5].

Автор приходит к выводу, что в рамках рассмотрения споров стоит руководствоваться тем, что под добросовестностью стоит понимать традиционный для общества идеал честного и совестного поведения людей, при котором они надлежащим образом исполняют свои обязанности и не нарушают права и законные интересы третьих лиц. Под разумностью необходимо понимать такое поведение участников всех гражданских правоотношений, при котором они в рамках осуществления принадлежащих им прав и обязанностей соизмеряют свое поведение с общими представлениями об осторожности, экономической целесообразности и предусмотрительности. Под справедливостью необходимо понимать стремление участника гражданских правоотношений к тому, чтобы соблюдать баланс прав и обязанностей, а также в полной мере учитывать интересы общества и государства. Под равенством переговорных возможностей надлежит понимать модель заключения договоров, в рамках которой обе стороны сделки определяют условия сделки и стороны имеют одинаковые возможности для согласования иных условий или внесения в условия изменений.

Таким образом, основные направления совершенствования гражданского законодательства о непоименованных договорах, как полагает автор, связаны с определением спектра ключевых понятий гражданского права, поскольку без определения данных понятий пределы свободы договора в непоименованных договорах установить достаточно трудно.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [федер. закон: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: по состоянию на 31 июля 2025 г.] // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Ахмедов, А. Я. Непоименованные договоры в гражданском праве России: монография. — М.: Проспект, 2025. — 248 с.
3. Зыкова, Т. А. Заключение непоименованных договоров как проявление принципа свободы договора /Т. А. Зыкова // Территория науки и образования. — 2024. — № 2. — С.47–50.
4. Мухин, С. И. К вопросу об определении правовой природы договора хранения эмбриона человека при применении вспомогательных репродуктивных технологий /С. И. Мухин // Эпомен. — 2021. — № 58. — С.279–283.

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2014. — № 5.

Нарушения законодательства в сфере социальной защиты ветеранов и инвалидов: виды, ответственность и практика судебного рассмотрения

Луконкина Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Колесникова Татьяна Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются основные виды нарушений законодательства в сфере социальной защиты ветеранов и инвалидов, а также предусмотренные российским законодательством меры юридической ответственности за их совершение. Анализируются гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность применительно к различным составам правонарушений. Проводится анализ материалов судебной практики, иллюстрирующих типичные нарушения прав ветеранов и инвалидов (необеспечение лекарственными препаратами, непредоставление жилых помещений, незаконный отказ в социальных выплатах и льготах), а также рассматриваются правовые позиции судов по указанным категориям дел. Выявляется ключевая проблема правоприменительной практики — низкая эффективность привлечения виновных лиц к ответственности вследствие пробелов в нормативно-правовом регулировании, сложности доказывания и отсутствия специализированных контрольных механизмов. Предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства, включая введение обязательного мониторинга исполнения предписаний контрольных органов, ужесточение санкций за повторные нарушения и создание специализированных административных комиссий по рассмотрению жалоб ветеранов и инвалидов.

Ключевые слова: ветераны, инвалиды, нарушения законодательства, административная ответственность, уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность, судебная практика, совершенствование законодательства.

Законодательство Российской Федерации о социальной защите ветеранов и инвалидов представляет собой комплексную систему норм, гарантирующих указанным категориям граждан льготы, выплаты, медицинское и транспортное обслуживание, а также обеспечение доступности объектов социальной инфраструктуры. Однако, несмотря на наличие развернутой нормативно-правовой базы, современная правоприменительная практика указывает на частые случаи нарушения прав данных категорий граждан.

Нарушения законодательства в сфере социальной защиты ветеранов и инвалидов могут проявляться в различных формах и связаны с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств по предоставлению льгот, гарантий и мер поддержки, предусмотренных Федеральным законом «О ветеранах» [1], Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [2] и другими нормативными актами. Рассмотрим основные виды нарушений законодательства в рассматриваемой сфере.

Так, зачастую нарушения происходят в части отказа в признании за гражданином статуса ветерана. К примеру, ведомства могут необоснованно отказывать в признании статуса ветерана из-за отсутствия подтверждающих документов, даже если есть возможность запросить архивные справки через военкомат или Министерство обороны

России. Такое нарушение относится не только к самим ветеранам, но и к членам их семьи.

В качестве наглядного примера рассмотрим Решение Первомайского районного суда г. Пензы Пензенской области от 27 августа 2025 г. по делу № 2–1600/2025 [3]. Гражданка А. обратилась в суд с иском к Министерству обороны РФ и военным комиссариатам Пензенской области о признании незаконным отказа в выдаче удостоверения члена семьи ветерана боевых действий. А. является матерью А. Р. М., который с мая по август 2023 года участвовал в специальной военной операции в составе добровольческого штурмового отряда «Z» (в/ч 22179) и погиб при выполнении боевых задач 3 августа 2023 года. Военкомат отказал в выдаче удостоверения, ссылаясь на то, что бойцы добровольческих формирований (в том числе «Штурм Z»), ранее отбывавшие наказание, не относятся к ветеранам боевых действий по Федеральному закону «О ветеранах». А. считала отказ незаконным и просила обязать ответчиков выдать удостоверение. Рассмотрев дело суд признал отказ неправомерным, установив, что А. Р. М. имел право на статус ветерана боевых действий, и обязал военкомат выдать гражданке А. удостоверение члена семьи погибшего ветерана.

Различные нарушения происходят также в сфере жилищных прав ветеранов и инвалидов. К таким нарушениям стоит отнести безосновательное снятие ветерана

с жилищного учета, длительное непредоставление жилья нуждающимся гражданам, нарушение права на первоочередное обеспечение жильем или на компенсацию расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг.

В качестве примера нарушения жилищных прав ветерана отметим материалы судебной практики. Ветеран Великой Отечественной войны М. обратилась в суд с иском к администрации сельского поселения Некрасовское о признании ее и членов ее семьи нуждающимися в жилом помещении по договору социального найма. Она проживала с внучкой и правнуками в доме (построен более ста лет назад), где отсутствовали канализация, горячее водоснабжение, туалет находился на улице. После обращения в прокуратуру дом был признан непригодным для проживания, однако в постановке на жилищный учет было отказано в связи с отсутствием статуса малоимущей семьи. Решением Некрасовского районного суда Ярославской области от 15 ноября 2024 года по делу № 2–598/2024 [4] исковые требования гражданки М. были удовлетворены, поскольку ветеран имеет право на льготы, установленные ст. 20 Федерального закона «О ветеранах».

Проводя анализ нарушений законодательства в сфере социальной защиты ветеранов и инвалидов, нельзя не выделить нарушения в сфере медицинского обслуживания. К таким нарушениям зачастую становятся: отказ в бесплатном протезировании или обеспечении лекарственными препаратами; нарушение права на изготовление и ремонт зубных протезов в государственных или муниципальных учреждениях здравоохранения, а также на обеспечение другими протезами и протезно-ортопедическими изделиями за счет бюджетных средств; отказ в сохранении обслуживания в поликлиниках и других медицинских учреждениях, к которым ветеран или инвалид был прикреплен до выхода на пенсию.

Рассмотрим пример. Прокурор Болховского района Орловской области обратился в суд в интересах федерального льготника И. (признан инвалидом), страдающего хронической обструктивной болезнью легких и бронхиальной астмой. По медицинским показаниям ему были рекомендованы препараты: «Ипратропия бромид», «Будесонид», «Тиотропия бромид», «Бисопролол». Лечащим врачом 14 февраля 2025 года были выписаны соответствующие рецепты, однако льготными лекарствами И. обеспечен не был. Проверкой прокуратуры установлено, что в феврале 2025 года рецепты на указанные препараты были аннулированы. Прокурор просил обязать И. необходимые лекарства бесплатно в соответствии с врачебными назначениями вплоть до их отмены. Решением Болховского районного суда Орловской области от 23 апреля 2025 г. по делу № 2–200/2025 [5] исковые требования прокурора Болховского района в интересах И. к Департаменту здравоохранения Орловской области были удовлетворены в полном объеме.

Рассмотрим еще один пример из судебной практики. Прокурор Советского района г. Орла обратился в суд в интересах Г. с требованием обязать Департамент здравоохра-

нения Орловской области обеспечить его лекарствами и взыскать убытки. Проверкой установлено, что Г. с февраля 2020 года состоит на диспансерном учете и нуждается в льготных препаратах. Из-за их отсутствия он приобрел лекарство за свой счет на сумму 2 523,77 руб. Истец просил обеспечить Г. препаратами по врачебным назначениям, взыскать убытки и обратиться к немедленному исполнению. Решением Советского районного суда г. Орла Орловской области от 21 января 2025 г. по делу № 2–568/2025 [6] иск прокурора удовлетворен в полном объеме. Суд учел, что в силу Указа Президента РФ «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов» [7] инвалиды I и II групп имеют право на бесплатное обеспечение лекарствами по рецептам врачей.

К определенной группе нарушений стоит также отнести и нарушения в сфере транспортных льгот. К примеру, отказ в предоставлении бесплатного проезда на городском пассажирском транспорте и автомобильном транспорте общего пользования.

Наглядным примером нарушения в сфере транспортных льгот является дело № 2–2466/2025, рассмотренное Свердловским районным судом г. Иркутска. Инвалид II группы гражданин П. обратился в суд с иском к Отделению фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (ОСФР) о восстановлении права на бесплатный проезд к месту лечения и обратно. В декабре 2024 года в МФЦ он получил неверную консультацию и ошибочно поставил отметку в заявлении, в результате чего лишился льготного проезда к месту лечения. Обнаружив это, он подал заявление об отзыве ошибочного отказа, но получил отказ со ссылкой на пропуск срока подачи (до 1 октября). Суд признал отказ незаконным, учитывая, что истец является инвалидом II группы и имеет право на данную социальную поддержку. Решением Свердловского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 21 мая 2025 г. по делу № 2–2466/2025 [8] исковые требования были удовлетворены. Также суд обязал ОСФР возобновить предоставление социальной услуги с указанной даты.

Исследуя нарушения законодательства в сфере социальной защиты ветеранов и инвалидов, отметим такой вид нарушений как непредоставление денежных выплат и компенсаций. Например, отказ в назначении ежемесячной денежной выплаты ветерану труда без законных оснований.

Так, ветеран труда гражданин Е. обратился в суд с иском к Управлению социальной защиты населения Тульской области о назначении ежемесячной денежной выплаты с 14 января 2025 года согласно ст. 7 Закона Тульской области от 28 декабря 2004 года № 493-ЗТО «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей Тульской области» [9]. 19 декабря 2024 года ему выдали удостоверение «Ветеран труда». 14 января 2025 года он подал заявление на выплату через МФЦ, но 16 января 2025 года получил отказ, который счел незаконным. Решением Новомосковского городского суда Тульской области

от 22 апреля 2025 г. по делу № 2–1055/2025 [10] иски требования Е. были удовлетворены — суд признал отказ незаконным и обязал управление социальной защиты назначить истцу ежемесячную денежную выплату с 14 января 2025 года.

Нарушения законодательства происходят также и в сфере прав инвалидов и ветеранов на предоставлении льгот по оплате коммунальных услуг. Например, организации могут незаконно отказывать в компенсации 50 % расходов на оплату коммунальных услуг в пределах установленных нормативов.

Рассмотрим материал судебной практики. Ветеран труда обратилась в суд с иском к Министерству социально-демографической и семейной политики и ГКУ СО «ГУСЗН» о признании незаконным прекращения выплат компенсации ЖКУ и расходов на капитальный ремонт, так как в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О ветеранах» она имеет право на указанные льготы. В рамках дела было выяснено, что с апреля 2017 года истица фактически проживала в г. Самара (временная регистрация), и получала компенсацию до декабря 2023 года. После продления регистрации выплаты прекратились, со ссылкой на то, что компенсация по временной регистрации не положена. При этом с 2017 года она непрерывно проживала по одному адресу. Заявление перенаправили по месту постоянной регистрации (г. Глинка). После получения постоянной регистрации в Самаре истице уведомлением от 24 октября 2024 года фактически отказали в выплатах. Истица полагала отказ незаконным, поскольку длительное проживание по одному адресу подтверждено, а ссылки ответчика на отсутствие регистрации по месту жительства законодательством не предусмотрены. Решением Октябрьского районного суда г. Самары Самарской области от 16 июля 2025 г. по делу № 2–4217/2025 [11] иски требования были удовлетворены, суд признал незаконным решение ответчиков и обязал произвести перерасчет.

Совершение рассмотренных нарушений, несомненно, влечет за собой юридическую ответственность — согласно ст. 26 Федерального закона «О ветеранах» «должностные лица федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в соответствии с законодательством несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение законодательства Российской Федерации о ветеранах»; согласно ст. 32 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» «граждане и должностные лица, виновные в нарушении прав и свобод инвалидов, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Говоря об ответственности за совершение данных нарушений, стоит выделить такие виды ответственности как: гражданско-правовую, административную и уголовную. Каждая из этих форм имеет свои основания, процедуры применения и санкции, направленные на восстановление нарушенных прав уязвимых категорий

населения и предупреждение подобных нарушений в будущем. Подчеркнем, что эффективность правового механизма защиты напрямую зависит от неотвратимости наказания для нарушителей, будь то должностные лица, организации или граждане.

Гражданско-правовая ответственность наступает вследствие причинения имущественного или морального вреда ветерану или инвалиду. Наиболее распространенными нарушениями данной категории являются: необоснованный отказ в предоставлении льгот и социальных услуг, задержка или невыплата установленных законом пособий и компенсаций, повреждение имущества, принадлежащего инвалиду (например, специальных технических средств реабилитации). Статьи 1064–1101 Гражданского кодекса РФ [12] закрепляют принцип полного возмещения убытков, включая реальный ущерб, упущенную выгоду и компенсацию морального вреда. При этом для освобождения от ответственности нарушитель должен доказать отсутствие своей вины, что является существенной гарантией для потерпевшего. Однако на практике основная проблема заключается в длительности судебного разбирательства и сложности доказывания размера причиненного вреда, особенно в части моральных страданий.

Административная ответственность охватывает наиболее широкий спектр нарушений прав ветеранов и инвалидов. Кодекс об административных правонарушениях РФ [13] (КоАП РФ) содержит следующие ключевые составы: нарушение прав инвалидов в области трудоустройства и занятости (ст. 5.42); нарушение требований о выделении мест для специальных автотранспортных средств инвалидов на парковках (ст. 5.43); уклонение от исполнения требований по обеспечению доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры (ст. 9.13, штраф для должностных лиц от 2 до 3 тыс. рублей, для юридических лиц от 20 до 30 тыс. рублей); отказ от производства транспортных средств общего пользования, приспособленных для использования инвалидами (ст. 9.14); организация транспортного обслуживания без создания условий доступности (ст. 11.24); отказ в предоставлении товаров, работ или услуг инвалидам (ч. 5 ст. 14.8, штраф для должностных лиц от 30 до 50 тыс. рублей, для организаций — от 300 до 500 тыс. рублей). Также статьей 19.5 КоАП РФ установлено наказание за неисполнение предписания об устранении нарушений (для должностных лиц — штраф от 1 до 2 тыс. рублей или дисквалификация до 3 лет, для юридических лиц — штраф от 10 до 20 тыс. рублей).

В свою очередь, уголовная ответственность наступает за наиболее общественно опасные деяния. Ст. 136 Уголовного кодекса РФ [14] устанавливает наказание за дискриминацию, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека в зависимости от его принадлежности к той или иной социальной группе, — до 5 лет лишения свободы при наличии отягчающих обстоятельств. Ст. 137 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни

(например, незаконное распространение сведений о состоянии здоровья инвалида). Ст. 140 Уголовного кодекса РФ — за незаконный отказ в предоставлении информации, что особенно актуально в случаях, когда инвалиду не была предоставлена информация о полагающихся ему льготах в доступной форме. Ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ карает за невыплату свыше двух месяцев заработной платы, пенсий, пособий и иных установленных законом выплат, совершенную руководителем из корыстной или иной личной заинтересованности.

Вместе с тем, нельзя не выделить существующую в наше время проблему привлечения виновных лиц к ответственности, которая заключается в низкой эффективности правоприменительного механизма. Это обусловлено, на наш взгляд, следующими факторами.

Во-первых, отсутствует системный мониторинг исполнения предписаний контрольных органов: после вынесения предписания об устранении нарушения контроль за его фактическим исполнением зачастую не ведется, а ответственность наступает лишь в случае грубого и очевидного неисполнения (к примеру, по ст. 19.5 КоАП РФ).

Во-вторых, говоря про административную ответственность, можно увидеть, что размеры административных штрафов для должностных лиц (2–3 тыс. рублей за недоступность объектов, 30–50 тыс. рублей за отказ в предоставлении услуг) явно несоразмерны уровню социальной значимости нарушаемых прав и не оказывают, на наш взгляд, должного сдерживающего воздействия.

В-третьих, отсутствие специализированных административных комиссий по рассмотрению жалоб ветеранов и инвалидов приводит к тому, что дела рассматриваются общими судами длительное время, тогда как оперативное восстановление права для указанных категорий граждан имеет критическое значение.

В-четвертых, уголовное преследование по ст. 136–145.1 Уголовного кодекса РФ практически не применяется из-за сложности доказывания корыстной или личной заинтересованности должностного лица.

Таким образом, с целью решения указанных проблем предлагаются следующие нормативно-правовые изменения.

Во-первых, необходимо внести изменения в ст. 19.5 КоАП РФ, установив для должностных лиц за повторное неисполнение предписания об устранении нарушений прав ветеранов и инвалидов дисквалификацию на срок от 1 года до 3 лет без альтернативы в виде штрафа.

Во-вторых, целесообразно повысить размеры административных штрафов по статьям 5.42, 9.13 и 14.8 КоАП РФ в два-три раза (для должностных лиц — до 100 тыс. рублей, для организаций — до 1 млн рублей), а также ввести административную ответственность для руководителей государственных органов за систематическое нарушение прав ветеранов и инвалидов в виде дисквалификации сроком до 5 лет.

В-третьих, предлагается создать специализированные административные комиссии при прокуратурах субъектов РФ для упрощенного (внесудебного) рассмотрения жалоб ветеранов и инвалидов на нарушения их прав, с правом выдачи обязательных для исполнения предписаний и наложения административных штрафов во внесудебном порядке.

В-четвертых, необходимо внести изменения в ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ, установив презумпцию корыстной заинтересованности при невыплате пенсий и пособий ветеранам и инвалидам свыше одного месяца, что существенно упростит процедуру привлечения виновных к уголовной ответственности.

Основываясь на вышеизложенном, стоит заключить, что на сегодняшний день действующим законодательством Российской Федерации предусмотрен широкий спектр мер юридической ответственности за нарушения прав ветеранов и инвалидов. Однако эффективность реализации данных мер остается низкой вследствие пробелов в нормативном регулировании, низких размеров штрафов, отсутствия действенного контроля за исполнением предписаний и сложности доказывания в уголовном процессе. Предлагаемые изменения, на наш взгляд, позволят существенно повысить неотвратимость наказания для нарушителей, оперативно восстанавливать права ветеранов и инвалидов и, в конечном счете, укрепить доверие указанных категорий граждан к государству и его правозащитным механизмам.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О ветеранах» // Собрании законодательства РФ. — 1995. — № 3. — Ст. 168; Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 8. — Ст. 770.
2. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 48. — Ст. 4563; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 52 (часть I). — Ст. 8360.
3. Решение Первомайского районного суда г. Пензы Пензенской области от 27 августа 2025 г. по делу № 2–1600/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 23.04.2026).
4. Решение Некрасовского районного суда Ярославской области от 15 ноября 2024 г. по делу № 2–598/2024. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 23.04.2026).
5. Решение Болховского районного суда Орловской области от 23 апреля 2025 г. по делу № 2–200/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 23.04.2026).
6. Решение Советского районного суда г. Орла Орловской области от 21 января 2025 г. по делу № 2–568/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 23.04.2026).

7. Указ Президента РФ от 02.10.1992 № 1157 (ред. от 26.07.2021) «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. — 1992. — № 14. — Ст. 1098; Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 31. — Ст. 5893.
8. Решение Свердловского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 21 мая 2025 г. по делу № 2–2466/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 23.04.2026).
9. Закон Тульской области от 28.12.2004 № 493-ЗТО «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей Тульской области». URL: <https://base.garant.ru/30311590/> (дата обращения 23.04.2026).
10. Решение Новомосковского городского суда Тульской области от 22 апреля 2025 г. по делу № 2–1055/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 23.04.2026).
11. Решение Октябрьского районного суда г. Самары Самарской области от 16 июля 2025 г. по делу № 2–4217/2025. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 23.04.2026).
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 26 (часть I). — Ст. 3508.
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (часть I). — Ст. 1; Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 15. — Ст. 1866.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 15. — Ст. 1867.

Актуальные проблемы ответственности саморегулируемых организаций

Лядов Иоанн Михайлович, студент

Научный руководитель: Крутова Яна Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ института саморегулируемых организаций в Российской Федерации в контексте трансформации механизмов публично-управления. Исследуются особенности правовой природы саморегулирования, выявляется его двойственный характер, сочетающий частноправовые и публично-правовые начала. Особое внимание уделяется доктринальным подходам к определению функций и ответственности саморегулируемых организаций, включая концепции статусной, дисциплинарной и комплексной юридической ответственности. Анализируя современное состояние деятельности саморегулируемых организаций, автор, опираясь на положения действующего законодательства, выявляет ключевые проблемы функционирования СРО, выражающиеся в формализации контрольных механизмов, недостаточной эффективности компенсационных фондов и размытости границ ответственности между организацией и ее членами. В работе обосновывается вывод о кризисе института саморегулирования, обусловленном несоответствием между нормативной моделью и практикой ее реализации, а также рассматриваются основные направления его дальнейшего развития, предполагающие усиление публично-правового контроля при сохранении элементов профессиональной автономии.

Ключевые слова: саморегулируемые организации, юридическая ответственность, дисциплинарная ответственность, публично-правовое регулирование, государственный контроль.

Current issues of liability of self-regulatory organizations

Lyadov Ioann Mikhaylovich, student

Scientific advisor: Krutova Yana Aleksandrovna, phd in law, associate professor

Kuban State University (Krasnodar)

This article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the institution of self-regulating organizations in the Russian Federation in the context of the transformation of public administration mechanisms. The legal nature of self-regulation is explored, revealing its dual nature, combining private and public law principles. Particular attention is paid to doctrinal approaches to defining the functions and responsibilities of self-regulatory organizations, including the concepts of statutory, disciplinary, and comprehensive legal liability. Analyzing the current state of self-regulatory organizations, the author, drawing on current legislation, identifies key issues in their functioning, including the formalization of control mechanisms, the ineffectiveness of compensation funds, and the blurred boundaries of responsibility between the organization and its members. The paper substantiates the conclusion about the

crisis of the self-regulatory institution, caused by the discrepancy between the normative model and the practice of its implementation, and examines the main directions for its further development, which involve strengthening public-law oversight while maintaining elements of professional autonomy.

Keywords: *self-regulatory organizations, legal liability, disciplinary liability, public-law regulation, state oversight.*

Институт саморегулируемых организаций, формировавшийся в российской правовой системе как инструмент децентрализации публичного управления, в настоящее время претерпевает существенную трансформацию, обусловленную как внутренними противоречиями его функционирования, так и усиливающимся воздействием со стороны государства, стремящегося, сохраняя формальную автономию профессиональных объединений, одновременно обеспечивать надлежащий уровень публичных интересов.

Рассматривая правовую природу саморегулирования, следует отметить, что, будучи изначально сконструированным как механизм, основанный на принципах профессиональной автономии, ответственности и корпоративной солидарности, данный институт, развиваясь в условиях российской правовой действительности, постепенно приобрел черты квазипубличного регулирования, при котором, делегируя отдельные контрольные полномочия, государство сохраняет за собой возможность вмешательства, реализуемую через систему надзора и нормативного воздействия.

Обращаясь к научной доктрине, следует отметить отсутствие единства в понимании как правовой природы саморегулируемых организаций, так и пределов их ответственности, что, будучи обусловленным сложностью самого института, сочетающего частноправовые и публично-правовые начала, предопределяет множественность научных подходов.

Так, анализируя функциональное назначение саморегулируемых организаций, Хохлов Е. С. [1], классифицируя их деятельность, выделяет регулируемую и контрольную функции, а также обеспечительные элементы, подчеркивая, что СРО выступают не только как субъекты нормотворчества внутри профессионального сообщества, но и как структуры, осуществляющие надзор за соблюдением установленных стандартов. Данный подход, будучи функционально ориентированным, позволяет рассматривать СРО как сложный правовой механизм, направленный на поддержание устойчивости профессиональной среды.

Развивая концептуальное осмысление природы саморегулирования, Долинская В. В. [2], формулирует две ключевые модели его понимания. Первая из них основывается на восприятии саморегулирования как частичной альтернативы государственному контролю, при которой профессиональное сообщество, осуществляя внутренний надзор, фактически берет на себя функции публичной власти. Вторая же концепция, напротив, исходит из противопоставления саморегулирования государственному регулированию, указывая на невозможность полного за-

мещения функций государства исключительно корпоративными механизмами.

Данная дуалистическая конструкция, будучи широко признанной в научной среде, отражает противоречивую природу СРО как института, находящегося на стыке частного и публичного права.

Существенный вклад в разработку проблем юридической ответственности в сфере саморегулирования внес Аболонин Г. О. [3], который, исследуя дисциплинарные процедуры внутри СРО, приходит к выводу об их гражданско-правовой сущности, подчеркивая, что меры воздействия, применяемые к членам организации, по своей природе направлены на восстановление нарушенного баланса интересов, а не на наказание в публично-правовом смысле.

В развитие данной позиции Романова В. В. [4] акцентирует внимание на особом характере юридической ответственности участников саморегулируемых организаций, указывая на ее комплексный характер, сочетающий элементы различных отраслей права. По мнению автора, специфика статуса членов СРО обуславливает формирование особого режима ответственности, выходящего за рамки традиционных классификаций.

Интерес представляет и концепция Кувакина Т. В. [5], вводящей категорию так называемой «статусной ответственности», под которой понимается ответственность, обусловленная самим фактом принадлежности субъекта к определенному профессиональному объединению. Такой подход, будучи ориентированным на институциональные особенности СРО, позволяет объяснить наличие дополнительных обязанностей у их членов, не характерных для обычных субъектов гражданского оборота.

Особое внимание дисциплинарной составляющей уделяет Бронникова М. Н. [6], подчеркивающая превентивную функцию ответственности, выражающуюся в необходимости применения к членам СРО определенных ограничительных мер, способствующих недопущению нарушений в будущем. При этом автор указывает, что дисциплинарное воздействие должно рассматриваться не как санкция в узком смысле, а как инструмент поддержания профессиональной дисциплины.

В более широком институциональном контексте проблемы саморегулирования анализируются Синдеевой И. Ю. [7], которая, исследуя правовое положение СРО в строительной сфере, приходит к выводу о том, что ключевые сложности связаны не столько с несовершенством нормативной базы, сколько с трудностями ее практического применения, обусловленными недостаточной эффективностью механизмов контроля и надзора.

Историко-правовой аспект становления саморегулирования раскрывается в работах Богданова В. И. [8], ко-

торый, анализируя генезис данного института, указывает на отсутствие единого подхода к определению момента его возникновения, связывая различные концепции либо с античными формами профессиональных объединений, либо с институтами средневековых гильдий.

Подобный ретроспективный анализ позволяет глубже понять сущность саморегулирования как социально-правового явления, формировавшегося задолго до его нормативного закрепления.

Кроме того, в отечественной доктрине следует отметить вклад Плескачевского В. С. [9], рассматриваемого в качестве одного из идеологов внедрения саморегулирования в российскую правовую систему, обосновывающего необходимость передачи части контрольных функций от государства профессиональному сообществу, что должно было способствовать снижению административной нагрузки и повышению эффективности регулирования.

Обобщая изложенные подходы, можно констатировать, что современная доктрина саморегулирования развивается по нескольким направлениям:

- во-первых, формируется функциональная теория СРО как особых регуляторов профессиональной деятельности;

- во-вторых, развивается концепция смешанной (частно-публичной) природы их ответственности;

- в-третьих, усиливается критическое направление, указывающее на несоответствие между нормативной моделью саморегулирования и практикой ее реализации.

Таким образом, доктринальный анализ позволяет сделать вывод о том, что ключевые проблемы деятельности и ответственности саморегулируемых организаций имеют не только прикладной, но и глубоко теоретический характер, будучи обусловленными неопределенностью их правовой природы и двойственностью их места в системе правового регулирования.

Анализируя актуальную деятельность саморегулируемых организаций, нельзя не обратить внимание на формализацию их ключевых функций, проявляющуюся, прежде всего, в сведении контрольной деятельности к процедурному соблюдению установленных требований, при фактическом отсутствии глубокого анализа профессиональной компетентности и добросовестности членов. Такая трансформация, будучи обусловленной как экономическими интересами самих организаций, заинтересованных в расширении членской базы, так и недостаточной определенностью правовых механизмов контроля, приводит к снижению эффективности саморегулирования как института.

Особого внимания заслуживает проблема компенсационных фондов, рассматриваемых законодателем в качестве основного инструмента имущественной ответственности саморегулируемых организаций. Однако, анализируя правоприменительную практику, следует констатировать, что, несмотря на формальное наличие соответствующих механизмов, их реализация сопровождается значительными трудностями, связанными с необходимостью

доказывания причинно-следственной связи между действиями члена СРО и наступившими неблагоприятными последствиями, а также с неоднозначностью судебной оценки оснований для осуществления выплат.

Углубляясь в исследование правового регулирования, необходимо обратиться к положениям Федерального закона от 1.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», который, определяя базовые принципы функционирования СРО, закрепляет, в частности, в статье 3 понятие саморегулирования как самостоятельной и инициативной деятельности, осуществляемой субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности. Вместе с тем, анализируя положения статьи 6 указанного закона, регламентирующей права саморегулируемой организации, можно заметить, что, предоставляя широкие полномочия по разработке стандартов и правил, законодатель не устанавливает достаточных гарантий их реального исполнения, что, в свою очередь, способствует формированию декларативного характера внутреннего регулирования.

Не менее значимым является обращение к положениям Градостроительного кодекса Российской Федерации, который, в редакции последних изменений, усиливает требования к деятельности СРО в строительной сфере. Так, статья 55.5–1 Градостроительного кодекса РФ устанавливает требования к компенсационным фондам, включая порядок их формирования и использования, при этом, вводя дополнительные механизмы контроля, законодатель, фактически усиливая публично-правовую составляющую регулирования, стремится нивелировать риски злоупотреблений. Одновременно статья 55.16 предусматривает ответственность саморегулируемой организации за вред, причиненный вследствие недостатков работ, выполненных ее членами, закрепляя тем самым принцип коллективной имущественной ответственности, реализация которого, однако, на практике сталкивается с существенными затруднениями.

Продолжая анализ, следует отметить, что существенным недостатком действующей модели является размытость границ ответственности саморегулируемой организации и ее членов, проявляющаяся в неоднозначности распределения рисков. С одной стороны, СРО, формируя компенсационный фонд, принимает на себя обязательство по возмещению вреда, с другой — фактическое исполнение этих обязательств нередко осложняется как внутренними процедурами, так и судебными спорами, затягивающими процесс защиты нарушенных прав.

При этом, рассматривая тенденции последних лет, необходимо подчеркнуть усиление административной ответственности саморегулируемых организаций, выражающееся во внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, введение специальных составов правонарушений, предусматривающих ответственность за нарушение порядка формирования компенсационных фондов, непредставление информации, а также ненадлежащее осуществ-

вление контроля за деятельностью членов, свидетельствует о стремлении законодателя повысить дисциплину в сфере саморегулирования, одновременно ограничивая автономию соответствующих организаций.

Отдельного анализа заслуживает проблема дисциплинарной ответственности внутри саморегулируемых организаций, которая, будучи призванной обеспечивать соблюдение профессиональных стандартов, на практике зачастую носит формальный характер. Рассматривая деятельность дисциплинарных органов, можно констатировать, что, несмотря на наличие процедур привлечения к ответственности, их применение, будучи зависимым от корпоративных интересов, не всегда соответствует задачам обеспечения качества и безопасности выполняемых работ.

Указанные проблемы, будучи взаимосвязанными, формируют комплексное представление о кризисе института саморегулирования, проявляющемся в несоответствии между декларируемыми целями и фактическими результатами его функционирования. При этом, анализируя проводимые реформы, следует отметить, что они направлены, прежде всего, на усиление государственного контроля, что, с одной стороны, позволяет повысить уровень защищенности публичных интересов, однако, с другой — ставит под сомнение саму идею саморегулирования как альтернативы государственному регулированию.

Также представляется целесообразным законодательное закрепление возможности для саморегулируемых организаций передавать средства компенсационного фонда в управление третьим лицам, обладающим соответствующими лицензиями, что могло бы служить дополнительным источником финансирования и повышать устойчивость финансовой модели СРО. Одновременно необходимо установить четкий и прозрачный порядок использования средств компенсационного фонда, исключающий возникновение ситуации, при которой интересы отдельных членов организации могут ущемляться в пользу других, что позволит обеспечить равноправие участников и укрепить доверие к институту саморегулирования.

Подводя итог, необходимо отметить, что дальнейшее развитие института саморегулируемых организаций возможно лишь при условии комплексного пересмотра его концептуальных основ, предполагающего, с одной стороны, усиление ответственности СРО, включая персонализацию ответственности их руководителей, а с другой — создание эффективных механизмов внутреннего контроля, способных обеспечить реальное, а не декларативное соблюдение установленных стандартов. Только при соблюдении указанных условий саморегулирование сможет выполнять возложенные на него функции, выступая не формальным элементом правовой системы, а действенным инструментом регулирования профессиональной деятельности.

Литература:

1. Хохлов Е. С. Функции саморегулируемых организаций // Экономика и право. 2023. № 4. С. 45–52.
2. Долинская В. В. Саморегулируемые организации: теоретические основы и правовое положение // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 113–120.
3. Аболонин Г. О. Дисциплинарная ответственность членов саморегулируемых организаций // Закон. 2021. № 9. С. 87–93.
4. Романова В. В. Юридическая ответственность субъектов саморегулирования // Право и экономика. 2022. № 5. С. 67–73.
5. Кувакина Т. В. Статусная ответственность в системе саморегулирования // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 98–105.
6. Бронникова М. Н. Дисциплинарная ответственность в саморегулируемых организациях // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 54–59.
7. Синдеева И. Ю. Саморегулируемые организации в системе государственного контроля // Public Administration. 2022. № 3. С. 34–41.
8. Богданов В. И. История развития саморегулирования в России // История государства и права. 2019. № 12. С. 22–27.
9. Плещачевский В. С. Саморегулирование как институт правовой системы России // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 5–12.

Цифровые технологии в системе правосудия России и Китая

Масленко Ольга Романовна, студент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Статья посвящена анализу процесса цифровизации судопроизводства в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Рассматриваются ключевые направления информатизации правосудия: создание единых инфор-

мационных пространств, внедрение электронного документооборота, развитие дистанционных форм судебного разбирательства и применение технологий искусственного интеллекта. На основе сравнительного анализа выявлены особенности российской модели (эволюционное развитие ГАС «Правосудие», интеграция с государственными информационными системами) и китайского опыта (масштабное внедрение ИИ-систем, создание специализированных интернет-судов и мобильных судебных платформ). Оценена эффективность цифровых технологий по критериям сокращения сроков рассмотрения дел, повышения прозрачности правосудия и доступности судебной защиты. Выделены существующие вызовы: обеспечение кибербезопасности, преодоление цифрового неравенства, сохранение гарантий справедливого судебного разбирательства при автоматизации. Сформулированы перспективы дальнейших исследований в области международных стандартов цифрового судопроизводства.

Ключевые слова: цифровизация, судопроизводство, правосудие, информационные технологии, искусственный интеллект, ГАС Правосудие, интернет-суды, электронное судопроизводство, Россия, Китай.

Судопроизводство — это регламентированная нормами процессуального законодательства деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских, административных, уголовных и других дел. Это также совокупность процессуальных действий и правоотношений, складывающихся между судом и другими участниками процесса при рассмотрении дел, отнесённых его компетенции. Сущность судопроизводства состоит в рассмотрении и разрешении дел в особой процедуре в соответствии с принципами и нормами права, содержащимися как в международных, так и внутринациональных нормативных правовых актах, для обеспечения защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод либо законных интересов участников процесса.

Важно дать определение термину «цифровизация». В контексте юридической науки она представляет собой процесс интеграции цифровых технологий и электронных средств в правовую сферу, охватывая создание, хранение, обработку, передачу и применение правовой информации в цифровом формате, и включает (точнее — может включать) автоматизацию процессуальных процедур, внедрение электронного документооборота, использование искусственного интеллекта для анализа законодательства и судебной практики, а также развитие цифровых платформ для оказания услуг [2, с. 144]. Данное определение довольно полное, оно отражает сущность рассматриваемого явления в правовой сфере.

За последние годы все разновидности судопроизводств претерпели глобальные изменения ввиду все более активного развития цифровизации и информатизации общественных отношений [5, с. 72]. Интеграция цифровых технологий значительно повлияла на функционирование судебной системы и изменила ее. Внедрение в судебную систему современных информационных технологий направлено на обеспечение открытости и прозрачности правосудия, реализацию конституционного права на судебную защиту. «Это оптимизирует сроки рассмотрения дел и споров, сокращает количество не завершённых дел, исключает случаи утраты документации, а также повышает эффективность работы аппаратов судов и создает условия для удобного доступа к информации», — считает первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конститу-

ционному законодательству и государственному строительству Ирина Рукавишникова [8].

Необходимость цифровизации правосудия признается на уровне высшего руководства нашей страны. Так, в своем выступлении на 10-м Всероссийском съезде судей Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что цифровизация судебной системы должна служить для повышения прав граждан и юридических лиц на качественную судебную защиту [2, с. 145].

Мнения экспертов сводится к тому, что «толчком» к внедрению таких технологий во всем мире стала пандемия коронавируса, «так как традиционные способы рассмотрения дел становились невозможными из-за необходимости соблюдения социальной дистанции и ужесточения санитарных требований» [2, с. 146]. Во многих странах, например, в Китае, России, Казахстане, властям приходилось в ускоренном темпе внедрять различные инструменты в деятельность судебной системы для обеспечения доступа граждан к правосудию и выполнения судом неотложных задач. Например, в целях уменьшения риска распространения коронавируса Верховный Суд Российской Федерации начал выборочное рассмотрение дел безотлагательного характера с использованием технологий веб-конференц-связи. 21 апреля 2020 года Верховным Судом Российской Федерации проведено 6 дел на 9 человек посредством веб-конференции. Все они прошли успешно. С учётом сложившейся ситуации с пандемией COVID-19 Верховный суд Китая в целях распространения практики дистанционного рассмотрения споров разработал и ввёл в действие с 1 августа 2021г. Правила ведения судебных разбирательств в Интернете в Народном суде (the Rules of Online Litigation of People's Court) [1, с. 34–36].

Опыт нашей страны в сфере цифровизации правосудия достиг определенных высот. Например, первое слушание дел в Верховном Суде Российской Федерации в режиме удалённого присутствия осуждённых было проведено еще 19 апреля 2000 года. С этого времени в Российской Федерации началось формирование видео-конференц-связи федерального уровня для проведения судебных заседаний. Сейчас Верховный Суд работает по видео-конференц-связи «более чем с 8000 абонентов территориально разнесенных объектов» [4]. К ним относятся: любой суд РФ разного уровня процессуальных полномочий, след-

ственные изоляторы, тюрьмы, воспитательные и исправительные колонии и т. п. С 2018 года к системе видеоконференц-связи стали подключаться мировые участки судей, которых по всей стране более семи с половиной тысяч. Данная статистика свидетельствует о системной цифровизации судебной системы.

Кроме того, в России практика проведения онлайн-трансляций с открытых заседания судов для заинтересованных граждан стала довольно частым явлением. Такой же опыт есть и у китайских вершителей правосудия. Так, «позже в 2013 г. введена в эксплуатацию платформа «China trial live broadcast», с помощью которой ведутся прямые трансляции судебных разбирательств. Видеозаписи судебных процессов собираются и архивируются» [3, с. 55].

В Российской Федерации для обеспечения единства информационного взаимодействия между различными уровнями судебной системы создано «единое информационное пространство», включающее базы данных, технологии их ведения и применения, информационные системы и сети. Ключевым элементом этого пространства является портал ГАС «Правосудие» — территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судом общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, обеспечивающая информационную и технологическую поддержку судопроизводства на принципах поддержания требуемого баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации [10, с. 179–183]. Система была внедрена в 2000-х годах и с тех пор постоянно развивается, охватывая всё большее количество судебных процессов и функций. Основное назначение ГАС «Правосудие» заключается в обеспечении электронного документооборота в судах, автоматизации процессов назначения и проведения судебных заседаний, формирования статистической отчетности и предоставления гражданам доступа к информации о ходе судебных дел.

«Китай активно продвигается по пути, ведущему к широкому использованию информационных технологий в судах» [3, с. 54]. Еще в 1996 году Верховный народный суд объявил о планах создания компьютеризированной информационной сети, к которой должны будут подключаться суды разных уровней. Позднее эта идея была воплощена в реальность, в 2010-х годах, когда Верховный народный суд Китая инициировал создание четырех общедоступных баз данных судебной информации. Первым шагом в этом направлении стал запуск в 2013 году портала судебных решений China Judgments Online, который стал крупнейшей в мире открытой базой судебных актов. В нее входят около 3500 судов всех уровней — от Верховного народного суда до районных и уездных судов, которые регулярно пополняют данный портал. Публикуются судебные решения по гражданским, административным и уголовным делам, кроме решений, связанных с госу-

дарственной тайной, интересами несовершеннолетних, личной неприкосновенностью и иными охраняемыми законом сведениями. Создание портала стало частью масштабной реформы «процесса открытости судебных дел», направленной на повышение прозрачности судебной системы и борьбу с коррупцией. Портал позволяет гражданам, юристам и исследователям бесплатно искать и анализировать судебную практику по ключевым словам, регионам, типам дел и датам.

В России для граждан и организаций ГАС «Правосудие» предоставляет возможность подавать иски, заявления и другие процессуальные документы в электронной форме через интернет, оплачивать государственную пошлину онлайн, получать информацию о движении дела, знакомиться с судебными актами и получать их копии. Через систему реализуется принцип гласности судопроизводства — миллионы судебных решений публикуются в открытом доступе на официальном сайте суда. Так, это обеспечивает прозрачность правосудия и возможность изучения судебной практики.

Кроме того, ГАС «Правосудие» интегрирована с другими государственными информационными системами — ФНС России, ФССП России, МВД России. Таким образом, это позволяет автоматически запрашивать необходимые сведения и ускорять судебное производство.

«Система со схожим функционалом действуют и в арбитражном процессе — это картотека арбитражных дел «Электронное правосудие» и смежный ресурс «Мой Арбитр», которые направлены на подачу в арбитражные суды документов и заявлений в электронном виде» [2, с. 147]. Эти цифровые инструменты направлены на повышение прозрачности деятельности судебной власти, ускорению документооборота и создание эффективной информационной среды правосудия. Так, согласно статистике Судебного департамента Верховного Суда РФ, более 90 % исковых заявлений в арбитражные суды подаются в электронной форме.

Системы, которые были перечислены выше, это не единственные интернет-порталы для связи граждан и судов в электронном виде. «Так, в настоящее время анонсировано создание суперсервиса «Правосудие онлайн» на платформе портала Госуслуг» [5, с. 54]. Данный сервис позволит не только подавать иски, заявления, но и автоматически определять подсудность дел и рассчитывать размер государственной пошлины, также появится возможность получать все уведомления и знакомиться с материалами дела в личном кабинете. Возможно, такая мера повысит правовую грамотность населения, так как правосудие станет более доступным и понятным для граждан, которые не ознакомлены даже с основами юриспруденции.

В Китае цифровизация системы правосудия набирает все большие обороты с течением времени, страна делает упор на внедрение ИИ-технологий в суды. Искусственный интеллект — «это совокупность технологических решений, способные имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает

в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов» [9, с. 205]. Еще в 2014 году Верховный народный суд КНР официально заявил о концепции «умных судов». Данная тематика была широко раскрыта на онлайн-встрече с профессором Пэн Хайцин 22 октября 2025 года в Санкт-Петербурге [6]. Профессор Пэн начал свое выступление с основ. В соответствии с постановлением Верховного народного суда КНР применение искусственного интеллекта (ИИ) в судебной системе базируется на пяти принципах, которые составляют фундамент «умного правосудия»: безопасность и законность; справедливость; помощь в судебном процессе; прозрачность и надежность; публичный порядок и этика. «Вышеуказанные принципы — не декларация, а реальная основа для разработки и внедрения ИИ-систем во всех судах Китая» [6].

Так, 70 % исков, рассмотренных судами в КНР, было подано онлайн через ИИ-системы в 2024 году. Статистика гласит, что 85 % судебных актов, созданных ИИ, утверждаются без существенных правок; 60 % — прирост эффективности работы судей, так как 30–50 % процессуальных документов суда автоматически генерируется ИИ (проекты решений по типовым делам, протоколы заседаний), что позволяет судьям концентрироваться на сложных делах, требующих профессионального анализа [6].

Кроме того, профессор Пэн раскрыл стадии применения ИИ в судебном деле. На этапе подачи иска ИИ проверяет документы, оценивает подсудность и выявляет недостатки, давая заявителю предварительную оценку рисков. При рассмотрении дел система классифицирует дела, переводит бумажные документы в цифровой формат, структурирует материалы и распределяет дела между судьями. В судебном процессе ИИ создаёт протоколы заседаний, предоставляет судье подсказки в реальном времени и выдаёт релевантные нормы права. При создании процессуальных документов система генерирует проекты актов, применяет стандартизированные шаблоны и проводит автоматическую корректуру. Шаблоны разрабатываются на трёх уровнях судебной системы для баланса между единообразием и учётом региональных особенностей. Поиск аналогичных дел работает с базой более 140 миллионов актов, находя решения за одну секунду. При назначении наказания ИИ анализирует обстоятельства дела и формирует справочные рекомендации. Анализ спорных моментов выявляет ключевые вопросы и противоречия в доказательствах с точностью около 95 %. Функция раннего предупреждения сравнивает предварительное решение судьи с практикой, выявляет отклонения и способствует унификации судебной практики по всей стране.

В рамках развития нового сектора онлайн-судопроизводства в 2017–2018 гг. открылись три интернет-суда в г. Ханчжоу, Пекин и Гуанчжоу. Китайские исследователи рассматривают интернет-суды как принципиально новый режим судебного разбирательства, который полностью реализуется исключительно на базе интернет-технологий, с фокусом на рассмотрение дел, «связанных с ин-

тернетом» [7, с. 67–78]. Все указанные судебные инстанции функционируют на основе концепции «онлайн-разбирательство для онлайн-конфликтов». Данный подход предполагает, что весь спектр судебных действий — от подачи искового заявления и регистрации дела до оценки доказательной базы, судебных заседаний и оглашения приговора — осуществляется в дистанционном формате. В период с 2017 по 2019 год электронные судебные площадки Ханчжоу, Пекина и Гуанчжоу урегулировали приблизительно 90 тысяч конфликтов, имеющих цифровой характер. При этом подавляющее большинство — свыше 80 тысяч дел — было разрешено исключительно через интернет-платформу. Согласно данным Верховного народного суда КНР, средняя продолжительность рассмотрения дела в киберсуде составляет 38 суток, что в два раза быстрее стандартной процедуры. Также отмечается, что практически все вынесенные постановления не были оспорены участниками процесса.

Помимо электронных судебных инстанций, с 2019 года Верховный народный суд КНР расширил пилотные проекты, запущенные в 2017–2018 годах в Нинбо и Юйяо (провинция Чжэцзян), на 12 городов и регионов страны, внедрив там так называемые «мобильные судебные системы». Эти платформы обеспечивают участникам процесса и судебным работникам возможность осуществлять процессуальные действия через смартфон, используя технологии биометрической верификации лица и прочие средства цифровой идентификации. Благодаря этому стало реальным проведение дистанционных заседаний, удалённая подача доказательств и другие операции. Для функционирования системы требуется мобильное устройство с операционной системой, совместимой с мессенджером, интегрирующим в себе возможности чатов, финансовых транзакций, электронных платежей и прочих сервисов. Учитывая, что аудитория данного приложения превышает 1 миллиард человек в Китае, технические барьеры для пользователей практически отсутствуют. Мобильное судопроизводство функционирует в формате специализированного мини-приложения внутри экосистемы WeChat. К 2019 году в этой системе было создано свыше 1 миллиона учётных записей граждан и примерно 70 тысяч профилей адвокатов и юрисконсульттов. Ожидается, что в перспективе основная масса владельцев мобильных гаджетов в Китае (порядка 850 миллионов человек) получит доступ к данной платформе при необходимости [3, с. 56].

В результате, проведя исследование цифровизации судопроизводства в России и Китае, можно сделать выводы. Обе страны демонстрируют устойчивый курс на внедрение цифровых технологий в судебную систему. Процесс информатизации правосудия охватывает все этапы судопроизводства — от подачи искового заявления до исполнения судебного решения. Ключевыми направлениями являются: создание единых информационных пространств, внедрение электронного документооборота, развитие дистанционных форм судебного разбирательства и применение технологий искусственного интеллекта.

Российская модель характеризуется последовательным, эволюционным развитием системы ГАС «Правосудие», интеграцией с другими государственными информационными ресурсами и расширением видеоконференц-связи. Китайский опыт отличается более амбициозным масштабом внедрения ИИ-систем, созданием специализированных интернет-судов и мобильных судебных платформ, ориентированных на массовую аудиторию пользователей.

Китай выделяется на фоне других юрисдикций степенью интеграции ИИ в судебную деятельность: автоматическая генерация процессуальных документов, анализ доказательств с точностью около 95 %, раннее предупреждение отклонений в судебной практике. Российская система пока находится на начальном этапе использования ИИ, основной акцент делается на автоматизацию рутинных операций и повышение доступности правосудия.

Статистические данные подтверждают позитивный эффект цифровизации: сокращение сроков рассмотрения дел (в китайских интернет-судах — вдвое по сравнению с традиционным процессом), рост доли электронных обращений (в России более 90 % исков в арбитражные суды подаются в электронной форме), повышение прозрачности через публикацию судебных актов в открытом доступе. Несмотря на достигнутый прогресс, в обеих странах сохраняются

вызовы: обеспечение кибербезопасности и защиты персональных данных, преодоление цифрового неравенства среди участников процесса, сохранение гарантий справедливого судебного разбирательства при автоматизации, разработка этических норм применения ИИ в правосудии.

Перспективы развития связаны с созданием комплексных цифровых экосистем правосудия, углублением использования больших данных и машинного обучения, расширением трансграничного электронного судопроизводства. Опыт Китая в области «умных судов» и интернет-судов, а также российские наработки в сфере интеграции государственных информационных систем могут взаимно обогатить практику цифровизации правосудия.

Таким образом, цифровые технологии трансформируют судопроизводство как в России, так и в Китае, при этом каждая из стран формирует собственную модель, отражающую национальные особенности правовой системы, уровень технологического развития и приоритеты государственной политики. Дальнейшие исследования в данном направлении целесообразно сосредоточить на изучении влияния автоматизации на качество правосудия, анализе рисков искажения результатов работы алгоритмов и выработке международных стандартов цифрового судопроизводства.

Литература:

1. Галлямов, Д. Р. Интернет-правосудие: современный опыт Китая // Новый юридический вестник. — 2023. — № 1 (40). — С. 34–36. — Режим доступа: <https://moluch.ru/th/9/archive/242/7944>.
2. Добряков, Д. А. К вопросу о перспективах использования цифровых технологий в судопроизводстве // Закон и право. — 2025. — № 3. — С. 144–147.
3. Драгилев, Е. В. Информатизация судебной системы Китая // Юридическая наука. — 2022. — № 8. — С. 54–56. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-sudebnoy-sistemy-kitaya> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Информация Верховного Суда РФ от 24 апреля 2020 г. «Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации» / ГАРАНТ: правовая система [www.garant.ru]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73852623/> (дата обращения: 19.04.2026).
5. Карасев, А. Т. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 2. — С. 54, 72. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-pravosudiya-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 18.04.2026).
6. Как работает ИИ в судебной системе Китая: опыт, цифры и перспективы / Закон.ру [zakon.ru]. — Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2025/11/2/kak_rabotaet_ii_v_sudebnoj_sisteme_kitaya_opyt_cifry_i_perspektivy (дата обращения: 20.04.2026).
7. Рысакова, П. И. Цифровизация судебной системы в КНР: между регионализацией и централизацией / П. И. Рысакова // Россия в глобальном мире. — 2025. — Т. 28, вып. 3. — С. 67–78. Режим доступа: https://russialoglobal.spbstu.ru/userfiles/files/4_risakova_p_i.pdf
8. Современные технологии в судопроизводстве: как они помогают правосудию / Юридическая академия [legalacademy.ru]. — Режим доступа: <https://legalacademy.ru/sphere/post/sovremennye-tehnologii-v-sudoproizvodstve-kak-oni-pomogayut-pravosudiyu> (дата обращения: 17.04.2026).
9. Снустикова, Е. В. Искусственный интеллект и Конституция: правовой статус технологий и границы правового регулирования // Сборник докладов Международной научно-технической конференции молодых ученых БГТУ им. В. Г. Шухова: Сборник докладов конференции, Белгород, 29–30 мая 2025 года. — Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2025. — С. 205–208.
10. Ягофаров, Д. Р. Государственная автоматизированная система «Правосудие»: цифровые формы судебно-процессуальной деятельности // Молодой ученый. — 2024. — № 13 (512). — С. 179–183. Режим доступа: URL: <https://moluch.ru/archive/512/112327>.

Корпоративные споры: понятие, виды и особенности разрешения в российском праве

Матвеева Мария Алексеевна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается понятие корпоративного спора, его основные виды и процессуальные особенности разрешения в российском праве. Особое внимание уделяется разграничению корпоративного конфликта и корпоративного спора, роли специальных правил Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, а также современным тенденциям судебной практики по спорам об ответственности органов управления юридического лица. Сделан вывод о том, что эффективная защита корпоративных прав требует сочетания судебных механизмов, внутреннего корпоративного регулирования и добросовестного поведения участников корпорации.

Ключевые слова: корпоративный спор, корпоративный конфликт, участник общества, арбитражный суд, органы управления, оспаривание решений, убытки, корпоративный договор.

Развитие предпринимательской деятельности невозможно без устойчивых правил участия в хозяйственных обществах. В корпорации соединяются интересы участников, менеджмента, кредиторов и самого юридического лица, поэтому нарушение баланса между ними часто приводит к конфликту. Однако не каждый конфликт сразу становится судебным делом. Корпоративный спор возникает тогда, когда разногласие приобретает правовую форму и связано с созданием юридического лица, управлением им или участием в нем [1, ст. 225.1]. Актуальность темы обусловлена тем, что корпоративные споры затрагивают не только имущественные права отдельных участников, но и стабильность гражданского оборота, инвестиционную привлекательность бизнеса, доверие к органам управления.

Цель настоящей статьи — раскрыть понятие и виды корпоративных споров, определить их основные процессуальные особенности и обозначить проблемы, которые наиболее часто возникают при судебной защите корпоративных прав. Методологическую основу составляют анализ законодательства, судебной практики и научных подходов к корпоративному праву.

В российском праве базовое определение корпоративных споров закреплено в статье 225.1 АПК РФ. Закон связывает такие дела с созданием, управлением и участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также в отдельных некоммерческих организациях, объединяющих коммерческие организации и индивидуальных предпринимателей [1, ст. 225.1]. Данное определение имеет прежде всего процессуальное значение: оно позволяет установить компетентный суд, подсудность, круг лиц, подлежащих уведомлению, и специальные правила рассмотрения дела.

Материально-правовую основу корпоративного спора образуют корпоративные права и обязанности участников. В статье 65.2 ГК РФ названы ключевые права участника корпорации: участие в управлении, получение информации о деятельности корпорации, обжалование решений органов корпорации, требование возмещения убытков и оспаривание сделок от имени корпорации [2, ст.

65.2]. Следовательно, корпоративный спор отличается от обычного имущественного спора тем, что его предметом является не только денежное требование, но и положение лица внутри корпорации, распределение контроля, порядок принятия решений, сохранение или восстановление корпоративного статуса.

В научной литературе справедливо отмечается, что корпоративный конфликт шире корпоративного спора: конфликт может существовать на уровне деловых переговоров, блокирования собраний, отказа предоставить документы или давления на миноритарных участников; спор же предполагает обращение к юрисдикционному механизму защиты [8, с. 34]. Поэтому задача права состоит не только в разрешении уже возникшего судебного дела, но и в создании правил, которые предупреждают злоупотребления большинством, недобросовестное поведение менеджмента и корпоративные тупики.

Перечень корпоративных споров в статье 225.1 АПК РФ построен открыто и охватывает несколько групп дел. Первая группа — статусные споры, связанные с созданием, реорганизацией и ликвидацией юридического лица. Они затрагивают сам факт существования корпорации и поэтому имеют значение для всех участников гражданского оборота.

Вторая группа — споры о принадлежности акций, долей и паев, а также о реализации вытекающих из них прав. К ним относятся требования о признании права на долю, переводе прав покупателя, восстановлении корпоративного контроля, обращении взыскания на долю. Такие споры часто возникают после сделок с долями, наследования, корпоративного рейдерства или незаконного изменения данных реестра.

Третья группа — споры, связанные с управлением корпорацией. Сюда относятся оспаривание решений общих собраний, советов директоров и иных органов, требования о созыве собрания, споры о назначении или прекращении полномочий директора. Особое значение имеют дела об оспаривании решений собраний, поскольку решение большинства обязательно для меньшинства, но не должно нарушать закон, устав и баланс интересов участ-

ников [9, с. 199–271]. Например, участник может оспорить решение, если нарушен порядок уведомления, отсутствовал кворум или решение принято по вопросу, не включенному в повестку.

Четвертая группа — производные иски и дела об ответственности лиц, входящих в органы управления. Участник, действуя в интересах общества, вправе требовать возмещения убытков, причиненных недобросовестными или неразумными действиями директора, членов совета директоров, управляющей организации. В 2025 году Верховный Суд РФ специально обобщил практику применения статьи 53.1 ГК РФ, что подтверждает практическую значимость споров о добросовестности менеджмента [7]. Для таких дел характерны сложные вопросы доказывания: необходимо установить наличие убытков, противоправность поведения, причинную связь и вину, а также оценить пределы предпринимательского риска.

Пятая группа — споры из корпоративных договоров. Корпоративный договор позволяет участникам согласовать порядок голосования, условия отчуждения долей, механизмы выхода из тупиковой ситуации. Вместе с тем нарушение такого договора может затрагивать не только стороны соглашения, но и управление обществом, поэтому суду необходимо учитывать соотношение договорной свободы и обязательных норм корпоративного законодательства.

Корпоративные споры рассматриваются арбитражными судами по специальным правилам главы 28.1 АПК РФ. Эти правила направлены на то, чтобы судебный процесс был известен корпорации и ее участникам, а судебный акт не создавал неожиданных последствий для лиц, права которых связаны с предметом дела. Так, суд размещает информацию о принятии искового заявления и движении дела в сети Интернет, а юридическое лицо получает право знакомиться с материалами дела [1, ст. 225.4].

Важной особенностью является концентрация спора по месту нахождения юридического лица. Это облегчает участие корпорации, доступ к документам, проверку сведений реестра и предотвращает параллельное рассмотрение связанных требований в разных судах. Кроме того, по ряду требований участник должен заблаговременно уведомить других участников и саму корпорацию о намерении обратиться в суд [2, ст. 65.2]. Такое уведомление нужно для присоединения заинтересованных лиц к процессу и для исключения повторных исков с тождественным предметом.

Значительную роль играют обеспечительные меры. В корпоративных спорах они могут выражаться в запрете регистрировать изменения в ЕГРЮЛ, отчуждать долю, проводить собрание или исполнять спорное решение. Но такие меры должны быть соразмерны заявленному требованию. Недопустимо фактически парализовать деятельность общества, если цель защиты может быть достигнута менее ограничительным способом.

Особое место занимает доказывание. В качестве доказательств обычно используются протоколы собраний, уведомления участников, выписки из реестра, устав, корпоративный договор, бухгалтерские документы, переписка, заключения оценщиков. Для производных исков важны документы, подтверждающие причинение обществу убытков и наличие конфликта интересов у руководителя. В этой части современная судебная практика постепенно смещается от формального подхода к оценке реального экономического содержания поведения органов управления.

Корпоративные споры могут рассматриваться не только государственными арбитражными судами, но и третейскими судами, однако закон устанавливает существенные ограничения. АПК РФ допускает передачу корпоративных споров в арбитраж с исключениями, например по спорам о созыве общего собрания, отдельным публично-правовым требованиям, спорам, связанным с исключением участника, и некоторым спорам стратегических обществ [1, ч. 2–3 ст. 225.1]. Закон об арбитраже предусматривает специальные правила арбитража корпоративных споров и требует, чтобы постоянно действующее арбитражное учреждение имело соответствующие правила [5, ст. 45].

На практике внесудебное урегулирование остается недостаточно используемым, хотя именно оно часто позволяет сохранить бизнес. Эффективными средствами профилактики являются подробный устав, корпоративный договор, понятный порядок доступа к документам, соглашения о выходе участника из общества, медиация и внутренние процедуры урегулирования тупиковых ситуаций. Чем яснее участники заранее распределяют риски и порядок управления, тем меньше вероятность, что обычное деловое разногласие перерастет в затяжной судебный конфликт.

Корпоративные споры представляют собой комплексную категорию дел, в которой соединяются вопросы гражданского, корпоративного и арбитражного процессуального права. Их специфика определяется предметом спора: речь идет не только о взыскании имущества, но и о контроле над корпорацией, действительности решений органов управления, сохранении статуса участника, ответственности менеджмента и защите интересов самого юридического лица.

Судебное разрешение корпоративных споров должно обеспечивать баланс трех задач: восстановление нарушенных прав, стабильность деятельности корпорации и предотвращение злоупотреблений со стороны участников или органов управления. Для достижения этого баланса необходимо совершенствовать корпоративные документы, повышать прозрачность управления, добросовестно раскрывать конфликт интересов и применять обеспечительные меры только в пределах реальной необходимости. В этом случае корпоративный спор будет выполнять не разрушительную, а восстановительную функцию, возвращая корпоративные отношения в правовое русло.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026).
3. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 28.12.2025).
4. Федеральный закон от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025).
5. Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
7. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025.
8. Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. Т. 3. 2-е изд. — М.: Статут, 2025. — 482 с.
9. Кузнецов А. А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / отв. ред. А. А. Кузнецов. — М.: Статут, 2020. — С. 199–271.
10. Шиткина И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2025.

Проблемы производства по делам, связанным с ограничением дееспособности гражданина и признание гражданина недееспособным

Мезак Любовь Владимировна, индивидуальный предприниматель (г. Воркута)

В данной статье рассматриваются проблемы производства по делам с ограничением признания граждан недееспособными, обозначаются определенные вопросы в ходе производства, и предлагаются возможные пути их решения.

В условиях современного общества, вопросы, касающиеся производства по делам, связанным с ограничением дееспособности граждан и признанием их недееспособными, несмотря на определенные законодательные меры продолжают волновать исследователей, в связи с ростом проблем именно самого судопроизводства. Для наиболее объективной картины, начнём исследование с раскрытия понятий, составляющих тему.

Гражданин — человек, принадлежащий к постоянному населению данного государства, пользующийся его защитой и наделённый совокупностью политических и иных прав и обязанностей [25].

Конституция РФ закрепляет основные социально значимые права и свободы, как для всего общества, так и для каждого человека и гражданина [1].

Правоспособность гражданина. Способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью [2].

Суханов Е. А. разъясняет, что правоспособность признается за всеми гражданами страны. Следовательно, пра-

воспособность неотделима от человека, он правоспособен в течение всей жизни независимо от возраста и состояния здоровья. Гражданская правоспособность — это неотъемлемое от него право, содержание которого заключается в способности(возможности)иметь любые допускаемые законом гражданские права и обязанности. Все граждане обладают равной по содержанию правоспособностью, никто не имеет никаких привилегий и преимуществ в способности обладать правами. Российские граждане признаются равноправными (ст. 19 Конституции РФ) [12].

Согласно ст. 17 ГК РФ гражданская правоспособность — это способность иметь гражданские права и нести обязанности. Гражданская правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами. Правоспособность — это общая предпосылка субъективных прав и обязанностей [17, с. 19].

Способность лица осуществлять действия, дающие возможность наделять его правами и возлагать на него обязанности, нести ответственность за совершенное правонарушение, называется дееспособностью. Обычно приобретается после достижения лицом совершеннолетия [15].

В гражданском праве имеет место частичная и неполная дееспособность [18].

Под гражданской дееспособностью в соответствии с п.1 ст.21 ГК РФ понимается способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их [17].

Права и свободы составляют правоспособность граждан, которая является статичным явлением, а дееспособность представляет активную динамичную характеристику, постоянно развивающуюся и быстро изменяющуюся в условиях современных социально-экономических отношений.

В гражданском законодательстве допускается ограничение правоспособности по закону (п. 1 ст. 22 ГК), это возможно в качестве наказания за совершенное преступление, при этом гражданин по приговору суда лишается не правоспособности в целом, а только способности иметь отдельные права — занимать определенные должности, заниматься определенными видами деятельности [12]. Но, зачастую ограничивается не только правоспособность, но и дееспособность, это происходит в следствии болезни, или достижения преклонного возраста, или психического расстройства, когда гражданин утрачивает способность руководить своими действиями, понимать значение своих действий, тогда он может быть признан недееспособным, либо ограничено дееспособным, над ним устанавливается опека [2].

Количество недееспособных или ограниченно дееспособных граждан в последние годы существенно растет, значит число людей, нуждающихся в защите и помощи, также растет, что свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства, т. к. некоторые аспекты правового регулирования нуждаются в корректировке. Агарков М. М. считает, что система гражданского права должна быть построена по предмету регулирования, т. е. по тем отношениям, которые регулирует наше гражданское право, соответственно, главной задачей построения системы гражданского права является правильное отражение тех органических связей, которые соединяют различные части гражданского права друг с другом [6].

В гражданском судопроизводстве различают несколько видов недееспособности:

— возрастная недееспособность. Возрастная недееспособность возникает до наступления совершеннолетия, а именно восемнадцатилетнего возраста и в очень пожилом возрасте, когда в результате возрастных изменений человек перестает руководить своими действиями и теряет дееспособность. Недееспособность несовершеннолетних возникает из условия нахождения в определенной возрастной категории. В пожилом возрасте порядок признания недееспособности будет таким же, как и при психическом расстройстве или заболевании.

— недееспособность вследствие психического расстройства. Возникает (ст. 29 ГК РФ — не всякое психическое расстройство может быть основанием для потери гражданином дееспособности) в результате потери гра-

жданином способности адекватно воспринимать действительность и отвечать за свои действия и поступки, на основании одного лишь диагноза нельзя сказать, что гражданин недееспособен.

Судопроизводство по делам об ограничении дееспособности граждан (ст. 30 ГК РФ, ст. 281 ГПК РФ) исходит из интересов самого гражданина (при наличии психических расстройств или зависимостей) и его близких.

— ограничение дееспособности.

Ограничение в дееспособности сокращает ряд прав и обязанностей гражданина, в первую очередь на совершение сделок по распоряжению имуществом. Ограничение дееспособности гражданина проявляется в том, что в соответствии с решением суда над ним устанавливается попечительство и совершать сделки по распоряжению имуществом, а также получать заработную плату, пенсию или иные виды доходов и распоряжаться ими он может лишь с согласия попечителя. Он вправе самостоятельно совершать лишь мелкие бытовые сделки (п.1 ст. 30 ГК РФ). Однако такой гражданин самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам или за причиненный вред [27].

Основные проблемы судопроизводства недееспособности указывают на сложность доказывания причинно-следственных связей между психическим здоровьем и поведением, а также материальным положением семьи, необходимость судебно-психиатрической экспертизы и соблюдение баланса между защитой прав и ограничением дееспособности.

В юриспруденции и криминалистике словом «судопроизводство» обозначается процесс определения обстоятельств дела [16].

Афанасьева Н. А. представила гражданское право в схемах и таблицах.

Гражданское судопроизводство (гражданский процесс) — это урегулированная нормами гражданского процессуального права деятельность суда, других участников процесса, а также органов исполнения судебных постановлений по рассмотрению и разрешению гражданских дел и исполнению судебных постановлений.

«Гражданское судопроизводство» = «гражданский процесс» [7].

Гражданский процесс — правовая форма осуществления гражданского судопроизводства, т. е. система юридических действий суда общей юрисдикции и других участников, установленных нормами гражданского процессуального права, возникающих при разрешении гражданских дел.

Признаки гражданского процесса:

- 1) суд как обязательный субъект;
- 2) действия суда и участников процесса — суть юридические, гражданские процессуальные действия;
- 3) предметом, объектом гражданского процесса являются только гражданские дела [10].

Гражданский процесс является процессуальной формой защиты гражданских прав. Следовательно гра-

жданский процесс — это осуществляемая в особой процессуальной форме деятельность суда (гражданское судопроизводство) и других специально уполномоченных законом органов по защите гражданских прав. Судебная защита гражданских прав наиболее регламентирована, универсальна, обеспечивает наибольшие гарантии правильного применения закона. Исходя из приоритета судебной защиты гражданских прав над другими формами защиты, часто под гражданским процессом понимают гражданское судопроизводство, т. е. порядок рассмотрения и разрешения судами гражданских дел, определяемый нормами процессуального законодательства [11].

Задачами гражданского судопроизводства согласно ст. 2 ГПК РФ являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел. **Целью** гражданского судопроизводства ГПК РФ называет защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Главным субъектом гражданской процессуальной деятельности является суд, рассматривающий дело. Процесс включает в себя и деятельность других лиц (истца, ответчика, третьих лиц, заявителей, лиц, содействующих отправлению правосудия).

Судебное производство — наиболее цивилизованный способ разрешения конфликтов. Типом судебного производства является гражданский процесс [20].

Гражданское судопроизводство представляет собой движение гражданского дела в суде, определенную совокупность этапов или стадий его рассмотрения и разрешения. Стадией гражданского процесса называется совокупность установленных законом процессуальных действий, объединенных или направленных к одной ближайшей процессуальной цели [11].

Судебную процедуру можно определить как совокупность последовательных и взаимосвязанных между собой судебных действий и решений, предназначенных для разрешения отдельного, частного правового вопроса или реализации одной из стоящих перед судом локальных задач [9].

Агарков М. М. считает, что система гражданского права должна быть построена по предмету регулирования, т. е. по тем отношениям, которые регулирует наше гражданское право. Основной задачей построения системы гражданского права является правильное отражение тех основных связей, которые соединяют различные части гражданского права друг с другом.

В гражданском процессе действует презумпция дееспособности лица: лицо дееспособно, пока иное не установлено решением суда, вступившим в законную силу. В силу этого на заявителе лежит обязанность доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих о недееспособности соответствующего гражданина. Другие заинтересованные лица (например, члены семьи), возражающие

против заявленного требования, вправе приводить доказательства отсутствия оснований для признания лица недееспособным [10]. Процедура рассмотрения гражданских дел о признании лица недееспособным заслуживает особого внимания. Этот вопрос регулируется Гражданско-процессуальным кодексом РФ ст. 281–286.

Проблемы производства по делам, связанным с ограничением дееспособности гражданина и признанием гражданина недееспособным

Рассмотрим наиболее острые проблемы производства.

Одна из наиболее острых проблем гражданского производства по делам, связанным с ограничением дееспособности гражданина и признанием гражданина недееспособным: большая загруженность судей до 260 дел в месяц [31].

24.06.2025 в Совфеде обнародовали, сколько дел в месяц рассматривают мировые судьи. 1176 дел в месяц в среднем рассматривает мировой судья в Тюменской области. 24.06.2025 года состоялся круглый стол в Совете Федерации по теме «Проблемы мировой юстиции», из доклада заместителя директора судебного департамента при Верховном суде РФ Алмаз Ибрагимов: в целом по России нагрузка на мировых судей составляет 500 дел ежемесячно [30].

При этом нагрузка на мировую юстицию столицы остается одной из самых высоких в стране: по итогам 2024 года она составила около 700 дел в месяц на одного судью. На некоторых судебных участках эта цифра превышает 1 000 [24].

Столичные судьи рассматривают в среднем 124 дела в месяц — Мосгорсуд. В первом полугодии судьи районного суда столицы рассматривали в среднем по 124,5 дела в месяц, заявил председатель Московского городского суда Михаил Птицын.

«Судьи районных судов рассмотрели более 320 тысяч дел и материалов, нагрузка на судью — 124,5 дела в месяц, судьи городского суда рассмотрели свыше 85 тысяч дел, нагрузка — 70 дел в месяц», — уточнил Птицын на итоговом совещании по результатам работы мировых судей, районных судов города Москвы и Мосгорсуда.

Глава Мосгорсуда добавил, что мировые судьи города рассмотрели 1 миллион 70 тысяч дел и материалов — 615 дел на судью в месяц [24].

Однозначно, это приводит к нарушению сроков рассмотрения, некачественным (с грамматическими и юридическими ошибками) решениям, вызывает усталость и безразличие у судей.

В СФ предложили законодательно изменить систему нагрузки на мировых судей и их материального обеспечения. Инициатива — взыскание задолженности по оплате коммунальных услуг на основании исполнительной надписи нотариуса, взыскание налоговой задолженности с физическим лицом во внесудебном порядке, использование ИИ для перераспределения нагрузки [24].

Другая проблема, вытекающая из первой — сроки рассмотрения по делам, связанным с ограничением дееспособности

способности гражданина и признанием гражданина недееспособным.

Статья 154 ГПК РФ. Сроки рассмотрения и разрешения гражданских дел (действующая редакция). Гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд, если иные сроки рассмотрения и разрешения дел не установлены настоящим Кодексом, а мировым судьей до истечения месяца со дня принятия заявления к производству [3]. В реальной ситуации на рассмотрение по делам, связанным с ограничением дееспособности гражданина и признанием гражданина недееспособным, уходит от 6–8 месяцев.

Если судьи сосредоточатся на самом процессе по конкретному делу, руководители судов, осознав, что иного просто не придумать, организационно решат проблему с загруженностью и на федеральном уровне поставят вопрос о пересмотре механизма допуска споров в суды, о ликвидации «давящего» на судей двухмесячного срока рассмотрения либо об увеличении судейского корпуса и его детальной специализации [28].

Следующая немаловажная проблема производства в том, что зачастую дела рассматриваются без участия самого гражданина, это обусловлено самой спецификой дела, так как гражданин может находиться в психоневрологическом медицинском учреждении, т. к. проведение судебно-психиатрической экспертизы обязательно (часть 4 статьи 281 ГПК РФ), но она, также может проводиться лишь на основании ранее имеющихся у лица документов — справок или записей из медицинской карты. Расследование «РГ», показало, что заявления рассматривают часто, быстро и целыми списками, без вызова экспертов на заседание, без свидетелей, и даже без самого будущего «сумасшедшего» [32].

Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2021), утв. Президиумом ВС РФ 10 ноября 2021 года)

7 декабря 2018 года судья О. Чубарова в один день вынесла решения о лишении граждан дееспособности по 24 делам. 14 декабря 2018 — по 22 делам. 21 декабря 2018 — по 25 делам и т. п. Таким образом, за декабрь 2018 года только одна судья удовлетворила 70 исков о лишении дееспособности.

На 30 января 2019 г. в Нагатинском суде было зарегистрировано 30 дел о лишении дееспособности. Все дела попали к одному судье. Как видно на судебном портале, номера этих дел идут подряд, то есть подают их одной стопкой к одному судье и регистрируют так же.

А 15 февраля 2019 г. судьей по всем этим же делам скопом была назначена психиатрическая экспертиза [32]. Практически невозможно, что судья рассмотрела 30 дел в один день, выслушала всех заинтересованных лиц, взвесила все за и против и назначила психиатрическую экспертизу.

Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании», ст. 28 — лицо, признанное недееспособным, помещается в психиатрический стационар

по просьбе или с согласия его законного представителя, в той мере, в какой данное положение предполагает помещение недееспособного лица в психиатрический стационар без судебного решения, принимаемого по результатам проверки обоснованности госпитализации в принудительном порядке [4, с. 14].

Материалы, полученные после проведения судебно-психиатрической экспертизы, не исследуются должным образом, а чаще всего оглашается лишь вывод эксперта. Следовательно, участие специалиста в судебном заседании должно быть обязательным, для оказания содействия суду и лицам, участвующим в деле, заключения специалиста могут изменить достаточно существенные процессуальные последствия, вплоть до назначения экспертизы (повторной, дополнительной).

В Российской Федерации нет единого реестра недееспособных или ограниченных в дееспособности, за исключением Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним. В соответствии с пунктом 4 статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», суд в течение трех дней со дня вступления в законную силу решения о признании гражданина недееспособным обязан направить данное решение в орган по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним [4, с. 20]. Данная процедура ставит целью не только обеспечение публичности сведений о недееспособных лицах, но и предотвращение заключения неправомерных сделок с недвижимостью недееспособных граждан [21].

Отсутствие единого реестра недееспособных лиц в Российской Федерации создает некоторые трудности для данных лиц — не соблюдаются в полной мере их гражданские права и способности. Родственники или члены семьи такого гражданина зачастую намеренно скрывают факты недееспособности с корыстной целью. Для предотвращения нарушения законных прав и свобод недееспособного гражданина, а также совершения действий, противоречащих закону нотариусами и судебными органами, необходимо создать единый реестр недееспособных лиц, кроме того, ввести отметки в документе, удостоверяющем личность о признании гражданина недееспособным [22].

Перечисленные предполагаемые меры решения проблем судопроизводства (уменьшение нагрузки на судей, соблюдение процессуальных сроков; обязательное участие в заседаниях суда не только гражданина, по которому стоит вопрос о лишении дееспособности, но и аккредитованного эксперта ПНД по лишению дееспособности; создание единого реестра недееспособных лиц) даже при их частичной реализации позволят несколько упорядочить деятельность института гражданского производства по делам, связанным с ограничением дееспособности гражданина и признанием гражданина недееспособным, решить проблемы гражданского производства и не только значительно улучшить судопроизводство, но и повысить авторитет гражданского суда.

Литература:

1. Конституция РФ Гл.2. Права и свободы человека и гражданина, ст.17–64 / Конституция РФ 1. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт].
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 n 51-фз (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) ст. 131, 132, 133, 134, 281
4. Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. от 22.07.2024)
5. Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 N 122-ФЗ
6. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. / М. М. Агарков. — В 2 т. Т. 1 Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. — М., 2012. — 428 с. — Текст: непосредственный.
7. Афанасьева, Н. А. Гражданский процесс в схемах и таблицах (общая часть) / Н. А. Афанасьева. — учебное пособие А94 / Н. А. Афанасьева; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — Вологда, 2022. — 174 с. — Текст: непосредственный.
8. Гражданский процесс в схемах и таблицах (общая часть) / Белов, А. В. — Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 1. Лица, блага: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. — М.: Юрайт, 2016. — 453 с. — Текст: непосредственный.
9. Бурмагин С. В. Государство и право / С. В. Бурмагин. — В помощь изучающим уголовный процесс. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды. —, 2019. — с. 146–159 с. — Текст: непосредственный.
10. Гражданский процесс / И. В. Решетникова. — Текст: электронный — URL: <https://be5.pravo/g005>
11. Гражданский процесс / под редакцией доктора юридических наук, профессора А.Г. Коваленко, доктора юридических наук, профессора А.А. Мохова, доктора юридических наук, профессора П.М. Филиппова — Текст: электронный // kpfu.ru: [сайт]. — URL: https://kpfu.ru/staff_files/F2137900859/grazhdanskij_process_pod_red_kovalenko_a.g-i_dr_uc.pdf (дата обращения: 08.05.2026).
12. Гражданское право: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр: в 4 томах / ответственный редактор, доктор юридических наук, профессор Е. А. Суханов; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023-Т. 1: Общая часть / А. В. Асосков, В. С. Ем, В. В. Витрянский и др.. — 2023. — 622, [1] с.; ISBN 978–5–8354–1888–6: 500 экз.
13. Серегина А. А. Производство по делам о признании гражданина не дееспособным / А. А. Серегина. — Текст: непосредственный // Вестник магистратуры. — 2023. — № № 6–1. — С. 141.
14. Разумовская Е. В. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов / Е. В. Разумовская. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 190 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–20754–5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/582551>
15. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. — 2. изд., испр. — Москва: ИНФРА-М, 1999. — 476, [2] с.; 25 см. — (Библиотека словарей «ИНФРА-М»: БСИ); ISBN 5–86225–758–6
16. Толковый словарь русского языка: Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / Ахапкин Д. Н. и др.; Под ред. Д. В. Дмитриева. — Москва: Астрель [и др.], 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). — 989 с.; 15 см. — (Словари Академии Российской); ISBN 5–271–06086–1
17. Халилова Р. М. Гражданское право (общая часть) / Р. М. Халилова. — Текст: электронный // dgunh.ru: [сайт]. — URL: https://dgunh.ru/content/glavnay/ucheb_deyatel/uposob/up_gp-fgos-5.pdf
18. Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. — Право и закон, М.: Колос С, 2003. — 544 с.
19. Лётина О. С. Всероссийский сборник статей и публикаций института развития образования, повышения квалификации и переподготовки. / О. С. Лётина. — Текст: электронный // ropkip.ru: [сайт]. — URL: <https://ropkip.ru/publication/420370>
20. Боднар Е. И. Судебное производство: кому, что и зачем об этом надо знать / Е. И. Боднар. — Текст: электронный // fpa.ru: [сайт]. — URL: <https://fpa.ru/info/sudebnoe-proizvodstvo-komu-chto-i-zachem-ob-jetom-nado-znat/>
21. Шутова, В. И. Некоторые вопросы применения норм о признании гражданина недееспособным и пути их решения // Отечественная юриспруденция / В. И. Шутова. — Текст: электронный // legalscience.ru: [сайт]. — URL: <https://legalscience.ru/images/PDF/2017/18/nekotorye-voprosy.pdf>

22. Лахметкина Ю. С. Некоторые проблемы применения законодательства о недееспособности граждан и пути их решения / Ю. С. Лахметкина. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы права: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). — Москва: Буки-Веди, 2017. — С. 47–50. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13354>.
23. Столичные судьи рассматривают в среднем 124 дела в месяц — Мосгорсуд. — Текст: электронный // рапси-право: [сайт]. — URL: https://rapsi-pravo.ru/judicial_department_news/20250625/310976669
24. Судебный департамент разработал единые нормативы обеспечения мировых судей. — Текст: электронный // рапси-право: [сайт]. — URL: https://rapsi-pravo.ru/judicial_department_news/20250625/310976669
25. Гражданин. — Текст: электронный // Викисловарь: [сайт]. — URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/гражданин>
26. В Совфеде обнародовали, сколько дел в месяц рассматривают мировые судьи: безумные цифры. — текст: электронный — url: <https://yandex.ru/search?text=https%2f%2fwww.mk.ru%2fsocial%2f2025%2f06%2f24%2fv-sovfede-obnarodovali-skolko-%2520del24.06.2025.&clid=2413846-193&lr=10940>
27. Признание гражданина недееспособным. Основания и порядок. — Текст: электронный — URL: <https://xn—b1abfbbpqksgqkg.xn—1ai/about/guardianshop/docs/usefull/16002>
28. И снова о «бедах» современного российского гражданского процесса / Янышев Ян. — Текст: электронный // zakon.ru: [сайт]. — URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/06/i_snova_o_bedah_sovremennogo_rossijskogo_grazhdanskogo_process
29. Цифровизация и нагрузка: уникальный опыт мировой юстиции Москвы. — Текст: электронный // rapsi-pravo.ru: [сайт]. — URL: https://rapsi-pravo.ru/judicial_analyst/20250729/311054295.html?ysclid=mocsw8cwwx797246562
30. В Совфеде обнародовали, сколько дел в месяц рассматривают мировые судьи / Вторушин Иван. — Текст: электронный // zakon.ru: [сайт]. — URL: <https://www.mk.ru/social/2025/06/24/v-sovfede-obnarodovali-skolko-del-24.06.2025>
31. Суды загружены мелкими делами от государства // Как минимизировать эти несущественные требования?. — Текст: электронный — URL: https://zakon.ru/blog/2021/6/11/sudy_zagruzheny_melkimi_delami_ot_gosudarstva_kak_minimizirovat_eti_nesuschestvennye_trebovaniya
32. Почему суды стали чаще принудительно отправлять в психиатрические клиники. — Текст: электронный — URL: <https://rg.ru/2021/12/15/pochemu-sudy-stali-chashche-prinuditelno-otpravliat>

Особенности исполнения ограничения свободы как вида уголовного наказания

Мерзлякова Анна Валериевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Ограничение свободы представляет собой альтернативный лишению свободы вид уголовного наказания, введенный в действие в России с января 2010 года. Специфика его исполнения заключается в установлении судом системы ограничений и обязанностей, которые осужденный обязан соблюдать без изоляции от общества. Настоящая статья анализирует нормативно-правовую регламентацию, практику применения и проблемные аспекты исполнения ограничения свободы, включая вопросы надзора со стороны уголовно-исполнительных инспекций, технологии контроля за осужденными, ответственность за нарушение режима отбывания наказания. Актуальность исследования обусловлена тенденцией гуманизации уголовно-исполнительной политики России и необходимостью расширения практики применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Новизна работы состоит в комплексном анализе особенностей исполнения ограничения свободы с учетом современной судебной практики и статистических данных за 2023–2024 годы.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовное наказание, электронный мониторинг, альтернативные наказания, исполнение наказания.

Ограничение свободы занимает особое место в системе уголовных наказаний России, представляя собой компромиссный вариант между карательным воздействием и сохранением социальных связей осужденного. Согласно статье 53 Уголовного кодекса Российской Федерации сущность данного наказания состоит в установлении судом осужденному системы ограничений, которые он обязан соблюдать по месту жительства или пребывания под надзором уголовно-исполнительной инспекции.

Законодатель предусмотрел возможность назначения ограничения свободы как в качестве основного вида наказания за преступления небольшой и средней тяжести на срок от двух месяцев до четырех лет, так и в качестве дополнительного к лишению свободы или принудительным работам на срок от шести месяцев до двух лет. По данным судебной статистики, в 2024 году к ограничению свободы в качестве основного наказания было осуждено 24 547 человек, в качестве дополнительного — 7664 человека [6].

Принципиальное отличие ограничения свободы от иных видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, заключается в комбинированном характере правоограничений. Обязательными элементами данного наказания являются запрет на изменение места жительства или пребывания без согласия уголовно-исполнительной инспекции, запрет на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования, а также обязанность являться в инспекцию для регистрации от одного до четырех раз в месяц.

Помимо обязательных, суд вправе устанавливать дополнительные ограничения: запрет покидать жилище в определенное время суток, запрет посещать определенные места в пределах муниципального образования, запрет посещать массовые мероприятия и участвовать в них. Выбор конкретных ограничений должен определяться характером совершенного преступления, личностью виновного и обстоятельствами дела.

Законодательная конструкция ограничения свободы претерпела существенную эволюцию. Первоначально, при принятии Уголовного кодекса в 1996 году, предполагалось отбывание наказания в специализированных исправительных центрах, однако их создание потребовало бы значительных финансовых затрат. Тринадцатилетняя отсрочка введения наказания в действие завершилась кардинальным изменением его содержания в 2009 году, когда законодатель отказался от концепции исправительных центров в пользу отбывания наказания по месту жительства осужденного [8].

Круг лиц, которым может быть назначено ограничение свободы, законодательно ограничен. Это наказание не применяется к военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории России. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснено, что отсутствие регистрации по месту жительства или пребывания само по себе не свидетельствует об отсутствии постоянного места проживания; необходимо учитывать совокупность данных о личности, включая склонность к перемене мест и имущественную несостоятельность [7].

Исполнение наказания в виде ограничения свободы возложено на специализированные государственные органы — уголовно-исполнительные инспекции Федеральной службы исполнения наказаний. Согласно статье 47.1 Уголовно-исполнительного кодекса, именно эти органы осуществляют надзор за отбыванием осужденными ограничения свободы по месту их жительства.

Постановка на учет является отправной точкой исполнения наказания. Уголовно-исполнительная инспекция не позднее 15 суток со дня получения копии приговора вручает осужденному официальное уведомление о необходимости явки для постановки на учет. При постановке осужденный подлежит дактилоскопической регистрации и фотографированию, что позволяет надлежащим образом

идентифицировать личность и обеспечить возможность розыска в случае уклонения от отбывания наказания [4].

Технологии контроля за соблюдением осужденными установленных ограничений включают традиционные методы — периодические проверки по месту жительства, истребование объяснений, взаимодействие с органами внутренних дел — и инновационные средства электронного мониторинга. Уголовно-исполнительная инспекция вправе применять аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля, что существенно повышает эффективность надзора.

Впрочем, практика применения электронных браслетов и иных средств мониторинга не лишена проблемных аспектов. Установка электронных средств контроля осуществляется по постановлению начальника территориального органа внутренних дел, однако техническое обслуживание, ремонт и замена устройств требуют от осужденного дополнительных временных затрат. При этом отказ от использования технических средств надзора и контроля рассматривается как злостное уклонение от отбывания наказания, что влечет возможность замены неотбытой части наказания лишением свободы [10].

Порядок взаимодействия уголовно-исполнительной инспекции с осужденными регламентирован достаточно детально. Осужденный обязан являться по вызову для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием наказания, а также для регистрации с периодичностью, установленной судом. Неявка без уважительных причин расценивается как нарушение порядка и условий отбывания наказания и влечет применение мер дисциплинарного воздействия.

Согласие уголовно-исполнительной инспекции требуется для ряда действий осужденного. Законодатель установил исчерпывающий перечень оснований для получения такого согласия, включающий исключительные личные обстоятельства: смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, необходимость получения медицинской помощи, невозможность дальнейшего нахождения по месту жительства в связи со стихийным бедствием, прохождение обучения, необходимость трудоустройства [2]. Процедура рассмотрения ходатайств регламентирована сроками: общий срок составляет 10 суток, а в случае смерти или тяжелой болезни близкого родственника — трое суток.

Надзор за осужденными не сводится исключительно к контрольным функциям. Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций проводят с осужденными воспитательную работу, содействуют их социальной адаптации, трудоустройству и решению социально-бытовых проблем, что соответствует целям исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений.

Однако практика назначения и исполнения ограничения свободы выявила ряд проблем, требующих законодательного и организационного решения. Одна из них связана с определением территориальных границ, в пределах которых осужденный вправе перемещаться. Статья 53 Уголовного кодекса устанавливает запрет на выезд за

пределы «соответствующего муниципального образования», однако длительное время суды по-разному интерпретировали это понятие.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 22 декабря 2015 года № 58 разъяснил, что под муниципальным образованием следует понимать городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородскую территорию города федерального значения в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Данное разъяснение устранило противоречия в судебной практике, однако породило новую проблему для осужденных, проживающих и работающих (обучающихся) в разных муниципальных образованиях или даже субъектах Федерации.

Позиция Верховного Суда о возможности назначения ограничения свободы лицам, работающим или обучающимся за пределами муниципального образования по месту жительства, безусловно, заслуживает поддержки, поскольку расширяет сферу применения данного вида наказания и устраняет необходимость увольнения осужденного с работы или прекращения обучения. Вместе с тем, технически обеспечить контроль за перемещениями такого осужденного между различными муниципальными образованиями значительно сложнее, что требует совершенствования межведомственного взаимодействия и систем электронного мониторинга [3].

Исчисление срока наказания также вызывает вопросы. При назначении ограничения свободы в качестве основного вида наказания срок исчисляется со дня постановления осужденного на учет уголовно-исполнительной инспекцией. Время со дня вступления приговора в законную силу до постановления на учет засчитывается в срок ограничения свободы. Однако при назначении ограничения свободы в качестве дополнительного наказания к лишению свободы либо при замене неотбытой части лишения свободы ограничением свободы срок исчисляется со дня освобождения осужденного из исправительного учреждения [1].

Проблема состоит в том, что осужденный может освобождаться из исправительного учреждения, дислоцирующегося на значительном удалении от выбранного им места жительства. Время следования к месту жительства засчитывается в срок ограничения свободы день за день, однако администрация исправительного учреждения уведомляет уголовно-исполнительную инспекцию о направлении судебных решений лишь в день освобождения. Отсутствие регламентации способа и сроков доставки документов, а также возможности оперативного принятия их к исполнению создает временной разрыв между освобождением и фактическим началом исполнения наказания, в течение которого осужденный остается без надлежащего контроля [9].

Ответственность за нарушение порядка и условий отбывания наказания выстроена по принципу градации от предупреждения к замене наказания. За первое нарушение

уголовно-исполнительная инспекция объявляет осужденному предупреждение. За повторное нарушение в течение года после объявления предупреждения применяется официальное предостережение о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Злостным уклонением от отбывания наказания признается совершение нарушения в течение года после применения официального предостережения, отказ от использования технических средств надзора и контроля, сокрытие с места жительства на срок более 30 дней, неприбытие в инспекцию после освобождения из исправительного учреждения [11].

В случае злостного уклонения от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания, суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции вправе заменить неотбытую часть наказания лишением свободы из расчета один день лишения свободы за два дня ограничения свободы. Здесь возникает дискуссионный вопрос о соразмерности такой замены, поскольку фактически осужденный получает вдвое меньший срок лишения свободы по сравнению с неотбытым сроком ограничения свободы. С одной стороны, это отражает меньшую репрессивность ограничения свободы по сравнению с лишением свободы, с другой — может снижать превентивное значение угрозы замены наказания для недисциплинированных осужденных.

Статистика применения ограничения свободы свидетельствует о постепенном росте доли данного наказания в структуре уголовных наказаний. Если в первые годы после введения в действие (2010–2012 годы) суды назначали ограничение свободы крайне редко, опасаясь неясностей в правоприменении, то к 2024 году число осужденных к основному наказанию в виде ограничения свободы достигло почти 25 тысяч человек. Одновременно растет число лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций по данному виду наказания, что создает дополнительную нагрузку на персонал инспекций и актуализирует вопрос о достаточности кадровых и материально-технических ресурсов для осуществления надлежащего надзора [5].

Подводя итог, можно отметить, что ограничение свободы представляет собой эффективный инструмент уголовно-правового воздействия, позволяющий достичь целей наказания без изоляции осужденного от общества. Особенности исполнения данного вида наказания определяются комбинированным характером ограничений, сочетанием традиционных и инновационных методов контроля, необходимостью согласования действий осужденного с уголовно-исполнительной инспекцией.

Практика применения ограничения свободы в России за 2010–2024 годы продемонстрировала как положительные стороны данного института — сохранение социальных связей осужденного, возможность продолжения трудовой деятельности и обучения, отсутствие десоциализирующего влияния пенитенциарной среды, — так и проблемные аспекты. К числу последних относятся неясность территориальных границ перемещения осужденных, не-

достаточная регламентация порядка исчисления срока наказания при различных способах его назначения, организационные сложности обеспечения надзора за осужденными, работающими или обучающимися за пределами муниципального образования по месту жительства.

Разъяснения Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлениях Пленума 2013 и 2015 годов, способствовали формированию единообразной судебной практики и устранению наиболее очевидных противоречий в правоприменении. Вместе с тем, дальнейшее совершенствование правового регулирования исполнения ограничения свободы требует решения вопросов электронного документооборота между исправительными учреждениями и уголовно-испол-

нительными инспекциями, создания централизованной информационной системы учета осужденных, расширения практики применения электронного мониторинга при одновременном обеспечении прав осужденных.

Перспективы развития института ограничения свободы связаны с расширением сферы его применения, совершенствованием технологий контроля, повышением эффективности воспитательного воздействия на осужденных. Учет положительного опыта зарубежных стран в организации пробационного надзора и электронного мониторинга позволит повысить результативность исполнения ограничения свободы и укрепить его роль в качестве реальной альтернативы лишению свободы.

Литература:

1. Волков, К. А. Проблемы судебной практики при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания / К. А. Волков // Уголовное право. — 2016. — № 1. — С. 14–22.
2. Долгих, Т. Н. Некоторые особенности правового и организационного характера назначения и исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы / Т. Н. Долгих // Российская юстиция. — 2015. — № 1. — С. 20–23.
3. Калинина, О. М. Ограничение свободы: новые разъяснения судебной практики / О. М. Калинина // Российское право: образование, практика, наука. — 2016. — № 2. — С. 54–58.
4. Коршунова, О. Н. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие / Е. А. Бурмистрова, И. И. Головкин, Г. В. Дытченко и др.; под ред. О. Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юстиция, 2019. — 408 с.
5. Медведев, А. А. К вопросу о необходимости дополнительного нормативного регулирования исполнения наказания в виде ограничения свободы / А. А. Медведев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2024. — № 3. — С. 32–36.
6. Мозина, Е. В. Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по применению положений ч. 6 ст. 15 УК РФ / Е. В. Мозина // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 2. — С. 83–91.
7. Пермиловская, Е. А. Назначение наказания в виде ограничения свободы / Е. А. Пермиловская // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 7. — С. 169–177.
8. Рожков, С. А. Некоторые особенности исполнения наказания в виде ограничения свободы / С. А. Рожков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2013. — № 4(22). — С. 274–282.
9. Соколов, И. В. Новеллы законодательной регламентации наказания в виде ограничения свободы в УК РФ / И. В. Соколов // Правовое государство: теория и практика. — 2010. — № 3 (21). — С. 66–71.
10. Шевелева, С. В. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации / С. В. Шевелева, В. А. Можайкина // Вестник Пермского университета. — Юридические науки. — 2021. — № 4. — С. 722–753.
11. Щербакова, Е. М. Число осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу, снизилось в 2024 году до 513 тысяч человек / Е. М. Щербакова // Демоскоп Weekly. — 2025. — № 1075–1076. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01075/barom06.php>

Криминологическая характеристика личности преступника по статье 264.1 УК РФ: социально-демографический и нравственно-психологический аспекты

Мехонцева Наталья Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Красущих Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются социально-демографические и нравственно-психологические особенности лиц, совершающих преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ (управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость). Анализируются данные судебной ста-

тики, материалы уголовных дел и ведомственные обзоры для составления актуального криминологического портрета данного типа преступников.

Ключевые слова: криминология, личность преступника, ст. 264.1 УК РФ, пьяное вождение, административная преюдиция, социально-демографическая характеристика.

Актуальность изучения личности преступника, совершающего деяние, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, обусловлена устойчивым характером данного вида преступлений и его высокой общественной опасностью. Ежегодно тысячи водителей, уже подвергнутых административному наказанию за пьяное вождение, вновь садятся за руль в состоянии опьянения, демонстрируя неэффективность предыдущих мер воздействия. Лица, управляющие транспортным средством в состоянии опьянения, будучи уже наказанными за аналогичное деяние, демонстрируют стойкое пренебрежение к нормам права и общественной безопасности. Понимание социальных, психологических и демографических черт таких преступников является необходимым условием для выработки эффективных мер предупреждения и коррекции их поведения, а также для индивидуализации уголовного наказания.

Состав преступления, предусмотренный ст. 264.1 УК РФ, имеет конструкцию с административной преюдицией. Это предопределяет и специфику субъекта: им является физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которое ранее уже подвергалось административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения (или невыполнение требования о медосвидетельствовании) либо имеет судимость за соответствующие преступления [4]. Однако формальных признаков субъекта недостаточно для понимания причин преступного поведения, что делает необходимым обращение к криминологической характеристике.

Социально-демографические характеристики. Согласно данным обобщенных исследований судебной практики, например, по данным Юстинского районного суда Республики Калмыкия за период с 2022 по первое полугодие 2025 года, подавляющее большинство лиц, осужденных по ст. 264.1 УК РФ, составляют мужчины — 18 из 19 осужденных (около 95 %). Женщины представлены незначительно — всего 1 случай за указанный период [5]. Столь существенный перекоп связан как с более высокой долей мужчин среди водителей в целом, так и с психологическими особенностями, в частности, склонностью к рискованному поведению и злоупотреблению алкоголем.

Возрастная структура преступников по ст. 264.1 имеет свою специфику. Согласно статистике Юстинского районного суда, наибольшая доля приходится на возрастные группы старше 40 лет: из 19 осужденных лица в возрасте 40–50 лет составили 6 человек, а свыше 50 лет — 10 человек. Молодежь в возрасте 20–30 лет представлена всего 1 случаем [5]. Это свидетельствует о том, что данное преступление совершается не случайными людьми, а сформировавшимися водителями с устойчивыми моделями противоправного поведения, которые не были скорректи-

рованы мерами административного воздействия. Аналогичные тенденции прослеживаются и в других регионах: анализ приговоров показывает, что возраст осужденных варьируется от 30 до 50 лет и старше [3, 4, 6].

В сфере образования и социального статуса наблюдается тревожная тенденция. Подавляющее большинство осужденных — это трудоспособные лица, не имеющие постоянного источника дохода. По данным Юстинского районного суда, из 19 осужденных 16 человек (более 84 %) являлись неработающими и неучащимися [5]. Среди них встречаются инвалиды, ветераны боевых действий, но основная масса — лица без официального трудоустройства. Лишь 2 человека из 19 были трудоустроены, и 1 являлся пенсионером [5]. Преобладающий уровень образования — среднее (12 человек) и среднее специальное (4 человека). Лица с высшим образованием составили всего 1 случай [5]. Отсутствие стабильной занятости и, как следствие, устойчивого социального положения, формирует специфическую субкультуру досуга, где употребление алкоголя и управление автомобилем (часто технически устаревшим) могут сочетаться, не встречая внутреннего нравственного запрета.

Нравственно-психологическая характеристика и мотивация. Лиц, совершающих преступление по ст. 264.1 УК РФ, отличает ряд специфических черт. Прежде всего, это **дефекты правосознания**. Наличие действующего административного наказания или непогашенной судимости не формирует у них должного уважения к закону. Напротив, наблюдается феномен «привыкания» к наказанию и уверенности в собственной безнаказанности, подкрепляемой, возможно, предыдущим опытом избегания серьезных последствий (например, ДТП).

Ключевой характеристикой является **стойкое игнорирование социальных и правовых запретов**. Как отмечается в судебной практике, даже назначение наказания в виде лишения свободы условно или реально не всегда останавливает таких лиц. Например, в приговоре Талицкого районного суда в отношении ФИО1, имевшего две непогашенные судимости по ст. 264.1 УК РФ, суд указал, что исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, и должных выводов о своем противоправном поведении подсудимый не сделал, что повлекло назначение реального лишения свободы [3].

Важной характеристикой является также **наличие алкогольной зависимости** или пагубного употребления алкоголя. В упомянутом деле ФИО1 состоял на учете у нарколога в связи с пагубным употреблением алкоголя, лечение не проходил [3]. Хотя не во всех приговорах эта информация фигурирует, можно предположить, что значительная часть осужденных имеет проблемы, связанные

с употреблением алкоголя. Все 19 осужденных по данным Юстинского районного суда совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения [5]. Алкогольное опьянение выступает катализатором, снимающим внутренние запреты и искажающим оценку рисков.

Мотивация таких преступлений, как правило, не связана с необходимостью или крайней нуждой. Доминирует **гедонистический мотив** (получение удовольствия от поездки) и **псевдомотивация**, основанная на отрицании опасности. В ряде случаев можно говорить о наличии сформировавшейся модели поведения, когда управление автомобилем после употребления алкоголя становится привычкой, не встречающей внутреннего нравственного запрета.

В судебной практике встречаются и специфические категории осужденных, например, иностранные граждане. Так, Себежский районный суд признал виновным 53-летнего гражданина Латвии, который управлял грузовым автомобилем в состоянии опьянения, будучи ранее подвергнутым административному наказанию. Суд назначил ему штраф в размере 150 тысяч рублей с лишением права управления на 1 год 6 месяцев [4]. Данный случай де-

монстрирует, что субъектами преступления могут быть и иностранные граждане, что создает дополнительные сложности для исполнения наказания.

Таким образом, личность преступника по ст. 264.1 УК РФ — это, как правило, мужчина в возрасте старше 40 лет, имеющий среднее или среднее специальное образование, зачастую без постоянного источника дохода, с устойчивым пренебрежением к правовым нормам и, нередко, с признаками зависимого поведения. Выявленные характеристики указывают на необходимость применения к таким лицам не только карательных, но и интенсивных профилактических и медицинских мер, например, проведение специальных мероприятий («Трезвый водитель», «Алкоголь» и др.), в ходе которых сотрудники ДПС имеют право останавливать любые транспортные средства для проверки документов и освидетельствования водителей на наличие опьянения, применяя алкотестеры и мобильные пункты медицинского освидетельствования. Также меры могут включать повышение возраста для покупки алкоголя, увеличение цен, ограничение времени и мест продажи. Это косвенно влияет на снижение вероятности управления транспортом в состоянии опьянения. [8]

Литература:

1. Петропавловск-Камчатский городской суд Камчатского края. Вынесен приговор за «пьяное вождение». 10.03.2026. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://p-kamchatsky-kam.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=138 [1]
2. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Некрасовского судебного района Ярославской области по делу № 1–58/2015 от 13.11.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://1nekr.jrs.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=836 [2]
3. Приговор Талицкого районного суда Свердловской области № 1–163/2019 от 15.07.2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/hdnboPGIN9m8/> [3]
4. Себежский суд оштрафовал гражданина Латвии на 150 тысяч рублей за пьяное вождение. Информационное агентство Псковской области. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://informpskov.ru/news/502694.html> [4]
5. Обобщение судебной практики Юстинского районного суда Республики Калмыкия по рассмотрению уголовных дел, предусмотренных статьей 264.1 УК РФ за период с 2022 года по первое полугодие 2025 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yustinsky.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2 [5]
6. Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы по делу № 1–379/2023 от 16.08.2023. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-e9e199cf-7877-54a2-82b2-ed40934827b0/> [6]
7. Приговор Выборгского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 1–716/2023 от 05.07.2023. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vbr-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=746470412&delo_id=1540006&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1 [7]
8. Трофимов В. Е. Профилактика и предупреждение нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // ЮП. 2019. № 4 (91). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-i-preduprezhdenie-narusheniya-pravil-dorozhnogo-dvizheniya-litsom-podvergnutym-administrativnomu-nakazaniyu> [8]

Уголовно-правовые и криминологические особенности личности преступника по статье 264.1 УК РФ (по материалам судебной практики)

Мехонцева Наталья Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Красущих Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу уголовно-правовых признаков и криминологических особенностей лиц, привлекаемых к ответственности по ст. 264.1 УК РФ. На основе изучения приговоров судов и статистических данных рассматриваются проблемы рецидива, эффективности назначаемых наказаний и новые тенденции, включая применение конфискации имущества как меры, влияющей на личность преступника.

Ключевые слова: ст. 264.1 УК РФ, криминологическая характеристика, судебная практика, рецидив, конфискация автомобиля, специальный субъект.

Актуальность проблемы противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 264.1 УК РФ, сохраняется на протяжении многих лет. Несмотря на тенденции к снижению количества зарегистрированных фактов «повторной» пьяной езды в некоторых регионах, абсолютные цифры остаются значительными. Криминологическое изучение личности таких преступников требует не просто описания их социального портрета, но и анализа уголовно-правовых особенностей их статуса, а также оценки того, как судебная практика реагирует на их противоправное поведение, включая новые меры воздействия, такие как конфискация транспортных средств.

Согласно примечаниям к ст. 264 УК РФ, субъект преступления является специальным. Как разъясняется в правоприменительной практике, к нему относятся любые лица, управляющие транспортным средством и достигшие 16 лет, вне зависимости от наличия у них водительского удостоверения на момент совершения деяния. Специальный признак включает в себя два обязательных элемента: 1) нахождение в состоянии опьянения; 2) наличие действующего административного наказания либо судимости за «пьяные» преступления.

Анализ судебных решений позволяет выделить несколько криминологически значимых категорий таких лиц.

Первая категория (наиболее распространенная) — лица, впервые привлекаемые к уголовной ответственности, но уже имеющие непогашенное административное наказание. В судебной практике они, как правило, характеризуются удовлетворительно, признают вину и раскаиваются. Им назначаются наказания, не связанные с изоляцией от общества: обязательные работы с лишением права управления. Например, в Петропавловск-Камчатском городском суде гражданин П., ранее подвергнутый административному наказанию за пьяное вождение, вновь сел за руль в состоянии опьянения. Суд, учитывая признание вины и отсутствие отягчающих обстоятельств, назначил ему 240 часов обязательных работ с лишением прав на 2 года [1]. Аналогичные приговоры выносятся и в других регионах: в Пензе ФИО1 получил 300 часов обязательных работ [6], в Санкт-Петербурге Ерошкин Е. В. — также 300

часов [7]. Криминологический портрет таких лиц — это еще не окончательно десоциализированные граждане, у которых сохраняется страх перед наказанием, но отсутствует внутренний запрет на управление автомобилем после употребления алкоголя.

Вторая категория — лица, совершившие преступление при наличии судимости по ст. 264.1 или ст. 264 УК РФ. Это уже не просто нарушители, а **рецидивисты**. Их поведение отличается повышенной общественной опасностью. Игнорируя факт наличия судимости и, нередко, неотбытое наказание (например, дополнительное в виде лишения права управления), они вновь управляют автомобилем в состоянии опьянения. Судебная практика в отношении таких лиц значительно строже. Классическим примером может служить приговор в отношении ФИО1, который, имея **две судимости** по ст. 264.1 УК РФ (одна из которых с реальным лишением свободы на 6 месяцев, вторая — с обязательными работами), был вновь задержан пьяным за рулем и отказался от медицинского освидетельствования. Суд, отметив, что подсудимый «на путь исправления не встал» и «исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным», назначил ему реальное лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении [3]. Лиц, относящихся к этой категории, отличает устойчивый криминальный стереотип поведения, низкая способность к прогнозированию последствий и, зачастую, наличие проблем с алкоголем (в материалах дела отмечено, что ФИО1 состоит на учете у нарколога с диагнозом «пагубное употребление алкоголя») [3].

Третья категория — лица, управлявшие транспортным средством, которое им не принадлежало, либо продавшие автомобиль после преступления. Эта категория демонстрирует попытки уйти от имущественных последствий. Однако законодатель в 2022 году внес изменения, позволив применять конфискацию транспортного средства (или его стоимости) по данным составам. Анализ судебной практики Юстинского районного суда Республики Калмыкия показывает активное применение этой меры: за период с 2022 по первое полугодие 2025 года судом применена конфискация транспортного средства в **6 случаях** [5]. При этом в одном случае приговор был

обжалован в кассационном порядке именно в части конфискации имущества [5]. Примером применения конфискации может служить дело гражданина П. в Петропавловске-Камчатском: совершив преступление по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ и продав после этого автомобиль, он лишился вырученной суммы в 100 000 рублей, которая была конфискована и обращена в доход государства [1]. Данная мера направлена на формирование у преступника понимания неотвратимости имущественных потерь как следствия его противоправных действий.

Важной характеристикой личности является и **наличие смягчающих обстоятельств**. Практически во всех изученных приговорах суды учитывают в качестве смягчающих обстоятельств полное признание вины и раскаяние в содеянном [1, 2, 6, 7]. В некоторых случаях учитываются также состояние здоровья, наличие на иждивении детей и другие обстоятельства. Отягчающих обстоятельств, как правило, судами не устанавливается, за исключением случаев рецидива (хотя специальный рецидив по данной категории дел образует не всегда).

Следует также отметить, что в судебной практике встречаются случаи осуждения лиц, управлявших не только автомобилями, но и другими механическими транспортными средствами. Например, в 2015 году был осужден Никитин В. Н., управлявший скутером в состоянии алко-

гольного опьянения, будучи ранее подвергнутым административному наказанию [2]. Это расширяет круг потенциальных субъектов преступления и требует учета данного обстоятельства при криминологической характеристике.

Анализ видов назначаемых наказаний показывает, что наиболее распространенным является наказание в виде обязательных работ с лишением права управления транспортными средствами. По данным Юстинского районного суда, обязательные работы назначались в 12 случаях из 19 (с учетом распределения по годам), лишение свободы — в 2 случаях, принудительные работы — в 3 случаях [5]. Штраф как основное наказание практически не применяется, однако может назначаться дополнительно. Во всех 19 случаях было назначено дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами [5].

В заключение следует отметить, что криминологическая характеристика лиц, совершающих преступление по ст. 264.1 УК РФ, включает в себя нарушителей трудно поддающихся исправлению. Широкое применение конфискации автомобилей (в 6 случаях из 19 по одному из судов), а также лечение от алкоголизма являются ключевыми направлениями воздействия на личность таких преступников с целью снижения уровня рецидива и обеспечения безопасности дорожного движения.

Литература:

1. Петропавловск-Камчатский городской суд Камчатского края. Вынесен приговор за «пьяное вождение». 10.03.2026. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://p-kamchatsky—kam.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=138 [1]
2. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Некрасовского судебного района Ярославской области по делу № 1–58/2015 от 13.11.2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://1nekr.jrs.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=836 [2]
3. Приговор Талицкого районного суда Свердловской области № 1–163/2019 от 15.07.2019. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/hdnboPGIN9m8/> [3]
4. Себежский суд оштрафовал гражданина Латвии на 150 тысяч рублей за пьяное вождение. Информационное агентство Псковской области. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://informpskov.ru/news/502694.html> [4]
5. Обобщение судебной практики Юстинского районного суда Республики Калмыкия по рассмотрению уголовных дел, предусмотренных статьей 264.1 УК РФ за период с 2022 года по первое полугодие 2025 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yustinsky.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2 [5]
6. Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы по делу № 1–379/2023 от 16.08.2023. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-e9e199cf-7877-54a2-82b2-ed40934827b0/> [6]
7. Приговор Выборгского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 1–716/2023 от 05.07.2023. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vbr—spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=746470412&delo_id=1540006&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1 [7]

Отказ от договора как способ защиты прав участников строительного подряда

Михайлов Николай Олегович, студент магистратуры
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Ключевые слова: отказ от договора, подрядчик, заказчик, договор строительного подряда.

Одной из значимых отраслей общественных отношений в современном мире является строительство, капитальный ремонт, реконструкция и демонтаж зданий и сооружений.

Все вышеуказанное достигается посредством договорных отношений, которые возникают между заказчиком и подрядчиком в рамках договора строительного подряда, также важно, чтобы были предусмотрены рабочие механизмы защиты прав участников таких правоотношений.

Одним из способов защиты прав в соответствии со ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] является прекращение или изменение правоотношений.

В случае отказа от договора полностью или частично, если такой отказ допускается, договор считается расторгнутым или измененным (ст. 450.1 ГК РФ), что приводит к изменению или прекращению правоотношений.

Следует отметить, что, реализуя свое право на отказ от договора, законодатель имеет в виду право на внесудебное расторжение [2].

Профессор В. В. Витринский считает, что возможность отказа от договора со стороны контрагента обеспечивает защиту интересов добросовестной стороны и способствует уменьшению ее рисков [3].

В соответствии с условиями договора строительного подряда сторона (подрядчик) обязуется в установленный сторонами срок выполнить для заказчика строительные работы, а заказчик обязуется создать условия для выполнения таких работ, а также принять эти работы и оплатить (п. 1 ст. 740 ГК РФ).

Следует выделить ключевые обязательства подрядчика — это предмет обязательств, т. е. выполнение работ и сроки выполнения работ (в т. ч. промежуточные). Могут быть и другие обязательства, предусмотренные конкретным договором, например, о качестве. А для заказчика ключевым обязательством становится обеспечение условий для выполнения подрядчиком своих обязательств, оплата работ и выполнение иных обязательств, предусмотренных договором.

Учитывая, что сроки исполнения обязательства в договоре строительного подряда являются существенными условиями, то нарушение данного условия дает право кредитору (в лице заказчика или подрядчика) осуществить отказ от договора в случае, если при существенной просрочки исполнения обязательства кредитор утрачивает интерес в исполнении договора.

Например, в деле о признании одностороннего отказа от договора подряда незаконным Девятый апелляци-

онный суд РФ постановил, что заказчик вправе отказаться от исполнения от договора полностью или частично при систематическом нарушении генеральным подрядчиком или его субподрядчиками сроков выполнения работ. Учитывая, что подрядчиком систематически срывались сроки выполнения работ, заказчик направил уведомление об одностороннем отказе от договора. Суд постановил, что отказ от договора со стороны заказчика был правомерным и обоснованным, а доводы подрядчика недостаточными для признания отказа от договора незаконным [4].

При этом суд также признавал односторонний отказ от договора недействительным. Например, в деле № А60–5211/2018 Семнадцатый арбитражный апелляционный суд РФ постановил, что отказ от договора со стороны заказчика был неправомерным, поскольку нарушение сроков выполнения работ подрядчиком было обусловлено уклонением заказчика от осуществления окончательной приемки и участия в пусконаладочных работах. Также суд в своем постановлении указал, что результат работ имел для заказчика потребительскую ценность [5].

С другой стороны, право на односторонний отказ от договора может быть реализовано и подрядчиком. Например, в деле № А11–5490/2017 арбитражный суд рассмотрел иск администрации (заказчика) в отношении подрядной организации о признании незаконным отказа от договора строительного подряда. Ввиду того, что заказчиком в течение длительного времени не передавалась подрядчику проектно-сметная документация (далее — ПСД), поскольку в процессе выполнения работ были установлены недостатки в имеющейся ПСД, подрядчик направил уведомление об одностороннем отказе от договора.

Доводы заказчика о том, что подрядчик заведомо знал о имеющихся в ПСД недостатках суд счел недостаточными, для принятия решения о признании отказа от договора со стороны подрядчика неправомерным [6].

Нередко встречаются случаи, когда отказ от договора и со стороны подрядчика признавался недействительным, например, если подрядчик не проявлял должной заинтересованности в выполнении работ или в действиях подрядчика установлены недобросовестные действия: немотивированные замечания к исходным данным (ПСД, ТЗ и т. д.), полученным от заказчика, необоснованная приостановка работ в силу необъективных причин [7].

Нарушение именно существенных условий позволяет то или иной стороне отказаться от договора, также следует отметить, что суды, при разрешении вопросов об об-

основанности отказа от договора, особое внимание уделяют на добросовестности сторон.

При этом систематичность нарушения обязательства может присутствовать, но быть незначительной, если подрядчик дважды нарушил промежуточные сроки на пару дней, а заказчик передавал давальческие материалы с незначительными задержками. Формально таких обстоятельств достаточно для одностороннего расторжения договора, что потенциально может привести к убыткам той или иной стороны, однако хотелось бы увидеть конкретики от ВС РФ, в которой он бы дал общую характеристику незначительным, но систематическим нарушениям, а также разграничил пределы добросовестности сторон.

Также в рамках статьи следует отметить, что право заказчика на односторонний отказ от договора, которое по умолчанию предусмотрено Гражданским кодексом (ст. 717 ГК РФ), это не способ защиты права, а лишь право на немотивированный отказ, при котором заказчик обязан возместить убытки, причинённые подрядчику. В случае же мотивированного отказа заказчиком от договора (по вине подрядчика) из закона прямо не следует, должен ли заказчик возмещать подрядчику убытки, причинные отказом от договора, оплачивать реальные расходы подряд-

чика за фактический результат работ или цену, установленную договором.

Судебная практика в данном вопросе противоречивая: ВС РФ разграничил цену договора на издержки подрядчика за выполненные работы и сумму причитающегося вознаграждения, и указал, что заказчик обязан возместить издержки подрядчика, но не цену договора, поскольку отказ от договора был обусловлен нарушениями, допущенными подрядчиком [9]. В то же время в Арбитражного суда Дальневосточного округа суд счел, что несмотря на мотивированный отказ от договора заказчиком, подрядчик не лишен права за получение полной оплаты за фактически выполненные работы.

Таким образом, что право на отказ от договора строительного подряда является серьезным механизмом в руках сторон договора, который обоюдно обеспечивает надежность сложившихся правоотношений, позволяет защитить права сторон в достижении поставленных договором целей, посредством возможности выхода стороны из правоотношений с недобросовестным контрагентом. А также существуют вопросы, от которых требуются более детальные разъяснения в правоприменительной практике ВС РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ / СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru>.
2. Карапетов А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве / А. Г. Карапетов. — М: Статут, 2007. — 556 с.
3. Витрянский, В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. — 2-е издание. — М: Статут, 2018. — 528 с.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2022 N 09АП-18106/2022 по делу N A40-248759/2015.
5. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.07.2019 N 17АП-8861/2018-ГК по делу N A60-5211/2018.
6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.11.2018 N Ф01-4848/2018 по делу N A11-5490/2017.
7. Арбитражное решение Российского арбитражного центра при российском институте современного арбитража от 24 июля 2023 г. по делу n pd1684-23.
8. Определение Верховного Суда РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС17-14039 по делу № А40-248759/2015.
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.11.2021 № Ф03-5951/2021 по делу № А73-10784/2020

Особенности освобождения маркетплейсов от ответственности за нарушения исключительных прав в сети Интернет

Павленко Даниил Дмитриевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье рассматривается вопрос правового статуса маркетплейсов как информационных посредников и условия их освобождения от гражданско-правовой ответственности за нарушения исключительных прав на объекты интеллектуальной деятельности при реализации третьими лицами товаров и услуг в сети «Интернет».

Особое внимание уделено положениям пункта 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющим исчерпывающий перечень оснований для освобождения маркетплейсов от гражданско-правовой ответственности, раскрывается понятие достаточности мер реагирования на обращения правообладателей по факту нарушений их исключительных прав.

Выявляются законодательные проблемы неопределенности оценочных критериев и обосновывается необходимость выработки единообразной судебной практики.

Ключевые слова: маркетплейс, агрегатор, информационный посредник, исключительные права, интеллектуальная собственность, товарный знак, правообладатель, потребитель, ответственность, статья 1253.1 ГК РФ.

Эволюция социально-экономической сферы жизни общества способствовала становлению цифровой экосистемы торговли в Российской Федерации, благодаря которой появились различные цифровые платформы-агрегаторы [1] (маркетплейсы) по реализации товаров и услуг для широкого круга потребителей.

Маркетплейсы были гармонично интегрированы в повседневный уклад жизни общества, заняв в нем место естественного и неотъемлемого элемента современной экономической реальности.

Вместе с тем популяризация онлайн-торговли и обострение конкуренции привели к появлению недобросовестных продавцов. Такие участники гражданских правоотношений неправомерно используют результаты интеллектуальной деятельности правообладателей, тем самым нарушают их исключительные права на товарные знаки, знаки обслуживания, художественные произведения и иные охраняемые законом объекты авторского права.

Правовое положение маркетплейсов обусловлено их амбивалентным статусом: они одновременно выступают в роли технических площадок, предоставляющих инфраструктуру для совершения сделок и взаимодействия между потребителями и продавцами; с другой стороны — они являются полноценными участниками товарно-денежных правоотношений. Указанная гибридная сущность маркетплейсов коренным образом трансформирует режим и формат их юридической ответственности перед правообладателями.

Четвертая часть Гражданского кодекса Российской Федерации завершила формирование системы прав и обязанностей участников правоотношений в сфере интеллектуальной собственности, закрепив содержание исключительных прав, порядок их осуществления и пределы ответственности участников гражданских правоотношений за допущенные нарушения.

Действующее законодательство Российской Федерации и сложившаяся судебная практика определяют маркетплейс как онлайн-платформу, позволяющую третьим лицам самостоятельно формировать материалы, информацию, иные предложения товаров и услуг к продаже для неопределенного круга лиц. Именно к этой категории принадлежат современные российские маркетплейсы (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет и др.).

Указанные платформы не создают противоправный контент и не реализуют самостоятельно контрафактные товары, а лишь предоставляют среду для взаимодействия

между продавцами и покупателями, что предопределяет особый характер их ответственности за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности.

С точки зрения защиты интеллектуальных прав определяющее значение имеет квалификация маркетплейса как информационного посредника, поскольку именно ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] устанавливает специальный режим ответственности для подобных видов цифровых платформ, выполняющих посредническую функцию в сети Интернет.

Указанная норма права возлагает на маркетплейс как информационного посредника обязанность своевременно принимать достаточные и необходимые меры для пресечения нарушений интеллектуальных прав правообладателей. [3]

Именно в слаженной и систематизированной работе с обращениями правообладателей по факту нарушения их исключительных прав и немедленном реагировании на их обращения заключается возможность маркетплейсов претендовать на освобождение от ответственности, поскольку маркетплейс, являясь профессиональным участником гражданского оборота, несет предпринимательский риск и должен предвидеть и осознавать результат собственной деловой активности и результат объективно случайных событий, а также осознанно допускать отрицательные имущественные последствия своей деятельности в случае бездействия.

Стоит учитывать, что статус информационного посредника по смыслу названной статьи предполагает пассивную роль владельца Интернет-ресурса в формировании контента и предложений. Если владелец интернет-сайта самостоятельно определяет его содержание и не предоставляет третьим лицам возможности создавать персональные страницы или аккаунты, куда можно публиковать информацию, то он не признаётся посредником, а следовательно, ответственность за незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности на таком ресурсе наступает для его владельца на общих основаниях, без возможности от его освобождения.

Пункт 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает исчерпывающий перечень оснований для освобождения маркетплейсов от гражданско-правовой ответственности. [4]

Согласно легальным разъяснениям, владелец интернет-ресурса, предоставляющий третьим лицам возможность размещать материал на своей странице и вносить изменения (например, в карточки товаров), не несет от-

ветственности за нарушения исключительных прав на объекты интеллектуальной деятельности правообладателей, допущенные третьими лицами при строгом соблюдении следующих условий:

1. он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результатов интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, содержащихся в таком материале, является неправомерным;

2. он в случае получения в письменной форме заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав с указанием страницы сайта и (или) сетевого адреса в сети Интернет, на которых размещен такой материал, своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав.

Приведенные нормы права указывают, что на маркетплейсы как на информационных посредников, по общему правилу не возлагается обязанность по проверке каждого товара, его карточки, описания и/или графических изображений на предмет соответствия действующему законодательству и отсутствия нарушения исключительных прав на объекты интеллектуальной деятельности со стороны третьих лиц.

Как верно отмечено Титовым И. Е.: «Если судом будет установлено, что оператор маркетплейса не знал и не должен был знать о нарушении исключительного права правообладателя, то такой оператор должен быть освобожден от рассматриваемой ответственности, при этом оператор маркетплейса информационным посредником в данных обстоятельствах не признается». [5]

Кроме того, законодательство предусматривает, что маркетплейсы вправе рассчитывать на освобождение от гражданско-правовой ответственности за допущенные нарушения авторского права третьими лицами, при условии, что после получения в письменной форме заявления от правообладателя о нарушении его интеллектуальных прав, он своевременно принял необходимые и достаточные меры для устранения такого нарушения.

При этом законодатель не раскрывает содержание понятия «достаточность мер», оставляя его для судебного толкования и доктринального осмысления. [6]

Достаточность мер подразумевает под собой не только фактическое пресечение осуществляемых третьими лицами нарушений исключительных прав (например, путём удаления нарушающей права информации), но также и переадресацию жалобы правообладателя надлежащему лицу с уведомлением заявителя, либо сообщение инфор-

мации, позволяющей правообладателю идентифицировать нарушителя интеллектуальных прав. [7]

Именно этот критерий является наиболее практически значимым, поскольку именно благодаря механизму уведомлений реализуется взаимодействие между правообладателями и маркетплейсом. От того, насколько оперативно и эффективно агрегатор отреагировал на обращение, зависит возможность его освобождения от ответственности.

Подводя итог по вопросу освобождения от ответственности маркетплейсов за нарушения исключительных прав в сети «Интернет», стоит отметить, что законодатель наделил правообладателей широким объёмом прав, а предпринимателей — обязанностями.

Пункт 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет исчерпывающий перечень условий, при одновременном соблюдении которых маркетплейс как информационный посредник освобождается от гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав на товарные знаки, допущенное третьими лицами при использовании его платформы. К числу таких условий относятся: отсутствие обязанности предварительного контроля за размещаемым контентом, отсутствие заведомой очевидности нарушения для разумного и добросовестного участника оборота, а также своевременное принятие необходимых и достаточных мер после получения уведомления правообладателя.

В юридической доктрине и судебной практике сохраняется неопределённость относительно содержания оценочных критериев, в частности «заведомой очевидности» нарушения, что приводит к отсутствию единообразного правоприменительного подхода. Кроме того, выявлен недостаточный уровень информированности субъектов предпринимательской деятельности о механизмах реализации и пределах ответственности информационных посредников в цифровой среде, что объективно затрудняет защиту прав правообладателей.

Резюмируя изложенное, можно сделать правомерный вывод, что дальнейшее исследование условий освобождения маркетплейсов от ответственности за нарушение исключительных прав представляет собой не только теоретическую, но и практическую значимость.

Выработка единообразных критериев оценки добросовестности действий информационных посредников и совершенствование механизма уведомлений о нарушении прав будут способствовать повышению эффективности судебной защиты интеллектуальной собственности в российском сегменте сети Интернет.

Литература:

1. «Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 29.07.2018 № 250-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018 г. — № 31. — Ст. 4839;
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 18.12.2006 г. — № 51. — Ст. 5497;
3. Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М. Право интеллектуальной собственности: Учебник. Т. 2: Авторское право. — Москва: Статут, 2017. — 367 с;

4. Л. А. Новоселова Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов. — 4-е изд. — Москва: Юрайт, 2026. — 353 с.;
5. Титов И. Е. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав на товарные знаки в России и Германии. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 2. — С. 97–115. DOI: 10.58741/23134852_2025_2_9.;
6. Шварц Л. В., Бурова С. М. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав в России и за рубежом // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 5. — С. 403–406.
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 августа 2024 г. № С01–1207/2024 по делу № А40–235464/2023.

Смешанные элементы в гражданском процессе

Панина Анастасия Романовна, студент;
Сидоренко Елизавета Анатольевна, студент;
Смольников Иван Андреевич, студент

Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии

В настоящей статье анализируется феномен смешанных элементов в российском гражданско-процессуальном праве, с акцентом на их проявлении в системе процессуальных источников, институте процессуального соучастия и обеспечении материальных прав, в частности, в семейном праве. Подчеркивается, как традиционные различия между процессуальными формами все больше размываются судебной практикой, гибридными процессуальными механизмами и сложными материальными средствами правовой защиты, такими как комбинированные алименты. Автор рассматривает квазинормативную роль судебных актов, проблемы обязательного процессуального соучастия в многосторонних спорах и правовые двусмысленности, возникающие при применении смешанных форм обеспечения алиментов. В заключение делается вывод, что, хотя смешанные элементы повышают процессуальную гибкость, они также создают противоречия с правовой определенностью, что требует более четкого законодательного регулирования.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, смешанные элементы, источники права, процессуальная соучастность, комбинированные алименты, судебная практика, российское гражданское судопроизводство, семейное право, правовая определенность, процессуальная гибкость.

Mixed elements in civil procedure

This article analyzes the phenomenon of mixed elements in Russian civil procedural law, focusing on their manifestation in the system of procedural sources, the institution of procedural complicity, and the enforcement of substantive rights, particularly in family law. It highlights how traditional distinctions between procedural forms are increasingly blurred by judicial practice, hybrid procedural mechanisms, and complex substantive remedies such as combined alimony. The author examines the quasi-normative role of judicial acts, the challenges of mandatory procedural complicity in multi-party disputes, and the legal ambiguities arising from mixed forms of alimony enforcement. The article concludes that while mixed elements enhance procedural flexibility, they also create tensions with legal certainty, necessitating clearer legislative regulation.

Keywords: civil procedure, mixed elements, sources of law, procedural complicity, combined alimony, judicial practice, Russian civil procedure, family law, legal certainty, procedural flexibility.

Современное гражданское процессуальное право, как динамичная система правовых норм и институтов, отличается сложностью структуры. Традиционная модель четкого разделения процессуальных форм — будь то источники права, состав участников или механизмы разрешения споров — часто оспаривается практическими потребностями судебной системы. Указанная сложность проявляется в появлении смешанных элементов, которые сочетают в себе особенности различных процессуальных структур для достижения более гибкого и эффективного правового

регулирования. Актуальность исследуемой темы подчеркивается растущим объемом дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции. Только в 2024 году российские суды рассмотрели более 28,4 миллиона гражданских дел, большинство из которых были разрешены в упрощенном или ускоренном порядке, что подчеркивает необходимость процессуальных инструментов, способных адаптироваться к широкому спектру правовых коллизий [1].

Цель настоящей статьи — анализ феномена смешанных элементов в рамках российского гражданского процессу-

ального права, с акцентом на их проявлении в системе процессуальных источников, институте процессуального соучастия и обеспечении материальных прав, в частности, в контексте семейного права.

Академический дискурс об источниках гражданского процессуального права отражает значительную дискуссию относительно формальных границ дисциплины. Такие ученые, как И. В. Дмитриев, подчеркивают сохраняющееся расхождение между позитивистским и естественно-правовым подходами, особенно в отношении признания судебной практики как источника права [2, с. 9]. В то же время практическое применение смешанных форм критически рассматривается в работах по конкретным правовым категориям. Например, анализ А. Е. Шевцева «смешанных алиментов» выявляет трудности, с которыми сталкиваются суды при сочетании алиментов на ребенка в виде фиксированной суммы и в процентах, проблема, которая привела к непоследовательности судебной практики и призывам к законодательной реформе [3, с. 2].

Процессуальные механизмы разрешения споров с участием нескольких сторон исследуются в работах А. М. Нурбалаевой и С. И. Исмаиловой, которые выявляют пробелы в правовом регулировании процессуального соучастия, в частности, необходимость уточнения полномочий суда по привлечению соистцов [4, с. 108].

Д. Г. Лещенко развивает указанный дискурс, рассматривая классификацию соучастия и его процессуальные последствия, отмечая, что отсутствие законодательного перечня обязательных дел о соучастии создает практические трудности для судов [5, с. 269].

Одним из наиболее фундаментальных смешанных элементов гражданского процессуального права является система его источников. В то время как российская правовая традиция прочно укоренена в статутном праве, вершиной которого являются Конституция Российской Федерации [6] и Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РФ) [7], современное понимание источников расширилось и включает в себя ряд нетрадиционных форм. Статья 1 ГПК РФ устанавливает первенство федеральных законов, но на практике система более сложна.

И. В. Дмитриев отмечает, что современная наука признает растущее влияние судебных актов, в частности решений Конституционного суда и разъяснений Пленума Верховного суда [2, с. 10]. Это смешанное явление: хотя формально указанные акты не являются источниками права в строгом позитивистском смысле, они приобретают квазинормативный характер благодаря своей обязательной силе и широкому применению. Например, Постановление Пленума № 25 содержит авторитетные толкования принципов добросовестности, злоупотребления правами и действительности сделок, эффективно формируя применение процессуальных норм судами общей юрисдикции [8].

Обзор судебной практики по смешанным договорам подчеркивает, что такие соглашения сочетают в себе элементы различных типов договоров и требуют от судов

применения правил, соответствующих каждому элементу [9]. Такое взаимопроникновение материального и процессуального права создает дуальную систему, где формальные законы сосуществуют с квазинормативными судебными толкованиями и выводимыми из них принципами. В итоге возникает сочетание, которое, повышая предсказуемость, также размывает традиционное разделение властей и требует от судей ориентироваться в сложной иерархии правовых источников.

Второе проявление смешанных элементов обнаруживается в процессуальных механизмах разрешения споров с участием нескольких сторон. Институт процессуального соучастия, как определено в статье 40 ГК РФ, допускает участие нескольких истцов или ответчиков в одном процессе. Однако, как отмечают А. М. Нурбалаева и С. И. Исмаилова, использование в законе разделительного союза «или» может привести к узкому толкованию, исключающему возможность смешанного соучастия, когда одновременно участвуют как несколько истцов, так и несколько ответчиков [4, с. 107]. Авторы выступают за введение союза «и/или» для уточнения процессуальной возможности.

Подобная смешанная форма не является чисто академической; на практике, как видно в случаях наследственных споров, необходимо учитывать интересы всех наследников. Например, в приведенном из Пермской области случае невключение судом всех потенциальных наследников в спор о дееспособности завещателя привело к аннулированию решения нижестоящего суда, что подчеркивает необходимость «смешанного» процессуального механизма в таких многосубъектных отношениях для обеспечения всестороннего разрешения спора [10]. Актуальность указанной проблемы сохраняется и в современной судебной практике, особенно при рассмотрении наследственных и корпоративных конфликтов.

Д. Г. Лещенко добавляет, что здесь решающее значение имеет различие между обязательным и факультативным соучастием, поскольку оно определяет, может ли суд продолжать разбирательство без участия всех сторон. Она отмечает, что в случаях, когда материально-правовые отношения неделимы, таких как споры о совместной собственности или наследовании, возникает обязательное соучастие, а невключение всех участников является основанием для отмены решения апелляционным судом [5, с. 269]. Необходимое соучастие в таких случаях сочетает в себе требование материального права учитывать интересы всех заинтересованных сторон с процессуальной целью экономии судебных ресурсов и предотвращения противоречивых решений, создавая процессуальную форму, которая по своей сути является смешанной.

Наиболее показательный пример смешанных элементов, пожалуй, можно найти на стыке материального и процессуального права, а именно в исполнении обязательств по выплате алиментов. Статья 83 Семейного кодекса Российской Федерации [11] предусматривает смешанный способ взыскания алиментов — сочетание

фиксированной суммы и процента от дохода плательщика. Данный механизм был разработан для случаев, когда официального дохода плательщика недостаточно для поддержания прежнего уровня жизни ребенка.

Однако, как отмечает А. Е. Шевцев, некоторые суды разработали другую формулу: присуждение алиментов в виде процента от дохода, «но не менее» определенной фиксированной суммы [3, с. 3]. Подобный гибридный подход, который, по его мнению, не санкционирован Семейным кодексом и не является разновидностью смешанного способа, предусмотренного ст. 83 СК РФ [11], фактически создает новый, нерегулируемый метод взыскания. Процессуальные последствия значительны: исполнение становится непредсказуемым, поскольку судебные приставы должны каждый месяц рассчитывать, какая сумма больше, что может привести к спорам о задолженности. А. Е. Шевцев приводит наглядные расчеты, показывающие, что для плательщика с высоким доходом такая смешанная формула может привести к выплатам алиментов, значительно превышающим установленный законом процент, тем самым нарушая баланс интересов, который закон стремится защитить [3, с. 4].

Трудности в подобных случаях усугубляются тем фактом, что сам судебный процесс часто упрощен. Согласно статистике Верховного суда РФ, за первое полугодие 2024 года коллегия по гражданским делам рассмотрела в кассационном порядке 35 944 жалобы и представления, из которых 93 % были удовлетворены. При этом в структуре рассмотренных дел существенную часть составляют споры, связанные с исполнением обязательств, что говорит о высокой нагрузке на судебную систему и необходимости четкого правового регулирования даже в рамках упрощенных процедур [12].

Представленные данные демонстрируют, как смешанное материальное средство правовой защиты, применяемое с процессуальной двусмысленностью и в системе, которая часто отдает предпочтение ускоренным процессам, может подорвать сами цели правовой определенности и справедливости.

Процессуальные проблемы, связанные со смешанными элементами, выходят за рамки семейного права и распространяются на другие области судебной практики. Исполнение смешанных договоров, содержащих элементы нескольких типов договоров, часто приводит к сложным процессуальным спорам относительно применимого права и объема судебного контроля. Суды подчеркивают, что злоупотребление свободой договора при заключении смешанных соглашений может служить основанием для признания сделки недействительной. Так, например, в одном из дел суд признал недействительным соглашение о новации, заключенное после возбуждения дела о банкротстве, поскольку стороны формально преобразовали обязательства, установленные исполнительным листом, что было квалифицировано как злоупотребление правом (постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.05.2016 N Ф02–2669/2016) [9].

Указанный процесс требует смешанного процессуального подхода, при котором суд должен проводить тщательное исследование фактов, выходящее за рамки простого применения одного законодательного правила.

Кроме того, смешанные договоры могут состоять из элементов как материальных, так и процессуальных отношений. Например, в сфере электроэнергетики законодательство прямо допускает заключение смешанных договоров, объединяющих куплю-продажу энергии и оказание услуг по ее передаче, что было подтверждено Верховным судом РФ (Апелляционное определение Верховного суда РФ от 27.10.2015 N АПЛ15–428) [9].

Анализ судебной практики также показывает, что уполномоченные органы вправе обращаться в суд в защиту прав потребителей при исполнении смешанных договоров. В одном из дел Управление Роспотребнадзора обратилось в суд в интересах потребителя, приобретшего товар ненадлежащего качества по договору, который ответчик квалифицировал как смешанный договор товарного кредита. Верховный суд РФ подчеркнул, что такие споры подлежат рассмотрению с применением законодательства о защите прав потребителей (Определение Верховного суда РФ от 06.10.2015 N 48-КГ15–11) [9].

Приведенные примеры показывают, что смешанные элементы в гражданском процессе не ограничиваются одной предметной областью, а представляют собой более широкую тенденцию к формированию сложных, гибридных процессуальных механизмов, которые требуют от суда одновременного применения различных процессуальных форм (например, сочетания искового и особого производства, общего и упрощенного порядка), что предъявляет значительные требования к судебным ресурсам и экспертизе.

Таким образом, анализ смешанных элементов в гражданском судопроизводстве выявляет фундаментальное противоречие между необходимостью правовой определенности и потребностью в процессуальной гибкости. Интеграция нетрадиционных источников, таких как судебная практика, обогащает правовую базу, но ставит под сомнение формалистические определения права. Институциональная структура процессуальной множественности, несмотря на стремление к эффективности, требует доработки законодательства для охвата всего спектра многосторонних споров. Наконец, применение смешанных правовых средств правовой защиты, таких как комбинированные алименты, показывает, что процессуальная ясность имеет первостепенное значение. Без нее даже самая продуманная норма материального права может привести к правоприменительному хаосу.

Показательной в этом смысле является статистика работы Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ: за первое полугодие 2024 года поступило 80 заявлений (против 70 за аналогичный период 2023 года). Но удовлетворено из них было только одно, что свидетельствует о высоких требованиях к обоснованности процессуальных обращений и необходимости комплексной оценки

как материальных, так и процессуальных аспектов при рассмотрении подобных дел [12].

Продолжающиеся законодательные инициативы по внесению поправок в статью 81 Семейного кодекса с целью установления минимального размера алиментов [11] свидетельствуют о стремлении к большей законодательной точности. В более широком контексте гражданского судопроизводства будущее, скорее всего, за более продуманным законодательным регулированием этих смешанных форм, которое позволит использовать их сложность для достижения целей правосудия, а не превращать ее в источник процессуальной неопределенности. По мере того, как количество дел продолжает расти, а правовые отношения становятся все более сложными, способность процессуального права адаптироваться за счет продуманных смешанных институтов будет иметь решающее значение для поддержания эффективности и целостности судебной системы.

На основании результатов исследования предлагаются следующие рекомендации. Для устранения двусмысленности, возникающей из квазинормативной роли судебных актов, законодатель должен формально разграничить обязательную силу решений Конституционного суда Российской Федерации и полных толкований Верховного суда, тем самым уточнив их место в иерархии процессуальных источников и уменьшив зависимость от неформального судебного законотворчества.

Литература:

1. Гражданское судопроизводство: Общие показатели по категориям дел // Судебная статистика РФ. — URL: <https://stat.api-пресс.рф/> (дата обращения: 28.03.2026).
2. Дмитриев И. В. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: современные подходы к определению, составу и систематизации // Актуальные исследования. — 2025. — № 45 (280). — Ч. II. — С. 7–12. — URL: <https://apni.ru/article/13495-istochniki-grazhdanskogo-processualnogo-prava-rossijskoj-federacii-sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-sostavu-i-sistematizacii> (дата обращения: 28.03.2026).
3. Шевцев А. Е. «Смешанные» алименты: сложности законодательства и правоприменения // Адвокатская газета. — 2026. — 6 февраля. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/smeshannye-alimenty-slozhnosti-zakonodatelstva-i-pravoprimereniya/> (дата обращения: 28.03.2026).
4. Нурбалаева А. М., Исмаилова С. И. К вопросу о процессуальном соучастии в гражданском процессе // Молодой ученый. — 2018. — № 23 (209). — С. 106–108. — URL: <https://moluch.ru/archive/209/51370> (дата обращения: 28.03.2026).
5. Лещенко Д. Г. Процессуальное соучастие как институт гражданского процессуального права: проблемы и пути их решения // Молодой ученый. — 2020. — № 50 (340). — С. 268–270. — URL: <https://moluch.ru/archive/340/76408> (дата обращения: 28.03.2026).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.03.2026).
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 28.03.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 28.03.2026).
9. Обзор судебной практики по спорным вопросам, касающимся заключения, исполнения и расторжения смешанных договоров // АО «Кодекс». — URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/420382096> (дата обращения: 28.03.2026).
10. Обзор кассационной и надзорной судебной практики по гражданским делам Пермского областного суда за 1 полугодие 2003 г. // Система ГАРАНТ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/16024111/> (дата обращения: 28.03.2026).

В области процессуального соучастия следует внести поправки в статью 40 Гражданского процессуального кодекса, заменив разделительный союз «или» на «и/или», чтобы явно разрешить смешанное соучастие, тем самым приведя процессуальные нормы в соответствие с реалиями многосторонних споров и устранив противоречивые судебные толкования.

Что касается алиментов, то Семейный кодекс требует внесения целенаправленных поправок, чтобы либо санкционировать, либо прямо запретить гибридную формулу, которая рассчитывает содержание как процент от дохода, «но не менее» фиксированной суммы, поскольку такие формулы в настоящее время не имеют законодательной основы и приводят к непредсказуемым результатам исполнения.

В более широком смысле, законодатель должен принять систематический подход к гибридным процессуальным механизмам — будь то в форме смешанных источников права, сложных структур сторон или комбинированных материальных средств правовой защиты — путем включения четких правил их применения в Гражданский процессуальный кодекс и соответствующее законодательство.

Такая кодификация сохранит процессуальную гибкость, которую обеспечивают смешанные элементы, одновременно укрепляя правовую определенность и гарантируя, что ускоренные процедуры не подорвут целостность судебной защиты.

11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 28.03.2026).
12. Статистика ВС: главные цифры первого полугодия 2024-го // Верховный Суд Российской Федерации. — 2024. — 13 августа. — URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/33843/ (дата обращения: 28.03.2026).

Наркотизм как угроза общественной безопасности: уголовно-правовые и политико-правовые механизмы противодействия

Перепилищенко Егор Сергеевич, студент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье исследуется динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, за период 2023–2025 гг. На основе данных МВД России и судебной статистики анализируются структура и тенденции наркопреступности, характеризуются социально-демографические и уголовно-правовые особенности лиц, осуждённых за наркопреступления. Особое внимание уделяется криминологической оценке рецидива, группового характера деяний и цифровизации сбыта. Рассматриваются уголовно-правовые нормы и политико-правовые инструменты противодействия наркотизму, включая Стратегию государственной антинаркотической политики и институт пробации, обосновывается необходимость сочетания репрессивных и реабилитационных мер.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, наркопреступность, криминологическая характеристика, рецидив, цифровой сбыт, уголовная политика, антинаркотическая политика, пробация.

Drug abuse as a threat to public security: criminal and political-legal mechanisms of counteraction

Perepilishchenko Egor Sergeevich, student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The article examines the dynamics of drug-related crimes for the period 2023–2025. Drawing on official data of the Russian Ministry of Internal Affairs and judicial statistics, it analyzes the structure and trends of drug crime and characterizes the socio-demographic and criminal-legal features of persons convicted for drug offences. Special attention is paid to the criminological assessment of recidivism, the group nature of acts and the digitalization of drug sales. The paper considers criminal law norms and political-legal instruments of counteraction to drug trafficking, including the State Anti-Drug Policy Strategy and the probation institution, and substantiates the necessity of combining repressive and rehabilitative measures.

Keywords: drug trafficking, drug crime, criminological characteristics, recidivism, digital sales, criminal policy, anti-drug policy, probation.

Незаконный оборот наркотиков признаётся одной из наиболее опасных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Анализ статистики МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023–2025 гг. выявляет устойчивый рост наркопреступности на фоне общего снижения регистрируемой преступности, что требует оценки эффективности уголовно-правовых и политико-правовых механизмов противодействия.

В 2023 г. зарегистрировано 190,9 тыс. наркопреступлений (+7,5 % к предыдущему году), в 2024 г. — 198,0 тыс. (+3,7 %), в 2025 г. — 214,8 тыс. (+8,4 %). При этом общее число всех преступлений сократилось с 1947,2 тыс. до 1771,2 тыс. Доля тяжких и особо тяжких деяний в общей структуре преступности возросла с 30,3 % до 35,5 %, что во многом обусловлено именно приростом наркопреступ-

лений, все из которых относятся к указанным категориям. Основной движущей силой выступает сбыт: его удельный вес увеличился с 66,1 % (126,2 тыс.) в 2023 г. до 73,9 % (158,7 тыс.) в 2025 г. Параллельно растёт число деяний, совершённых в крупном и особо крупном размерах, что свидетельствует об укрупнении партий и активизации оптового звена наркобизнеса.

Цифровизация стала доминирующей тенденцией: количество наркопреступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, увеличилось с 81,5 тыс. в 2023 г. до 117,5 тыс. в 2025 г. (+44,2 %). Бесконтактный сбыт через мессенджеры и анонимные платформы стал основным каналом распространения, что серьёзно осложняет документирование преступной деятельности.

Организованный характер наркобизнеса подтверждается статистикой: в 2025 г. организованными группами и преступными сообществами совершено 48,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+35,4 % к 2024 г.), причём значительная их часть связана с наркотрафиком. Одновременно количество выявленных лиц сократилось с 77,1 тыс. в 2023 г. до 59,3 тыс. в 2025 г. Это указывает на рост серийности, углубление конспирации и наличие значительного низового звена, остающегося вне поля зрения правоохранительных органов.

Судебная статистика (форма № 11) дополняет криминологический портрет. В 2024 г. за преступления, предусмотренные ст. 228–234.1 УК РФ, осуждено 69 317 лиц (2023 г. — 72 897, первое полугодие 2025 г. — 27 412). Среди осуждённых преобладают мужчины (около 87 %), основная возрастная группа — 30–49 лет (примерно 60 %). Уровень образования невысок: 35,1 % имеют лишь основное общее или начальное образование, ещё 35,1 % — среднее общее. Почти 60 % осуждённых не имели постоянного источника дохода, являясь трудоспособными лицами без определённых занятий. Эти данные подтверждают маргинализированный характер субъектов наркопреступности.

Высок уровень рецидивизма: в 2024 г. 24,9 % осуждённых по наркостатьям на момент совершения преступления имели неснятые и непогашенные судимости; 16,5 % признаны совершившими преступление при рецидиве, опасном или особо опасном рецидиве (в 2023 г. — 17,4 %). Групповой характер деяний отражён в том, что 24,1 % осуждённых действовали в составе группы, а 5,2 % — в организованной группе или преступном сообществе. Преступления концентрируются в административных центрах субъектов РФ (47,6 %). Состояние наркотического опьянения в момент совершения деяния фиксируется редко (2,3 % по данным судебной статистики за 2024 г.), хотя по учётам МВД в 2025 г. зарегистрировано 6882 таких преступления, из которых 71,1 % — тяжкие и особо тяжкие.

Правовую основу противодействия образуют Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотиков 1988 г., Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и нормы УК РФ (ст. 228–229.1). Законодатель

последовательно усиливает ответственность за сбыт, особенно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и расширяет перечень подконтрольных веществ. Карательная практика остаётся жёсткой: по итогам 2024 г. 55,5 % осуждённых по наркостатьям получили реальное лишение свободы, ещё 22,8 % — условное лишение свободы. Однако высокий рецидив свидетельствует о недостаточности одних лишь репрессивных мер.

Политико-правовые механизмы определены Стратегией государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733), предусматривающей сокращение предложения наркотиков и спроса на них, развитие профилактики, лечения и реабилитации. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений» (2016 г.) относит наркозависимых к категориям, требующим особого профилактического внимания. Закон «О пробации в Российской Федерации» (2023 г.) создаёт институциональные рамки для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, включая осуждённых за наркопреступления.

Как подчёркивает О. В. Ивушкина, для повышения эффективности антинаркотической политики необходимо сочетание мер противодействия организованной наркопреступности, пресечения каналов сбыта в Интернете, а также побуждения наркозависимых к лечению и реабилитации. Дифференциация ответственности и развитие ресоциализационных программ особенно актуальны на фоне цифровизации наркорынка и высокого рецидива.

Таким образом, наркотизм остаётся растущей угрозой общественной безопасности, опережающей общие позитивные тренды преступности. Статистика 2023–2025 гг. фиксирует рост наркопреступлений, расширение сбыта, цифровизацию и укрепление организованных форм, а судебная статистика — высокую долю рецидива и маргинализацию осуждённых. Эффективное противодействие требует дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в части ответственности за киберсбыт и одновременного развития политико-правовых механизмов профилактики, лечения и ресоциализации в рамках Стратегии государственной антинаркотической политики и института пробации.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09 апреля 2026 г.)
2. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Российская газета. 1998. № 7.
3. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 139.
4. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Российская газета. 2023. № 29.
5. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7711.

6. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20 декабря 1988 г.) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994.
7. Состояние преступности в Российской Федерации (2023–2025 гг.) // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения 30.04.2026).
8. Сводные отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (2023–2025 гг. Форма № 11) // URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения 30.04.2026).
9. Ивушкина, О. В. Направления уголовной политики в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков / О. В. Ивушкина // Сибирский юридический вестник. — 2023. — № 2 (101). — С. 74–79.

Коррупционные преступления как угроза общественной безопасности: уголовно-правовые и стратегические механизмы противодействия

Перепилищенко Егор Сергеевич, студент

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье исследуется динамика и структура коррупционной преступности в Российской Федерации за период 2023–2025 гг. На основе анализа данных МВД России и судебной статистики выявляются ключевые тенденции развития коррупционных преступлений, даётся криминологическая характеристика лиц, осуждённых за их совершение, оценивается эффективность применяемых уголовных наказаний. Особое внимание уделяется противоречиям действующей системы санкций, доминированию штрафов при незначительной доле реального лишения свободы и конфискации имущества. Рассматриваются уголовно-правовые и стратегические механизмы противодействия коррупции, включая Национальный план противодействия коррупции и теорию антикоррупционной криминологической безопасности.

Ключевые слова: коррупционная преступность, взяточничество, уголовная политика, противодействие коррупции, эффективность наказания, антикоррупционная безопасность, судебная статистика.

Corruption crimes as a threat to public safety: criminal law and strategic mechanisms of counteraction

Perepilishchenko Egor Sergeevich, student

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article examines the dynamics and structure of corruption crime in the Russian Federation for the period 2023–2025. Based on the analysis of data from the Ministry of Internal Affairs of Russia and judicial statistics, key trends in the development of corruption crimes are identified, a criminological profile of convicted persons is provided, and the effectiveness of applied criminal penalties is assessed. Special attention is paid to the contradictions of the current sanctions system, the dominance of fines with an insignificant proportion of actual imprisonment and confiscation of property. Criminal law and strategic mechanisms for counteracting corruption are considered, including the National Anti-Corruption Plan and the theory of anti-corruption criminological security.

Keywords: corruption crime, bribery, criminal policy, counteraction to corruption, effectiveness of punishment, anti-corruption security, judicial statistics.

В Концепции общественной безопасности Российской Федерации коррупция рассматривается как одна из системных угроз государственной и общественной безопасности. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства. Несмотря на последовательное развитие антикоррупционного законо-

дательства и принятие программных документов стратегического характера, коррупционная преступность сохраняет высокую общественную опасность и требует постоянного мониторинга эффективности применяемых мер противодействия.

В январе — декабре 2023 года в Российской Федерации выявлено 105,3 тыс. преступлений экономической направленности, из которых 36,4 тыс. — коррупционной направленности. В 2024 году число выявленных преступлений экономической направленности составило 105,4

тыс. (+0,2 %), коррупционной направленности — 38,5 тыс. (+5,8 %). По итогам 2025 года зафиксирован рост числа выявленных преступлений экономической направленности до 107,2 тыс. (+1,7 %), а коррупционной направленности — до 43,2 тыс. (+12,3 %). Таким образом, на фоне стабильного или умеренно растущего общего массива преступлений экономической направленности наблюдается опережающий рост именно коррупционных преступлений, что свидетельствует как об активизации правоохранительной деятельности, так и о сохраняющейся высокой латентной поражённости властно-распорядительных отношений коррупционными практиками.

В структуре коррупционной преступности центральное место занимает взяточничество. В 2023 году выявлено 20,3 тыс. преступлений, связанных со взяточничеством (+4,0 %), в 2024 году — 23,2 тыс. (+14,6 %), в 2025 году — 26,8 тыс. (+15,4 %). Особую тревогу вызывает рост наиболее опасных форм взяточничества: в 2025 году зарегистрировано 8503 факта получения взятки (+11,7 %), 8766 фактов дачи взятки (+29,9 %), 3649 фактов посредничества во взяточничестве (+38,5 %). Опережающий рост дачи взятки и посредничества указывает на институционализацию коррупционных отношений, формирование устойчивых коррупционных сетей с разделением ролей. Организованный характер коррупционной преступности подтверждается и статистикой: в 2025 году организованными группами и преступными сообществами совершено 48,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+35,4 % к 2024 году), причём значительная их часть связана с коррупционной деятельностью.

Криминологический портрет осуждённых за коррупционные преступления, составленный на основе отчётов Судебного департамента при Верховном Суде РФ по форме № 11, характеризуется специфическими социально-демографическими и статусными признаками. По итогам 2024 года за получение взятки (ст. 290 УК РФ) осуждено 1633 лица, за дачу взятки (ст. 291 УК РФ) — 2521 лицо. В первом полугодии 2025 года за получение взятки осуждено 858 лиц, за дачу взятки — 1431 лицо. Среди осуждённых за получение взятки в первом полугодии 2025 года женщины составили 21,9 %, что значительно выше доли женщин в общем массиве преступников (около 16–18 %). Образовательный уровень осуждённых-взятополучателей существенно превосходит средние показатели: высшее профессиональное образование имели 89,0 % осуждённых по ст. 290 УК РФ и 34,0 % по ст. 291 УК РФ. Возрастная структура также специфична: среди взятополучателей преобладают лица 40–49 лет (32,3 %) и 50–59 лет (20,8 %), что отражает карьерный путь к должностям, позволяющим принимать коррупционные решения.

Показательно социальное положение осуждённых: 33,1 % взятополучателей являлись государственными или муниципальными служащими, 26,5 % — служащими коммерческих или иных организаций. Это подтверждает, что коррупционная преступность концентрируется в публично-властной и корпоративной сферах, где должностные полномочия создают возможности для из-

влечения незаконной выгоды. Удельный вес лиц без постоянного источника дохода среди взятополучателей ничтожно мал (1,2 %).

Высокий уровень рецидива, характерный для общеуголовной преступности, среди коррупционных преступников выражен значительно слабее: в 2024 году лишь 95 взятополучателей из 1633 (5,8 %) на момент совершения преступления имели неснятые и непогашенные судимости. Это объясняется тем, что коррупционные преступления совершаются, как правило, лицами, ранее не попадавшими в поле зрения правоохранительных органов, и обладающими высоким социальным статусом. В то же время латентность коррупционной преступности оценивается экспертами как крайне высокая, что не позволяет считать этот показатель объективным отражением реального состояния рецидива.

Как справедливо отмечает И. А. Дамм, «обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности объединяет в себе два основных направления: антикоррупционную охрану и защиту значимых объектов и противодействие коррупционной преступности». Автор подчёркивает, что коррупция является неотъемлемым спутником общества и государства, а потому стратегия «победы над коррупцией» должна смениться научно обоснованной стратегией сдерживания коррупционной преступности в условиях рационального распределения ресурсов. Моделирование системы антикоррупционной криминологической безопасности базируется на четырёх элементах: феномен антикоррупционной безопасности, объекты антикоррупционной безопасности, коррупционные угрозы и источники опасности, а также система обеспечения антикоррупционной безопасности. Такой подход, по мнению автора, позволяет перенести смысловой акцент с объекта нападения (коррупция) на объекты защиты (личность, общество, государство) и выстроить комплексную систему мер охраны и защиты.

Практическая реализация антикоррупционной политики сталкивается с существенными противоречиями в уголовно-правовом механизме противодействия. К. Ю. Чесемиева, анализируя период 2018–2024 гг., констатирует, что «система наказаний за коррупционные преступления содержит ряд внутренних противоречий, которые снижают её эффективность». Исследователь отмечает, что в 2011 году лишь по 63,6 % приговоров за коррупционные преступления назначалось реальное лишение свободы, а в последующие годы доля реального лишения свободы продолжала снижаться на фоне гуманизации уголовного законодательства. По данным судебной статистики, в 2024 году из 1633 осуждённых за получение взятки лишь 322 лица (19,7 %) приговорены к реальному лишению свободы, тогда как 476 лиц (29,1 %) получили условное осуждение к лишению свободы, а 584 лица (35,8 %) — штраф. Подобная структура наказаний, по мнению автора, не соответствует высокой общественной опасности коррупционных преступлений и создаёт иллюзию безнаказанности. В научной литературе обоснованно критикуется практика назначения штрафов

в качестве основного наказания за тяжкие коррупционные преступления, поскольку высокий социальный статус осуждённых позволяет им конвертировать штраф в своего рода «легальный откуп», не неся реальной уголовной ответственности.

Особого внимания заслуживает проблема конфискации имущества. Статья 104.1 УК РФ предусматривает конфискацию имущества, полученного в результате совершения коррупционных преступлений, однако на практике этот институт применяется крайне ограниченно. Отсутствие в судебной статистике значимых показателей конфискации свидетельствует о том, что экономическая основа коррупции в большинстве случаев остаётся непоражённой, а риски для коррупционеров сводятся к вероятности уплаты штрафа, который может быть компенсирован ранее полученными преступными доходами. Как следствие, цели общей и частной превенции, закреплённые в статье 43 УК РФ, в отношении коррупционных преступников достигаются не в полной мере.

Стратегические механизмы противодействия коррупции определены рядом документов программно-целевого характера. Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 утверждён Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, предусматривающий комплекс мер по совершенствованию антикоррупционного законодательства, внедрению цифровых технологий для минимизации личного взаимодействия должностных лиц с гражданами, развитию института контроля за расходами, антикоррупционному просвещению и формированию в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям. Федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и «О муниципальной службе в Российской Федерации» устанавливают систему запретов, ограничений

и обязанностей для государственных и муниципальных служащих, включая запрет на получение вознаграждений от физических и юридических лиц, обязанность предоставлять сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также механизмы урегулирования конфликта интересов. Однако, как показывают статистические данные, одних лишь организационно-правовых запретов недостаточно для перелома негативной динамики коррупционной преступности.

Таким образом, коррупционные преступления остаются значимой угрозой общественной безопасности, что подтверждается ростом числа выявленных деяний данной категории в 2023–2025 гг. при одновременном росте удельного веса наиболее опасных форм взяточничества. Криминологическая характеристика осуждённых свидетельствует о том, что коррупционная преступность является преступностью лиц с высоким социальным и должностным статусом, обладающих качественным образованием и устойчивыми профессиональными позициями, что принципиально отличает её от общеуголовной преступности. Применяемая система уголовных наказаний с преобладанием штрафов и условного осуждения не обеспечивает должного превентивного эффекта и требует реформирования в направлении расширения практики назначения реального лишения свободы за тяжкие коррупционные преступления и обязательной конфискации преступно нажитого имущества. Перспективным направлением дальнейшего совершенствования антикоррупционной деятельности является внедрение концепции антикоррупционной криминологической безопасности, предполагающей комплексное сочетание мер охраны ключевых объектов от коррупционных угроз и целенаправленного противодействия источникам коррупционной опасности.

Литература:

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. № 266.
2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. № 162.
3. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. № 47.
4. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 34. Ст. 6174.
5. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
6. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // СПС «Консультант Плюс».
7. Состояние преступности в Российской Федерации (2023–2025 гг.) // Сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения 11.11.2025).
8. Сводные отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (2023–2025 гг. Форма № 11) // URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения 11.11.2025).
9. Дамм И. А. Основные элементы системы теории антикоррупционной криминологической безопасности / И. А. Дамм // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 6. — С. 591–601. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(6).591-601.

10. Чесебиева К. Ю. Противоречия и вызовы уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям: анализ эффективности наказаний / К. Ю. Чесебиева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2026. — № 1. — С. 148–151. DOI: 10.24412/2220–2404–2026–1–27.

Защита деловой репутации корпораций в сети Интернет: проблемы доказывания и определения надлежащего ответчика

Петрова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Савина Виктория Сергеевна, доктор юридических наук, доцент
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье исследуются правовые препятствия при защите деловой репутации юридических лиц от порочащих сведений в цифровом пространстве. Рассматриваются проблемы идентификации автора контента, распределения ответственности между автором и владельцем ресурса, доказывания умаления репутации. Предлагаются критерии определения надлежащего ответчика и рекомендации по сбору доказательств.

Ключевые слова: деловая репутация, интернет-диффамация, информационный посредник, надлежащий ответчик, электронные доказательства.

Цифровая трансформация экономики изменила характер репутационных рисков для бизнеса. Публикация в Telegram-канале или на сайте-отзовике способна в считанные часы нанести корпорации ущерб, сопоставимый с многолетней негативной медиакмпанией, а лишь каждый третий иск о защите деловой репутации завершается в пользу истца [3]. Правовая неопределённость в вопросах идентификации анонимного автора, разграничения ответственности между ним и владельцем платформы, фиксации цифровых доказательств порождает задачу — выработать критерии определения надлежащего ответчика и алгоритм действий для корпоративных юристов. Её решение потребовало анализа статей 152 и 1253.1 ГК РФ [1], норм Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ [2], разъяснений высших судебных инстанций [3–5] и доктринальных позиций [6–10].

Диффамация в цифровой среде обладает юридически значимыми характеристиками, отличающими её от традиционных форм. С. В. Потапенко, системно описавший гражданско-правовой аспект диффамации, указывал на принципиальное значение способа распространения информации для квалификации деликта [7]. В интернет-среде анонимность автора, трансграничность, неограниченная аудитория и сложность удаления контента создают ситуацию, при которой классические механизмы статьи 152 ГК РФ оказываются недостаточно эффективными. Степень идентифицируемости автора варьируется: публикация на личной странице в социальной сети позволяет установить автора, тогда как сообщение в анонимном Telegram-канале с использованием VPN делает идентификацию крайне затруднительной. В. Д. Никишин отмечает, что диффамационные правонарушения превратились в системную угрозу медиабезопасности [8].

Центральная проблема — определение лица, к которому следует предъявлять требования. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что надлежащими ответчиками являются авторы порочащих сведений и лица, их распространившие [3], однако в интернет-среде эти границы размываются. Статья 1253.1 ГК РФ устанавливает режим ответственности информационного посредника, освобождаемого от неё при незнании о неправомерности контента и принятии мер по удалению после уведомления [1]. На практике владельцы платформ ссылаются на этот иммунитет, игнорируя досудебные претензии, хотя бездействие после обоснованной претензии может трансформировать статус посредника в распространителя. Федеральный закон № 149-ФЗ дополнительно закрепляет ответственность владельцев социальных сетей за неограничение доступа к противоправному контенту [2]. Отдельную сложность представляет привлечение иностранных платформ: отсутствие представительства в России и нежелание исполнять судебные акты вынуждают корпорации обращаться в Роскомнадзор [6].

На основании изложенного предлагается алгоритм: если автор идентифицирован — требования к нему; если анонимен, но владелец платформы известен — досудебная претензия с требованием удаления контента и раскрытия данных автора, при отказе — иск к владельцу как распространителю; если ни автор, ни владелец не установлены — заявление о признании сведений не соответствующими действительности в порядке особого производства (пункт 8 статьи 152 ГК РФ).

Предмет доказывания охватывает три составляющие: сам факт доведения сведений до третьих лиц, их дискредитирующий смысл и расхождение с реальным положением дел [3]. Содержание интернет-страницы подвержено мгновенному изменению или удалению, поэтому закреп-

ление такого материала требует безотлагательных мер. Наиболее убедительным средством по-прежнему признаётся нотариальный осмотр сайта по статье 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате; составленный протокол наделяется повышенной доказательственной ценностью. Скриншоты и видеозаписи также используются в процессе, однако судебная оценка таких материалов обычно отличается повышенной строгостью. Дополнительную сложность создаёт отделение фактических утверждений от оценочных высказываний: гибридная речевая природа сетевых публикаций нередко ведёт к отнесению спорного контента к сфере субъективного мнения, хотя Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что оценочные суждения, содержащие утверждения о противоправном поведении, могут квалифицироваться как порочащие [3].

Вопрос о компенсации репутационного вреда, причинённого юридическим лицам, сохраняет полемический характер. Конституционный Суд РФ сформулировал подход, согласно которому отсутствие прямой законодательной нормы не исключает для организаций возможности требовать возмещения нематериального ущерба [4]. Верховный Суд РФ развил данную позицию и связал её применение с рядом строгих условий: у истца должна существовать сложившаяся деловая репутация; должны

быть доказаны неблагоприятные последствия, а также установлена причинная связь между распространёнными сведениями и наступившим ущербом [5]. А. М.

Эрделевский указывает на необходимость разграничения морального и репутационного вреда [10], а Е. В. Гаврилов предлагает определять размер компенсации по объективным критериям: масштаб распространения, характер аудитории, длительность воздействия [6].

Проведённый анализ свидетельствует о разрыве между потребностями практики и нормативным инструментарием. Статья 152 ГК РФ не учитывает анонимности интернет-коммуникации, а статья 1253.1 содержит расплывчатые критерии освобождения посредников от ответственности. Совершенствование правоприменения возможно через введение судебной процедуры раскрытия данных об анонимных авторах и конкретизацию ответственности платформ за бездействие. Корпоративным юристам целесообразно придерживаться алгоритма: мониторинг, оперативная фиксация посредством нотариального осмотра, досудебные претензии, при отсутствии реакции — обращение в суд. Формирование доказательственной базы репутационного вреда должно начинаться с момента обнаружения публикации. Вопрос о балансе между свободой слова и правом на защиту деловой репутации остаётся открытым.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 78-КГ22-44-К3. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Гаврилов, Е. В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц: монография / Е. В. Гаврилов. — М.: Юстицинформ, 2022. — 208 с.
7. Потапенко, С. В. Диффамационное право: гражданско-правовой аспект / С. В. Потапенко. — Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2007. — 204 с.
8. Никишин, В. Д. Диффамационные правонарушения как угроза медиабезопасности: виды, признаки, особенности доказывания / В. Д. Никишин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 12. — С. 95–104.
9. Тихомиров, М. Ю. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических и физических лиц / М. Ю. Тихомиров. — М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2023. — 80 с.
10. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. — М.: Вольтерс Клувер, 2004. — 320 с.

Диффамация или конкурентная война: разграничение защиты деловой репутации и пресечения недобросовестной конкуренции

Петрова Анастасия Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Савина Виктория Сергеевна, доктор юридических наук, доцент

Государственный университет просвещения (г. Москва)

Статья посвящена проблеме квалификации действий по распространению ложных сведений хозяйствующими субъектами. Исследуется конкуренция иска о защите деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) и механизма пресечения дискредитации (ст. 14.1 Закона о защите конкуренции). Выделяются критерии разграничения составов и предлагается алгоритм выбора способа защиты.

Ключевые слова: деловая репутация, недобросовестная конкуренция, дискредитация, способ защиты, антимонопольное законодательство.

Информационные атаки стали привычным инструментом конкурентной борьбы: негативная публикация о качестве продукции конкурента позволяет перераспределить клиентскую базу быстрее любой маркетинговой кампании. Один и тот же факт распространения порочащих сведений конкурентом порождает возможность одновременного применения двух правовых инструментов — гражданского иска о защите деловой репутации по статье 152 ГК РФ [1] и обращения в антимонопольный орган с заявлением о дискредитации по статье 14.1 Федерального закона «О защите конкуренции» [2]. Отсутствие чётких критериев разграничения этих механизмов приводит к ошибкам при выборе способа защиты и отказам в удовлетворении требований. Цель настоящего исследования — на основе доктрины [5–10] и правоприменительной практики [3, 4] разработать критерии разграничения и сформулировать алгоритм действий для корпоративного юриста.

Защита деловой репутации по статье 152 ГК РФ представляет собой частноправовой механизм, направленный на восстановление нематериального блага конкретного лица. Предмет доказывания включает три элемента: распространение сведений, их порочащий характер и несоответствие действительности [3]. Субъектный состав не ограничен — ответчиком может быть любое лицо. Целью является опровержение сведений, удаление информации и компенсация репутационного вреда. М. Ю. Тихомиров подчёркивает, что данный способ защиты универсален и не зависит от характера отношений между сторонами [9].

Запрет на дискредитацию (статья 14.1 Закона о защите конкуренции) имеет иную природу — это публично-правовой механизм, защищающий конкурентную среду в целом. Состав нарушения предполагает: наличие конкурентных отношений между распространителем и пострадавшим; распространение ложных, неточных или искажённых сведений; направленность действий на получение преимуществ в предпринимательской деятельности [2]. О. А. Городов указывает, что дискредитация отличается от общегражданской диффамации именно целевой направленностью — перераспределением спроса в пользу нарушителя [5].

Общим для институтов является факт распространения недостоверных порочащих сведений. Различия касаются субъектного состава (любое лицо или конкурент), объекта защиты (нематериальное благо или конкурентная среда), процедуры (судебный иск или обращение в ФАС) и правовых последствий (опровержение и компенсация или предписание и штраф).

Ключевым маркером разграничения служит субъектный состав. Если распространитель и пострадавший действуют на одном товарном рынке и являются конкурентами, ситуация потенциально подпадает под статью 14.1. ФАС в письме от 28.06.2018 № АД/48621/18 разъяснила, что наличие конкурентных отношений устанавливается через анализ товарного рынка, географических границ и взаимозаменяемости товаров [4]. При отсутствии конкурентных отношений единственным инструментом остаётся иск по статье 152 ГК РФ.

Характер сведений также имеет значение. Статья 152 ГК РФ охватывает любые порочащие сведения, тогда как статья 14.1 ограничивает объект дискредитации сведениями о товаре, услугах, условиях реализации или о самом конкуренте как хозяйствующем субъекте. С. А. Парашук обоснованно отмечает: если порочащие сведения касаются личных качеств руководителя, а не деятельности компании на рынке, применение антимонопольного законодательства затруднено [7].

Целевая направленность деяния образует третий квалифицирующий признак. Для вменения ст. 14.1 требуется подтвердить, что распространение сведений преследовало извлечение выгод в сфере коммерческой активности. Федеральная антимонопольная служба выявляет данный элемент по совокупности обстоятельств: содержательному фону публикации, кругу адресатов, а также последовательности сопутствующих событий. В. И. Еременко подчеркивает: необходимость подтверждать стремление к получению преимуществ заметно утяжеляет антимонопольное разбирательство в сопоставлении с гражданским процессом, где побуждения нарушителя в предмет доказывания не включаются [6].

Определение надлежащего способа защиты зависит от набора обстоятельств. Требование, основанное на ст. 152

Гражданского кодекса Российской Федерации, обычно избирается при отсутствии конкурентной связи между распространителем и истцом, при ориентире на удаление порочащих сведений и взыскание компенсации, а также при потребности в судебном акте с преюдициальным эффектом. Обращение в ФАС более оправданно в ситуации, когда дискредитирующие материалы исходят от непосредственного соперника на рынке и требуется оперативное административное пресечение вместе с применением штрафных мер. Одновременное задействование двух процедур не исключается: акт антимонопольного органа, фиксирующий нарушение, способен приобрести преюдициальное значение в рамках гражданского спора о возмещении [8].

К числу типичных просчетов относится подача заявления в ФАС без подтверждения конкурентного взаимодействия сторон, равно как и предъявление иска по ст. 152 ГК РФ без учета того, что антимонопольное про-

изводство могло бы обеспечить дополнительную доказательственную базу. Еще одна частая ошибка связана с отнесением к дискредитации распространения оценочных высказываний: ни антимонопольный орган, ни суд не признают субъективные мнения ложными сведениями.

Разграничение защиты деловой репутации и пресечения дискредитации строится на трёх критериях: субъектный состав (наличие конкурентных отношений), содержание сведений (любые порочащие или касающиеся товаров и деятельности конкурента) и цель нарушителя (направленность на получение конкурентных преимуществ). Алгоритм действий при обнаружении порочащих сведений включает установление личности распространителя, проверку конкурентных отношений, анализ содержания сведений и выбор процедуры. Совершенствование регулирования возможно путём нормативного закрепления критериев разграничения и введения механизма координации судебной и антимонопольной процедур.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О применении статьи 14.1 Федерального закона «О защите конкуренции»: Письмо ФАС России от 28.06.2018 № АД/48621/18. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Городов, О. А. Недобросовестная конкуренция: учебно-практическое пособие / О. А. Городов, А. В. Петров, Н. А. Шмигельская; под ред. О. А. Городова. — М.: Юстицинформ, 2020. — 324 с.
6. Еременко, В. И. Вопросы недобросовестной конкуренции в рамках «четвёртого антимонопольного пакета» / В. И. Еременко // Конкурентное право. — 2016. — № 1. — С. 7–14.
7. Паращук, С. А. Понятие и виды недобросовестной конкуренции в проекте изменений законодательства о защите конкуренции / С. А. Паращук // Юрист. — 2015. — № 1. — С. 15–22.
8. Гаврилов, Е. В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц: монография / Е. В. Гаврилов. — М.: Юстицинформ, 2022. — 208 с.
9. Тихомиров, М. Ю. Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических и физических лиц / М. Ю. Тихомиров. — М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2023. — 80 с.
10. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. — М.: Вольтерс Клувер, 2004. — 320 с.

Предложения по повышению эффективности функционирования государственной контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг

Петрова Эллина Игоревна, студент магистратуры
Гатчинский государственный университет (Ленинградская область)

В статье рассмотрены отдельные предложения и рекомендации по повышению эффективности функционирования государственной контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг. Проведен анализ отдельных положений ФЗ № 44-ФЗ, выявивший необходимость их дальнейшего законодательного усовершенствования. В частности, рассмотрены: пункт 1 части 1 статьи 33 указанного закона, в отношении которого предлагается отменить запрет на ука-

знание товарного знака в целях повышения качества товаров, поставляемых по государственным и муниципальным контрактам; часть 6 статьи 38 ФЗ № 44-ФЗ, в рамках изменения которой предлагается установление обязательного соответствия членов контрактной службы и контрактных управляющих профессиональным стандартам «Специалист в сфере закупок» и «Эксперт в сфере закупок», в зависимости от их функциональных обязанностей. Также в статье обращается внимание на необходимость разработки и реализации Концепции развития законодательства о государственных и муниципальных закупках, которая должна обеспечить устранение существующего внутриотраслевого дисбаланса в сфере государственных закупок.

Ключевые слова: государственная контрактная система, государственные закупки, муниципальные закупки, товарный знак, эксперт в сфере закупок, специалист в сфере закупок, Концепции развития законодательства о государственных и муниципальных закупках.

В последние годы наблюдаются усиливающиеся тенденции экономической нестабильности и введения экономических санкций против Российской Федерации, в связи с чем особую важность приобретает оптимизация использования бюджетных ресурсов государственными и муниципальными заказчиками. Для реализации поставленной цели государство использует совокупность финансовых и нормативно-правовых механизмов, интегрированных в государственную контрактную систему в сфере закупок товаров, работ, услуг (далее — ГКС). В условиях современных экономических вызовов приоритетным становится рациональное и эффективное управление бюджетными ресурсами. ГКС является системой мер, направленных на обеспечение открытости, обоснованности и эффективности процессов государственных и муниципальных закупок. В рамках ГКС осуществляется строгий контроль за расходованием бюджетных средств, что позволяет минимизировать риски нецелевого использования и коррупционных проявлений.

В современных условиях, когда бюджеты как федерального, так и регионального уровней испытывают дефицит, проблема неэффективного использования бюджетных средств становится особенно острой. Согласно мнению С. С. Гороховой, современное общество демонстрирует возрастающие ожидания относительно качества услуг, предоставляемых различными уровнями государственных исполнительных органов. В то же время, наблюдается тенденция к снижению заинтересованности участников рынка в участии в конкурсных процедурах, что, в свою очередь, приводит к уменьшению уровня конкуренции. [2, с. 12].

На современном этапе развития законодательства, касающегося ГКС, можно отметить, что основной правовой акт, регулирующий эту область, а именно Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 22.06.2024) (далее — ФЗ № 44-ФЗ), претерпел значительные изменения с момента своего принятия. В первоначальной версии закона сохранилось лишь около десяти статей, тогда как остальные статьи были существенно пересмотрены. Примечательно, что изменения были внесены как минимум в 20 % статей ФЗ № 44-ФЗ еще до того, как закон официально вступил в силу. Этот факт, несо-

мненно, привел к возникновению дисбаланса внутри отрасли государственных и муниципальных закупок. Более того, принятие большого количества подзаконных нормативно-правовых актов во исполнение ФЗ № 44-ФЗ, которые частично противоречили как друг другу, так и самому ФЗ № 44-ФЗ, лишь усугубило сложившуюся ситуацию. Как справедливо отметил Е. А. Суханов более десяти лет назад, одной из актуальных проблем законодательства, регулирующего договорные отношения, является то, что половина из принимаемых законов — это законы о внесении изменений в законы о внесении изменений [6, с. 68].

На основании изложенного разработаны следующие предложения и рекомендации по повышению эффективности функционирования ГКС и, соответственно, повышению эффективности расходования бюджетных средств.

1. *Принятие и внедрение Концепции развития законодательства о государственных и муниципальных закупках.*

В условиях наблюдаемой тенденции к быстрому принятию законодательных актов, которые нередко характеризуются существенными недостатками и пробелами, М. В. Шмелева акцентирует внимание на том, что эффективное осуществление субъективных прав и обязанностей участников контрактных правоотношений, регламентированных ФЗ № 44-ФЗ, требует опоры на основополагающие правовые принципы, которые должны исходить и быть основаны на доктринах гражданского и бюджетного права, а также на устоявшейся правоприменительной практике [7, с. 81]. В качестве такой основы должна выступать Концепция развития законодательства о государственных и муниципальных закупках (далее — Концепция). Данная Концепция позволит сформировать четкое и однозначное понимание сущности системы государственных и муниципальных закупок и определить, каким образом она должна функционировать.

Представляется, что Концепция будет направлена также на совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей государственные и муниципальные закупки, а также должна являться всеобъемлющим сводом норм и принципов, определяющих деятельность всех участников контрактных правоотношений. Эти нормы и принципы являются обязательными для исполнения всеми субъектами, вовлеченными в процесс закупок.

Строгое соблюдение данных правил является ключевым фактором для обеспечения внедрения четких правовых механизмов в сферу закупочных отношений.

Следовательно, исключительно посредством реформирования текущего законодательства, регулирующего сферу государственных закупок, можно обеспечить правовую определенность в данной области. Это, в свою очередь, обеспечит требуемую предсказуемость в области правового регулирования, что позволит субъектам контрактных отношений с высокой степенью точности прогнозировать последствия своих действий, а также даст им уверенность в том, что их права и законные интересы будут надлежащим образом защищены и реализованы посредством компетентных государственных органов.

Для устранения выявленного негативного аспекта необходимо провести всестороннее исследование существующих нормативно-правовых актов, регулирующих область государственных закупок. Это исследование должно быть направлено на выявление степени их согласованности или наличия противоречий. На основе результатов этого анализа необходимо сформулировать конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства, включая предложения по изменению, дополнению или отмене отдельных норм и положений. Постоянный мониторинг согласованности нормативно-правовых актов должен стать ключевым принципом в указанной Концепции.

В данном случае под Концепцией подразумевается совокупность правовых и идеологических основ, которые формируют фундаментальные направления государственной политики в сфере регулирования контрактных отношений, возникающих в процессе осуществления государственных и муниципальных закупок на территории Российской Федерации. Эта Концепция включает в себя последовательные и систематизированные меры, принимаемые государством с целью создания эффективного механизма для реализации прав и выполнения обязательств субъектами контрактных правоотношений.

2. Внесение изменений в пункт 1 части 1 статьи 33 ФЗ № 44-ФЗ.

Недостаточно эффективное планирование закупок товаров, работ и услуг, при котором основной акцент делается на соблюдение выделенного бюджета, а не на достижение максимальной потребительской ценности, приводит к приобретению продукции низкого качества. При проведении закупок через электронные аукционы и запросы котировок основным критерием выбора поставщика является цена. Формальный подход к планированию закупок и недостаточное внимание к детальному описанию технических характеристик, а также потребительских и функциональных свойств товара, приводят к тому, что поставщики предлагают продукцию с минимальной стоимостью, что неизбежно отражается на ее качестве. Таким образом, можно сделать вывод, что низкое качество товаров, поставляемых по государственным и муниципальным контрактам, является следствием плохо составленного описания объекта закупки заказчиком.

Существует обоснованное предположение, что рассматриваемая проблема могла бы быть успешно разрешена, если бы заказчику было предоставлено право использовать торговый знак при закупке товаров. В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 33 ФЗ № 44-ФЗ, установление требований или указаний на товарные знаки в описании объекта закупки не допускается. Исключение составляют ситуации, когда указание на товарный знак сопровождается фразой «или эквивалент». Также допустимо указывать товарный знак в случае, если существует несовместимость товаров с другими товарными знаками, и необходимо обеспечить их взаимодействие с уже используемыми заказчиком товарами. В соответствии с технической документацией на машины и оборудование, используемые заказчиком, разрешается приобретение запасных частей и расходных материалов без ограничения числа участников закупки. Данное исключение предусмотрено для обеспечения бесперебойной работы оборудования. Однако, с нашей точки зрения, одним из наиболее действенных способов осуществления закупок является указание на торговую марку с высокой репутацией и подтвержденным качеством продукции.

Некоторые ученые подчеркивают, что законодательно установленный запрет на использование товарных знаков значительно ограничивает возможности государственных и муниципальных заказчиков в удовлетворении их потребностей. Это связано с тем, что в ряде случаев заказчики сталкиваются с трудностями при определении качественных характеристик необходимых товаров. Основной причиной таких затруднений является значительная величина транзакционных издержек, которые связаны с анализом и оценкой качества товаров и зачастую превышают их стоимость [1, с. 112–13].

Следует отметить, что использование товарного знака не оказывает негативного влияния на конкурентоспособность рынка. Указанное обусловлено тем, что продукция производителя передается конечным потребителям посредством оптовых и розничных каналов сбыта, которые функционируют независимо от производителя оригинального товара. Таким образом, процесс дистрибуции товаров может быть осуществлен любым количеством рыночных субъектов, что способствует поддержанию здоровой конкуренции.

На основании вышеизложенных аргументов, рекомендуется внести коррективы в пункт 1 части 1 статьи 33 ФЗ № 44-ФЗ, отменив действующий запрет на указание товарного знака.

3. Внесение изменений в часть 6 статьи 38 ФЗ № 44-ФЗ.

В данной статье рассматривается внесение изменений в указанную часть статьи законодательного акта как методологический подход к решению кадрового дефицита в области государственных закупок, который в настоящее время является особенно актуальным. В частности, анализируется содержание части 6 статьи 38 ФЗ № 44-ФЗ, в которой закреплено требование о наличии у сотрудников контрактной службы и контрактного управля-

щего высшего образования или дополнительного профессионального образования в сфере закупок.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что текущая нормативная база не предоставляет конкретных указаний относительно того, какое именно высшее образование должен иметь сотрудник контрактной службы или контрактный управляющий. В настоящее время среди заказчиков преобладает мнение, что речь идет об экономическом или юридическом образовании. Это представляется логичным, поскольку законодательство о закупках характеризуется значительной сложностью и объемом, что затрудняет его понимание для лиц, не обладающих навыками интерпретации нормативно-правовых актов. Важно отметить необходимость создания специализированной образовательной программы, направленной на подготовку специалистов в области государственных и муниципальных закупок. Такая программа могла бы быть реализована в рамках высшего образования и способствовала бы решению проблемы квалифицированности кадров в данной сфере.

Вопрос о дополнительном образовании в области закупок является чрезвычайно актуальным. В конце января 2015 года Министерство экономического развития Российской Федерации начало работу над созданием методических рекомендаций для программ дополнительного профессионального образования и аттестации специалистов в сфере закупок. Руководитель Департамента развития контрактной системы Министерства экономического развития Российской Федерации, М. В. Чемерисов, подчеркнул, что разработка данных методических рекомендаций обеспечит эффективное обучение кадров в сфере закупок и повысит качество предоставляемых образовательных услуг. Эти рекомендации предназначены для создания программ дополнительного профессионального образования и аттестации в области закупок, учитывая современные требования к качеству обучения и действующее законодательство [3, с. 34].

В ходе разработки проекта методических рекомендаций была установлена минимально допустимая длительность освоения дополнительной профессиональной образовательной программы, направленной на повышение квалификации в сфере закупок, в виде временного интервала не менее 108 академических часов. Тем не менее, данное решение не устранило следующую проблему: из-за рекомендательного характера данного образовательного стандарта, на рынке повышения квалификации в сфере государственных и муниципальных закупок существует значительное разнообразие предложений. В частности, можно встретить курсы продолжительностью всего 16 часов, а также программы, реализуемые в очно-заочной и дистанционной формах.

В сентябре 2015 года Министерство труда Российской Федерации утвердило профессиональные стандарты для должностей «Специалист в сфере закупок» [4] и «Эксперт в сфере закупок» [5]. Эти стандарты определяют квалификационные требования, которым должен соответствовать

работник, чтобы эффективно выполнять свои обязанности в области государственных и муниципальных закупок. Однако, несмотря на введение данных стандартов, ФЗ № 44-ФЗ не содержит положений, обязывающих членов контрактной службы строго соответствовать этим квалификационным требованиям. В федеральных законах и подзаконных актах отсутствуют ссылки на данные профессиональные стандарты, а также нет указаний на обязательное их применение в приказах Министерства труда Российской Федерации, которые утверждают эти стандарты.

Исходя из вышеизложенного, предлагается внести поправки в часть 6 статьи 38 Федерального закона № 44-ФЗ. Эти изменения направлены на установление обязательства для членов контрактной службы и контрактных управляющих соответствовать профессиональным стандартам «Специалист в сфере закупок» и «Эксперт в сфере закупок», что соответствует их функциональным обязанностям.

В рамках данного исследования были сформулированы следующие рекомендации и предложения:

1. Разработка и внедрение Концепции развития законодательства о государственных и муниципальных закупках. Данная Концепция должна представлять собой структурированный комплекс норм и принципов, регулирующих взаимодействие всех участников контрактных правоотношений. Введение такого нормативно-правового комплекса позволит устранить существующий внутриотраслевой дисбаланс в сфере государственных закупок, который проявляется в наличии множества нормативно-правовых актов, принятых на основе Федерального закона № 44-ФЗ, но часто противоречащих как друг другу, так и последним редакциям самого закона.

2. Внесение корректив в пункт 1 часть 1 статьи 33 ФЗ № 44-ФЗ, которое подразумевает исключение запрета на указание товарного знака в тексте данного пункта. Целью данной рекомендации является улучшение качества товаров, поставляемых в рамках государственных и муниципальных контрактов. Снятие данного ограничения позволит более точно идентифицировать продукцию, что, в свою очередь, способствует повышению стандартов и надежности поставок.

3. Внесение изменений в часть 6 статьи 38 ФЗ № 44-ФЗ, которое направлено на установление обязательного соответствия членов контрактной службы и контрактных управляющих профессиональным стандартам «Специалист в сфере закупок» и «Эксперт в сфере закупок», в зависимости от их функциональных обязанностей.

Следует отметить, что внедрение данных предложений и рекомендаций может существенно способствовать решению текущих проблем и устранению некоторых недостатков в законодательстве о ГКС, что, в свою очередь, приведет к повышению эффективности работы ГКС и более рациональному использованию бюджетных средств.

Литература:

1. Агузанова К. А. Повышение эффективности бюджетных расходов в сфере государственных (муниципальных) закупок // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2016. — № 4 (36). — С. 110–121.
2. Горохова С. С. О некоторых организационно-правовых аспектах состояния рынка государственных (муниципальных) и корпоративных закупок в Российской Федерации // Юридические исследования. — 2021. — № 8. — С. 11–27.
3. Золотов А. Профессия, которой нет. Что включает профессиональный стандарт специалиста в сфере закупок // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень Оперативной Информации «Московские Торги». — 2015. — № 3. — С. 34–35. — [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Приказ Минтруда России от 10.09.2015 № 625н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере закупок» // Официальный интернет-портал правовой информации, 12.10.2015.
5. Приказ Минтруда России от 10.09.2015 № 626н «Об утверждении профессионального стандарта «Эксперт в сфере закупок» // Официальный интернет-портал правовой информации, 14.10.2015.
6. Суханов Е. А. Тексты современных законов, особенно в гражданском праве, не выдерживают никакой критики: ответы на вопросы шеф-редактора журнала «Закон» В. Румака // Закон. — 2012. — № 9. — С. 64–69.
7. Шмелева М. В. Сложность и слишком большая дифференциация нормативно-правовых актов в сфере государственных закупок // Аналитический вестник. — 2021. — № 18 (778). — С. 81–87.

Искусственный интеллект в трасологии: автоматический сравнительный анализ следов обуви и шин

Пивоваров Кирилл Максимович, студент;
Махмудов Мурад Камильевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются теоретические и прикладные аспекты использования систем искусственного интеллекта при сравнительном исследовании следов обуви и автомобильных шин в трасологической экспертизе. Обосновывается актуальность автоматизации вследствие роста массива изымаемых следов и ограниченных возможностей традиционного визуального сравнения. Проводится критический анализ научных подходов: от классической идентификации по общим и частным признакам до современных компьютерных систем обработки изображений, трехмерного моделирования и экспертных баз данных [1–4]. На основе обзора отечественных и зарубежных исследований, а также практики создания специализированных программных комплексов формулируются основные проблемы внедрения искусственного интеллекта в трасологию (дефицит репрезентативных баз данных, недостаточная изученность механизма слеодообразования, вопросы достоверности и процессуального статуса результатов) и предлагаются пути их решения [1; 5–8].

Ключевые слова: трасология, следы обуви, следы шин, искусственный интеллект, сравнительный анализ, автоматизированные информационнопоисковые системы, цифровая фиксация следов, экспертные программы.

Трасологические исследования следов обуви и автомобильных шин играют ключевую роль при раскрытии и расследовании преступлений, поскольку позволяют установить механизм события, а также решить задачи групповой и индивидуальной идентификации слеодообразующих объектов [9; 10]. Массовое распространение серийной обуви и шин, рост числа имущественных преступлений и наличие значительного массива нераскрытых дел приводят к резкому увеличению количества изымаемых следов, требующих экспертного исследования [11].

Традиционный визуальный сравнительный анализ общих и частных признаков требует высокой квалификации эксперта, значительных временных затрат и подвержен субъективным ошибкам, особенно при работе

с крупными картотеками [10; 11]. В этих условиях применение искусственного интеллекта и автоматизированных информационнопоисковых систем в трасологии выступает не просто техническим новшеством, а фактором, способным изменить организацию экспертной деятельности и повысить ее эффективность [1; 5].

В классической трасологии следы обуви и шин классифицируются по механизму образования, виду отображения и природе следовоспринимающего объекта [9; 10; 12]. Выделяют объемные следы (в грунте, снегу, пластичных массах) и поверхностные следы (наслоения и отслоения на твердых поверхностях) [12]. По частям подошвы различают следы носочной, подметочной, каблушной зон и отображения рисунка протектора; для

шин — следы беговой дорожки протектора, боковины покрышки и колеи транспортных средств [9; 10].

Криминалистически значимыми признаками являются общие (форма, размеры, конфигурация и шаг элементов протектора, ширина беговой дорожки) и частные (индивидуальные дефекты, следы износа, посторонние включения, ремонтные вставки), которые в совокупности обеспечивают возможность индивидуальной идентификации конкретной пары обуви или шины [10; 13]. На этой основе строятся традиционные методы сравнительного исследования: сопоставление, совмещение (наложение), масштабное фотографирование и микроскопический анализ [9; 13].

В научной литературе выделяются две группы мнений относительно потенциала автоматизации. Представители одной подчеркивают «незаменимость» эксперта-трасолога и считают, что компьютерные программы могут выполнять лишь вспомогательные функции фиксации и визуализации, но не анализа совпадений [8; 14]. Сторонники другой позиции указывают, что алгоритмы обработки изображений при наличии достаточного массива обучающих данных способны выявлять сложные конфигурации признаков и существенно сокращать объем ручной работы, не подменяя, а дополняя экспертный вывод [1; 3; 5; 6]. В настоящей работе поддерживается вторая точка зрения: интеллектуальные системы рассматриваются как инструмент повышения качества и скорости исследования при сохранении за экспертом функции вынесения заключения.

Классические методы трасологического исследования следов обуви и шин включают метод сопоставления, метод совмещения (наложения прозрачных копий, фотоснимков или сканов) и метод масштабного фотографирования с последующим микроскопическим анализом [9; 10; 13]. При работе с ограниченным числом объектов эти методы обеспечивают высокую надежность результатов, однако их эффективность резко падает при необходимости обработки сотен и тысяч следов [11].

Практика показывает, что при большом объеме картотек ручной поиск и сопоставление становятся чрезвычайно трудоемкими и фактически невыполнимыми в разумные процессуальные сроки; возрастает риск пропуска совпадений, особенно при низком качестве или частичной сохранности следов [1; 11]. Кроме того, значительная часть признаков носит вероятностный характер и требует статистической обработки, что трудно реализовать исключительно визуальными методами [5; 6]. Эти обстоятельства объективно обуславливают необходимость автоматизации отдельных стадий исследования: цифровой фиксации, предварительной фильтрации и формирования ранжированных списков наиболее вероятных совпадений.

Переход к автоматизированным методам в трасологии начался с разработки информационно-поисковых систем, позволяющих оцифровывать, хранить и автоматически сопоставлять изображения следов [1; 5; 15]. Ряд отече-

ственных программных комплексов ориентирован на создание экспертных баз данных, где каждая запись включает изображение следа, сведения об обстоятельствах его обнаружения, тип поверхности, параметры протектора и др., что обеспечивает поиск по совокупности признаков и формирование списка наиболее близких объектов [1; 5; 15].

В зарубежной практике одним из известных примеров является Footwear Impression Database (FID), включающая как реальные следы с мест происшествий, так и обширную коллекцию эталонных оттисков подошв, используемую для тестирования и калибровки алгоритмов сопоставления [2; 3]. Исследования полуавтоматических систем кодирования и сравнения показывают, что при работе с несколькими сотнями реальных следов такие системы позволяют получить совпадение по модели обуви примерно в трети случаев, при этом соответствующий образец занимает верхние позиции в ранжированном списке [3; 4; 6]. Эти данные свидетельствуют о практической эффективности ИИ-подходов как инструмента криминалистической разведки и выявления серийных преступлений.

Коммерческие системы автоматического сопоставления следов обуви, основанные на алгоритмах машинного обучения и глубоких нейронных сетях, оперируют базами, насчитывающими десятки тысяч цифровых изображений подошв. Они обеспечивают автоматический отбор наиболее похожих образцов и тем самым сокращают время экспертного поиска [7]. При этом окончательное решение о тождестве или различии объектов принимает эксперт, оценивающий как результаты автоматического анализа, так и данные традиционного исследования.

Отечественные авторы отмечают, что уровень автоматизации трасологических экспертиз по следам обуви в России остается сравнительно невысоким [1; 5; 11]. Анализ работы экспертно-криминалистических подразделений МВД России показывает, что информационные технологии нередко сводятся к использованию графических редакторов для выделения признаков, наложения изображений и построения координатных сеток, тогда как полноценные информационно-поисковые системы внедрены эпизодически [1; 11; 15].

Показательны данные исследования, проведенного на базе экспертно-криминалистического отдела Управления МВД России по г. Нижнему Новгороду, где было изучено 243 заключения по следам подошв обуви за 2019–2022 гг. [1]. В 59 экспертизах решались идентификационные задачи, при этом лишь в двух случаях был сделан категорический вывод о тождестве, в одном — вероятный вывод, а в остальных — вывод о групповой принадлежности; в 184 экспертизах решались диагностические задачи по установлению пригодности следов для идентификации, причем во многих случаях эксперты указывали на возможность решения вопроса лишь при наличии проверяемой обуви [1]. Информационные технологии использовались преимущественно в виде графических редакторов; си-

стемы автоматического сопоставления изображений не применялись [1].

Таким образом, в российской практике складывается противоречие: с одной стороны, существует объективная потребность в автоматизации трасологических исследований, с другой — отсутствует достаточная нормативная, методическая и техническая база для массового применения систем искусственного интеллекта.

Анализ научных публикаций и экспертной практики позволяет выделить несколько ключевых проблем, препятствующих широкому внедрению ИИ-технологий в трасологию.

Вопервых, недостаточная изученность механизма слеодообразования с учетом свойств следовоспринимающих поверхностей. Дальнейшее совершенствование технологий невозможно без накопления данных об особенностях механизма слеодообразования в зависимости от вида и состояния следовоспринимающего объекта; в настоящее время эта специфика исследована недостаточно, особенно в отношении объемных следов обуви [1; 11; 12].

Вовторых, отсутствуют единые стандарты представления и обмена цифровыми данными. Различные лаборатории используют несогласованные форматы хранения, различные разрешения и условия съемки, что снижает сопоставимость материалов и затрудняет формирование общих баз данных [5; 8; 15].

Втретьих, сохраняется проблема валидации и оценки надежности алгоритмов. Несмотря на наличие зарубежных работ по оценке точности и устойчивости алгоритмов сопоставления, вопрос адаптации этих моделей к российским условиям, с учетом особенностей структуры преступности и парка обуви/шин, остается открытым [3; 4; 6].

Вчетвертых, не урегулирован в полной мере процессуальный статус результатов, полученных с использованием ИИ. Уголовнопроцессуальное законодательство прямо не регламентирует применение систем искусственного интеллекта в судебной экспертизе, что порождает дискуссии о допустимости таких данных как доказательств и о пределах раскрытия информации об алгоритме сторонам процесса [8; 14; 16].

Впятых, часть научного сообщества выражает опасения по поводу «черного ящика» ИИ. Непрозрачность работы сложных моделей и отсутствие интуитивно понятного объяснения полученного совпадения могут снижать доверие суда и участников процесса к экспертному заключению; в ответ предлагаются подходы, основанные на интеграции ИИ-расчетов в традиционную методику и обязательном экспертном контроле [4; 8; 16].

Мы исходим из того, что перечисленные проблемы носят разрешимый характер и свидетельствуют не о неприемлемости ИИ, а о необходимости его осмысленной и нормативно урегулированной интеграции в существующую систему экспертной деятельности.

С учетом рассмотренных проблем представляется целесообразным обозначить следующие направления раз-

вития применения искусственного интеллекта в трасологии.

Вопервых, формирование многоцентровых национальных баз следов обуви и шин. На основе кооперации экспертных учреждений возможно создание стандартизированных коллекций цифровых изображений следов с подробным описанием условий их образования и свойств следовоспринимающих поверхностей, что обеспечит качественный обучающий материал для алгоритмов и повысит репрезентативность статистических выводов [1; 2; 11; 15].

Вовторых, разработка единых методических рекомендаций по цифровой фиксации и предварительной обработке следов. Стандартизация разрешения съемки, ракурса, калибровки масштаба и методов фильтрации изображений позволит снизить вариативность данных и повысить точность автоматического анализа [5; 8; 15].

Втретьих, проведение валидационных исследований с использованием реальных и модельных данных. Необходимо систематически проверять точность и устойчивость алгоритмов ИИ на независимых выборках следов, включая «сложные» случаи (частичные, смазанные, с помехами), а также вырабатывать методику интерпретации полученных вероятностных оценок для нужд судебной экспертизы [3; 4; 6].

Вчетвертых, требуется нормативное закрепление условий использования ИИ-систем в экспертизе. Разработка положений, определяющих требования к программным средствам, порядок их сертификации, тестирования и документирования, позволит снять часть опасений сторон процесса и обеспечить предсказуемость судебной практики [8; 14; 16].

Впятых, необходимо уделять внимание подготовке и переподготовке экспертов. В учебные планы следует включать дисциплины, посвященные основам цифровой обработки изображений, машинного обучения и работе с экспертными информационно-поисковыми системами, что позволит экспертам осознанно использовать ИИ-инструменты и критически оценивать их результаты [9; 10; 13].

Вшестых, важна интеграция ИИ-систем в повседневную работу подразделений: от предварительного фильтра подозреваемых образцов до выявления серийных преступлений по совпадающим следам обуви и шин, по аналогии с дактилоскопическими информационными системами [5; 7; 15].

Применение искусственного интеллекта в трасологии отвечает насущным потребностям экспертно-криминалистической деятельности, обусловленным ростом массива исследуемых следов и ограничениями традиционных визуальных методов. Зарубежные полуавтоматические системы кодирования и сравнения следов обуви демонстрируют реальную эффективность при обнаружении совпадений и выявлении серийных преступлений, снижая нагрузку на эксперта и повышая вероятность обнаружения скрытых связей между эпизодами [2–4; 6; 7].

В отечественных условиях уровень автоматизации пока остается невысоким, что связано с отсутствием репрезентативных баз данных, единых стандартов цифровой фиксации, полноценной валидации алгоритмов и нормативного регулирования [1; 5; 11; 15].

Сравнительный анализ научных позиций позволяет заключить, что искусственный интеллект не подменяет эксперта-трасолога, а выступает инструментом повышения объективности, воспроизводимости и доказатель-

ственной значимости трасологических исследований. Реализация обозначенных в статье направлений — создание национальных баз данных, стандартизация цифровой фиксации, проведение валидационных исследований, нормативное закрепление применения ИИ-систем и подготовка специалистов — создаст предпосылки для безопасной и научно обоснованной интеграции искусственного интеллекта в практику трасологической экспертизы [1; 4–8; 11].

Литература:

1. Юматов С. В. Перспективы совершенствования трасологических исследований следов обуви // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 75–81.
2. FID — Footwear Impression Database. URL: <https://fid.dmi.unibas.ch> (дата обращения: 29.04.2026).
3. de Boer P. et al. The Next Step: A semiautomatic coding and comparison system for forensic footwear impressions // Forensic Science International. 2022. Vol. 337. P. 111360.
4. de Boer P. et al. Technical note: The Next Step — a semiautomatic coding and comparison system for forensic footwear impressions. Preprint. 2024. URL: <https://bohrium.dp.tech/paper/arxiv/35839684> (дата обращения: 29.04.2026).
5. Ross A. et al. Forensic footwear examination: a systematic review of the existing literature. Preprint. 2024. URL: <https://bohrium.dp.tech/paper/arxiv/5924f37c...> (дата обращения: 29.04.2026).
6. TechXplore. How automation is assisting forensic scientists in shoe print identification. 11.02.2024. URL: <https://techxplore.com/news/2024-02-automation-forensic-scientists-identification.html> (дата обращения: 29.04.2026).
7. Automated Shoeprint Matcher System — EverASM. Everspry. URL: <https://en.everspry.com/products/everasm> (дата обращения: 29.04.2026).
8. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник. 2е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИнфраМ, 2019.
9. Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник. М., 1999.
10. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник. СПб.: Издво СКЭС, 2020.
11. Фиксация и изъятие поверхностных и объемных следов ног: учеб.-метод. пособие. Пенза: ПГУ, 2017.
12. Плиев А. Л. Криминалистическая трасология: учебное пособие. Владикавказ: Владикавказский институт управления, 2012.
13. Методика трасологической экспертизы следов обуви // Криминалистические исследования. 2020.
14. Майлис Н. П. Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.
15. Данилов И. А. Развитие организации ведения трасологических учетов, возможности автоматизации // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: матер. междунар. науч.-практ. конф. СПб., 13 мая 2021 г. СПб.: СПб унт МВД России, 2021. С. 139–148.
16. Кокин А. В. Судебная экспертиза в эпоху четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0) // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 2. С. 29–36.

Трансграничные наследственные споры и медиация в условиях санкционных ограничений

Полубатанова Елизавета Романовна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей работе исследуются актуальные вопросы правоприменения, возникающие в сфере трансграничных наследственных споров в условиях санкционного давления. Выход из затруднительной ситуации автор видит в применении института медиации, который в силу своей специфики и преимуществ способен выступить адекватным регулятором трансграничных частноправовых отношений в тех случаях, когда применение публично-правовых механизмов становится невозможным.

Ключевые слова: трансграничные наследственные споры, медиация, санкционные ограничения.

Современное право развивается в условиях перманентного геополитического напряжения. Санкционные режимы, введенные в последние годы, разрушили привычные механизмы трансграничного взаимодействия, обнажив уязвимость классических институтов частного права. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере наследственных отношений, где пересекаются интересы граждан разных государств, судьбы имущества, разделённого границами, и личные драмы людей, потерявших близких. Традиционные механизмы судебной и нотариальной защиты, рассчитанные на стабильное международное сотрудничество, в условиях санкционной изоляции дают сбой. Имущество, находящееся за рубежом, оказывается заблокированным; наследники лишаются возможности реализовать свои права; коллизионные нормы, призванные определять применимое право, превращаются из инструмента защиты в непреодолимое препятствие. В этой конфликтной среде особую значимость приобретают альтернативные механизмы разрешения споров, среди которых медиация занимает центральное место. Однако сама по себе медиативная процедура не может преодолеть материально-правовые препятствия: невозможность раздела заблокированных активов, отсутствие механизмов временного управления имуществом, неопределённость с исполнением обязательств перед наследниками-нерезидентами.

Анализ действующего правового регулирования позволяет заключить, что современная доктрина международного частного права, как отмечает Э. З. Сакаева, основывается на принципах юридического родства, гражданства, проживания и последнего волеизъявления [7, с. 113]. Однако закреплённая в разделе VI ГК РФ классическая коллизионная модель, предполагающая равноправное взаимодействие правопорядков, утратила фактическую основу в условиях санкционного давления. Ключевое противоречие заложено в статье 1224 ГК РФ [1], отдающей приоритет праву страны последнего места жительства наследодателя. В ситуации, когда это место находится в «недружественном» государстве, коллизионная привязка превращается в препятствие: российский правоприменитель не может установить содержание иностранного права, а выданные акты не признаются. В этой связи возникает вопрос о применении оговорки о публичном порядке (статья 1193 ГК РФ). Блокирование иностранным государством доступа российских наследников к имуществу следует рассматривать как основание для отказа от применения права такого государства, поскольку это противоречит основам российского правопорядка, однако единообразный подход в судебной и нотариальной практике отсутствует.

Дополнительную сложность вносят формулировки статей 1115 и 1153 ГК РФ. Формальное применение императивного правила о месте открытия наследства по последнему месту жительства создаёт парадокс: чем более

известно место жительства наследодателя в «недружественной» стране, тем сложнее наследникам реализовать свои права. Проблема усугубляется в случае «вынужденной релокации», когда российские граждане сохраняют гражданство, но проживают за рубежом, что порождает неопределённость критериев «постоянства» места жительства (статья 20 ГК РФ) [2]. Таким образом, формальное применение коллизионных норм ведёт к нарушению материальных прав наследников, что требует поиска альтернативных механизмов.

Медиация, обладающая, по верному замечанию А. В. Горблюк, универсальным характером и формирующая «общий язык, на котором способны беспретственно общаться друг с другом профессиональные медиаторы из различных стран мира» [4, с. 83], сталкивается с непреодолимыми структурными ограничениями в России. Статья 12 Федерального закона № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3] не учитывает специфику наследственных отношений вне рамок судебного разбирательства: медиативное соглашение требует отдельного судебного утверждения, что нивелирует скорость процедуры. В контексте трансграничных отношений данное обстоятельство усугубляется отсутствием механизмов признания медиативных соглашений, заключённых с участием иностранных медиаторов. Кроме того, медиативное соглашение не может быть принудительно реализовано в отношении имущества, заблокированного в иностранных депозитариях, так как российские судебные акты не признаются в «недружественных» государствах. В этих условиях медиация, призванная заменить длительное судебное разбирательство, фактически превращается в процедуру, результат которой не имеет механизмов принудительной реализации.

Отсутствие институциональных механизмов наиболее остро проявляется в защите прав на «заблокированное» имущество. Э. З. Сакаева обращает внимание на фундаментальную проблему: «если имущество покойного находится в совместной собственности с наследником из другой страны, то возникают сложности с определением права собственности каждого наследника» [7, с. 114]. В странах англосаксонской системы, не признающих концепцию общей совместной собственности, российский переживший супруг не может выделить свою долю, гарантированную статьей 1150 ГК РФ. Отсутствует механизм «виртуального» выделения супружеской доли с последующим возмещением ее стоимости из иного наследственного имущества. Э. З. Сакаева также обоснованно предупреждает: «наследственное имущество легко может стать объектом мошенничества и быть утрачено вследствие различных мошеннических схем. Из-за глобального уровня наследственных отношений эти риски могут быть еще более высокими» [7, с. 114]. Наиболее показательным примером является институт executor'a (душеприказчика)

в странах общего права, наделяемый широкими полномочиями по управлению наследственным имуществом, включая право продажи активов. Российский наследник не имеет эффективных средств контроля за действиями *executor'a*, а обращение в суд «недружественного» государства потребовало бы значительных финансовых затрат.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Коллизийная привязка к месту жительства наследодателя (статья 1224 ГК РФ) в условиях санкционных ограничений трансформируется из инструмента защиты прав в препятствие для их реализации, что требует законодательного закрепления возможности отступления от данной привязки. Оговорка о публичном порядке (статья 1193 ГК РФ) подлежит расширительному толкованию: блокирование иностранным государством доступа российских наследников к наследственному имуществу должно рассматриваться как обстоятельство, при котором применение права такого государства «явно противоречит основам правопорядка Российской Федерации».

Федеральный закон № 193-ФЗ не содержит процессуальных механизмов, позволяющих придать медиативному соглашению по наследственному делу, осложненному иностранным элементом, исполнимость, что делает медиацию малоэффективной для урегулирования трансграничных наследственных споров.

Право пережившего супруга на долю в совместно нажитом имуществе (статья 1150 ГК РФ) в условиях нахождения имущества в юрисдикции, не признающей концепцию общей совместной собственности, является нефункциональным, что требует введения механизма «виртуального» выделения супружеской доли с последующим возмещением ее стоимости. Российское законодательство не предоставляет наследникам эффективных средств защиты от недобросовестных действий иностранных душеприказчиков (*executors*), что создает риск утраты наследственного имущества.

Наконец, медиация в предложенной системе выступает не как самостоятельный способ разрешения спора, а как интегративный инструмент, позволяющий сторонам достичь консенсуса в отношении применения указанных правовых конструкций, который затем облекается в юридически значимую и исполнимую форму. Только соче-

тание гибкости медиативной процедуры с надежностью материально-правовых механизмов способно обеспечить эффективную защиту наследственных прав российских граждан в условиях санкционных ограничений.

Преодоление выявленных проблем видится в создании целостной системы институциональных механизмов, включающих усиление роли медиации как способа разрешения сложившейся затруднительной ситуации.

Так, в частности, речь идет о введении конструкции наследственного номинального держания. Нотариус передает заблокированные активы специальной организации, уполномоченной Правительством РФ, на хранение и управление до снятия санкций, что позволяет решить проблему, когда наследник не может ни вступить в права на имущество, ни отказаться от него, но обязан нести расходы на его содержание (статья 1175 ГК РФ).

Вторым предложением выступает создание трансграничного наследственного синдиката — простого товарищества (глава 55 ГК РФ), в рамках которого наследники объединяются без образования юридического лица, вносят в общее дело свои права на заблокированные активы и совместно управляют ими, распределяя доходы пропорционально долям в наследстве.

Включение в медиативное соглашение третейской оговорки — условия о передаче возможных будущих споров в постоянно действующий арбитраж в России — позволит сохранить конфиденциальность и выбрать арбитров со специальными знаниями в области наследственного права и международных санкций.

Четвертым предложением выступает использование наследственного опциона (статья 429.3 ГК РФ) или безотзывной оферты (статья 436 ГК РФ), позволяющих наследнику, желающему получить актив целиком, но не имеющему сейчас средств, выкупить долю другого наследника в будущем по фиксированной цене.

Пятым предложением является оформление наследственной доверенности с отлагательными полномочиями на профессионального управляющего в стране нахождения актива, где текущие полномочия (уплата налогов, поддержание имущества) действуют немедленно, а распорядительные полномочия вступают в силу только при наступлении определенных условий (согласие всех наследников или снятие санкций).

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026).
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ, 02.08.2010, № 31, ст. 4162.
4. Горблюк, А. В. Зарубежный опыт применения процедуры медиации / А. В. Горблюк // StudNet. — 2020. — Т. 3, № 10. — С. 83. — EDN UМУQНВ.
5. Сакаева, Э. З. Наследственные отношения в международном частном праве / Э. З. Сакаева // Мир науки и мысли. — 2023. — № 3. — С. 112–115. — EDN GRVWUS.

6. Беккер А. Некоторые проблемы наследственных трансграничных споров // Цивилистика. — 2022. — Т. 1, № 1. — С. 78–100.
7. Брисберг С. А. Медиация в наследственных и семейных спорах // XVII итоговая студенческая научная конференция: Сборник статей конференции. В 4-х томах, Санкт-Петербург, 02 апреля 2025 года. — Санкт-Петербург: Всероссийский государственный университет юстиции, 2025. — С. 41–46.
8. Вершинина Е. В., Фокина А. Д. Проблемы определения применимого права в делах о наследовании по закону России и зарубежных странах // Московский журнал международного права. 2017. № 1. С. 110–122. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-1-110-122.
9. Заболотская А. О. Применение медиации в наследственных спорах // Шакуровские чтения: II Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов, Казань, 17 мая 2024 года. — Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2024. — С. 367–371. — EDN AICNMN.
10. Папко Е. Б. Коллизионные вопросы наследственных отношений в международном частном праве // Правовой порядок и юридическая деятельность: Сборник научных статей IV Всероссийской национальной конференции студентов, магистрантов и молодых ученых, Ростов-на-Дону, 10 февраля 2025 года. — Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2025. — С. 268–270. — EDN ZBROLY.
11. Фирсова А. А., Мисеев В. А. Сравнительный анализ законодательства различных стран в сфере наследственных отношений: влияние международного частного права на наследственные споры // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. — 2025. — № 6. — С. 266–276. — EDN ZZAPFM.
12. Халецкая Т. М. О возможности применения медиации для разрешения наследственных споров // Новеллы права и политики 2017: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Гатчина, 01 декабря 2017 года. Том 1. — Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2018. — С. 161–165.

Правовые механизмы защиты от дискриминации при трудоустройстве в РФ: проблемы реализации

Пономарёв Александр Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Межидова Тамуса Умаровна, кандидат политических наук, доцент
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

Статья посвящена анализу правовых механизмов защиты от дискриминации при приёме на работу в Российской Федерации с акцентом на проблемы их практической реализации. Рассматриваются конституционные гарантии, нормы Трудового кодекса РФ (прежде всего ст. 3 и 64), международные стандарты МОТ, а также судебная практика, которая в большинстве случаев остаётся консервативной по отношению к работодателю. Особое внимание уделено типичным проявлениям дискриминации: возрастной, гендерной, территориальной и иным — и причинам, затрудняющим доказывание нарушений: субъективности критериев «деловых качеств», отсутствию презумпции дискриминации, низкой правовой грамотности соискателей и недостаточности санкций. В заключительной части предлагаются направления совершенствования: введение презумпции дискриминации, усиление ответственности, стандартизация процедуры найма и превентивные меры контроля.

Ключевые слова: дискриминация при трудоустройстве, защита трудовых прав, ст. 64 ТК РФ, деловые качества работника, судебная практика, презумпция дискриминации, возрастная дискриминация, гендерная дискриминация, бремя доказывания, Государственная инспекция труда.

Legal mechanisms for protection against discrimination in employment in the Russian Federation: implementation problems

Ponomarev Alexander Vladimirovich, master's student

Scientific advisor: Mezhidova Tamusa Umarovna, phd in political science, associate professor
Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

This article analyzes legal mechanisms for protection against discrimination in employment in the Russian Federation, focusing on the challenges of their practical implementation. It examines constitutional guarantees, provisions of the Russian Labor Code (primarily Articles 3 and 64), international ILO standards, and judicial practice, which in most cases remains conservative with

respect to employers. Particular attention is paid to typical manifestations of discrimination—age, gender, geographic location, and others—and the reasons complicating the proof of violations: the subjectivity of «business qualities» criteria, the absence of a presumption of discrimination, the low legal literacy of job seekers, and the inadequacy of sanctions. The concluding section proposes areas for improvement: introducing a presumption of discrimination, strengthening liability, standardizing hiring procedures, and preventive control measures.

Keywords: *employment discrimination, protection of labor rights, Article Article 64 of the Labor Code of the Russian Federation, professional qualities of an employee, judicial practice, presumption of discrimination, age discrimination, gender discrimination, burden of proof, State Labor Inspectorate.*

В настоящее время дискриминация остается одним из самых распространенных нарушений прав человека, которое встречается почти во всех сферах жизнедеятельности человека и общества, в том числе и в трудовой, где масштабы проблемы ошеломительные, и это касается не только Российской Федерации, а всего мира, каждое государство сталкивается с ней. В широком смысле дискриминация от латинского *discrimination* — различие — это лишение или ограничение прав человека по какому-либо признаку или мотиву, а в правовой литературе выделяют различные виды в зависимости от сферы. В свете этого особое значение приобретает ее регламентация международными правовыми актами, ведь, как показывают опросы, значительная часть россиян отмечает наличие ограничений при трудоустройстве, особенно по возрасту и полу, хотя официальной статистики по фактам дискриминации нет, а судебных дел по этой теме по-прежнему мало.

Цель исследования — раскрыть правовые механизмы защиты от дискриминации при трудоустройстве в РФ и выявить проблемы их реализации, задачи включают анализ нормативной базы, детальный разбор ст. 64 ТК РФ [6], классификацию видов дискриминации. Методология основана на сравнительно-правовом анализе российского и международного законодательства с учетом судебной практики, опросов и доступных статистических данных, хотя ограничения связаны с отсутствием полной официальной статистики по обращениям в трудовые инспекции, где данные разрознены, и эксперты подчеркивают сложности доказывания, что делает анализ зависимым от доступных источников и требует учета нюансов интерпретации норм.

Переходя к нормативно-правовой базе защиты от дискриминации, в первую очередь стоит сказать о Конституции. Именно она закладывает главные принципы. Часть 2 ст. 19 гарантирует равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств. Запрещаются любые ограничения по социальным, расовым, национальным, языковым или религиозным признакам. Часть 3 той же статьи особо выделяет равные права и возможности мужчин и женщин. А в ч. 3 ст. 37 прямо говорится о вознаграждении за труд без дискриминации [1].

На деле эти нормы часто буксуют — особенно когда ограничения скрыты. Трудовой кодекс развивает кон-

ституционные идеи. Статья 3 закрепляет равные возможности реализации трудовых прав и запрещает любые преимущества или ограничения по полу, расе, национальности, возрасту, месту жительства, семейному положению и другим признакам, не связанным с деловыми качествами. Статья 64 идет дальше и прямо не допускает прямого или косвенного ограничения при заключении трудового договора по тем же основаниям, включая наличие или отсутствие регистрации.

Понятие «деловые качества» Пленум Верховного Суда разъяснил довольно широко — сюда входит и квалификация, и опыт, и здоровье, и личные качества [10]. Но четкого определения самой трудовой дискриминации в кодексе нет. Работодатель может трактовать запрет по-своему. Только Постановление Пленума 2014 года дало более-менее общее понимание — различие, исключение или предпочтение, ведущее к нарушению равенства возможностей, если оно не вызвано особенностями работы или государственной защитой отдельных категорий. Пробелы очевидны: нет презумпции дискриминации, критерии субъективны, защита от этого сильно страдает.

Международные акты тоже важны. Конвенция МОТ № 111 [3] определяет дискриминацию как всякое различие, исключение или предпочтение по признакам расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальности или социального происхождения, если оно нарушает равенство в сфере труда. Исключения возможны только для требований, объективно связанных с работой. Конвенция № 156 [2] дополнительно охраняет работников с семейными обязанностями. Россия эти конвенции ратифицировала, ст. 17 Конституции отсылает к международным нормам. Но на практике единообразия не хватает — слишком много места для разных толкований.

Углубляясь в детальный анализ ст. 64 ТК РФ, в соответствии с ней не допускается какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, в том числе наличия или отсутствия регистрации, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников. Исключением являются

ситуации, в которых право или обязанность устанавливать такие ограничения или преимущества предусмотрены федеральными законами.

Следует отметить, что законодатель не дает четкого понятия «трудовая дискриминация», что приводит к толкованию работодателем в свою пользу, хотя Постановление Пленума ВС РФ 2014 года [9] уточняет ее как различие, исключение или предпочтение, нарушающее равенство возможностей помимо требований труда или заботой государства. Понятие «деловые качества работника» субъективно: способности с учетом профессионально-квалификационных, личностных качеств, здоровья, образования, опыта, что позволяет маскировать дискриминацию под оценочные критерии вроде «опыт» или «динамичность». Сложности доказывания очевидны: бремя на истце по ст. 56 ГПК РФ [4], отсутствие прямых доказательств, формальные отказы, суды часто встают на сторону работодателя. Работодатель обязан предоставить письменное обоснование отказа в трудоустройстве по запросу лица в течение семи рабочих дней. Практика исполнения: часто игнорируется, работодатели мотивируют отсутствием вакансии или качеств, санкции низкие, что снижает эффективность.

Рассматривая виды дискриминации при трудоустройстве, стоит сразу отметить, что наиболее заметными остаются возрастная и гендерная формы. Возрастная дискриминация затрагивает сразу две группы. Молодых специалистов нередко отсеивают из-за отсутствия опыта, хотя требование «молодой специалист с опытом работы» само по себе внутренне противоречиво [19, с. 61]. Работодатели нередко снижают оклад, ссылаясь на льготы по ст. 173–177 ТК РФ, или просто предпочитают кандидатов постарше. С другой стороны, людей предпенсионного и пенсионного возраста часто увольняют первыми или не берут на работу вовсе — отчасти из-за неофициального оформления, отчасти из-за стереотипов о снижении производительности. Скрытые проявления встречаются постоянно: формулировки «динамичный молодой коллектив», «не старше 35», «активный и энергичный» и тому подобные [18, с. 550].

Гендерная дискриминация при приеме на работу особенно заметна в отношении женщин детородного возраста. Работодатели, прекрасно зная о дополнительных гарантиях беременным и матерям малолетних детей, часто предпочитают не связываться с будущими расходами и неудобствами в графике. Л. А. Шатрова ещё много лет назад обращала внимание: многие руководители до сих пор искренне убеждены, что женщина в первую очередь ориентирована на семью, а не на профессиональный рост — и этот стереотип, к сожалению, никуда не делся [20, с. 177]. Отсюда и незаконные вопросы на собеседованиях о планах завести детей или о семейном положении, хотя такие анкеты давно вне закона.

Отказывать беременным или матерям с маленькими детьми формально нельзя, но на практике подобные случаи повторяются постоянно. Гендерные ожидания

проглядывают даже в формулировках вакансий — устойчивое разделение профессий на «мужские» и «женские» никуда не исчезло. М. Давтян считает, что и сам перечень работ, запрещённых для женщин постановлением № 162, по сути, остаётся проявлением дискриминационного подхода [21, с. 334].

Сохраняется и разрыв в оплате. Женщины по-прежнему чаще оказываются на менее оплачиваемых и менее перспективных позициях. Именно рыночные реалии занятости особенно сильно бьют по женщинам — совмещать материнство и полноценную карьеру оказывается слишком тяжело. Думается, в этом и кроется одна из главных причин, почему предубеждения против женщин детородного возраста так живучи [17, с. 37].

Отдельная и довольно распространённая причина отказа — отсутствие регистрации по месту пребывания или жительства, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. Между тем п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 прямо указывает, что такой мотив незаконен и нарушает ст. 27 Конституции.

Инвалиды тоже остаются уязвимой категорией. Закон формально запрещает отказывать по квотам (ст. 13 Закона о занятости [7], ст. 20 Закона о социальной защите инвалидов [8]), однако А. Ушаков справедливо отмечает: многие компании предпочитают заплатить небольшой штраф, чем создавать необходимые условия на рабочем месте. Стереотипы о производительности труда инвалидов продолжают играть негативную роль [16].

Встречаются и другие основания: внешность (лишний вес, татуировки, пирсинг), национальность, язык, состояние здоровья (если нет прямых медицинских противопоказаний). Все эти случаи объединяет одно: ограничение доступа к работе происходит по признакам, не имеющим отношения к деловым качествам.

Переходя к судебной практике, стоит начать с обзора решений Верховного Суда РФ, где позиции высшей инстанции часто задают тон для нижестоящих судов. Например, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2021 по делу № 88–5038/2021 [13] суд рассмотрел случай увольнения работницы, которой за девять лет не выносили взысканий, но вдруг применили три, два из которых оказались незаконными. Высшая инстанция подчеркнула, что такие действия — проявление предвзятого отношения и дискриминации, обязав восстановить работницу. Правовые позиции ВС РФ здесь подчёркивают необходимость проверки на равенство обращения, а обзоры судебной практики, такие как обзор 2022 года по трудовым спорам, рекомендуют учитывать косвенные признаки дискриминации, включая внезапные взыскания перед увольнением. Это уточняет, что формальные основания не всегда спасают работодателя от ответственности.

Практика региональных судов показывает смешанную картину, с успешными кейсами для истцов и типичными ошибками. В Решении Первомайского районного суда г. Омска от 04.08.2017 по делу № 2–1893/2017 [14] соискате-

лю-мужчине отказали в должности продавца из-за внешности, и суд признал это дискриминацией, взыскав компенсацию морального вреда, поскольку манера поведения не относится к деловым качествам. Аналогично, в деле о садовнике с инвалидностью региональный суд расценил отказ по якобы неспособности обрезать кроны деревьев как незаконный, обязав работодателя выплатить компенсацию. Однако типичные ошибки истцов — отсутствие доказательств, как в Апелляционном определении Челябинского областного суда от 14.03.2019 по делу № 11–1822/2019 [11], где суд не нашёл дискриминации из-за недоказанности связи отказа с полом или расой, что привело к проигрышу.

Анализ доказательственной базы показывает, что суды принимают переписку с работодателем, свидетельские показания и аудио/видеофиксацию, но роль текста вакансии остаётся ключевой — дискриминационные формулировки («не старше 35», гендерные намёки) часто становятся решающим аргументом. В деле Кузнецова отсутствие письменного отказа и опора работодателя на телефонный разговор не убедили суд без контраргументов от истца. Переписка фиксирует формальные мотивы, свидетели укрепляют позицию, но без них, как в Решении Поронайского городского суда от 22.10.2018 по делу № 2–1283/2018 (дело Зиманова А. М.) [15], где не было аудио-видео, суд отказывает. Размеры компенсаций морального вреда в успешных случаях обычно от 5 до 100 тысяч рублей — практика определения учитывает степень нравственных страданий, в делах с инвалидами или беременными суммы чаще ближе к верхней границе.

Проблемы реализации правовых механизмов защиты от дискриминации при трудоустройстве в РФ прежде всего связаны со сложностью доказывания. Бремя доказывания лежит на истце, что делает процесс уязвимым — отсутствие прямых доказательств, таких как записи разговоров, часто приводит к отказу в иске. Формальные отказы работодателей, мотивированные «отсутствием вакансии» или «неподходящими качествами», маскируют реальные мотивы, и суды, как в Определении 8-го КСОЮ от 23.11.2023 № 88–22291/2023 [12], где отказ после собеседований признали законным, встают на сторону ответчика без веских контраргументов от истца.

Низкая правовая грамотность усугубляет ситуацию. Работники часто не знают своих прав по ст. 64 ТК РФ, не фиксируют переписку или не требуют письменный отказ, что приводит к неудачам в суде. Страх судебных разбира-

тельств удерживает многих от обращения, особенно когда процесс затягивается, а компенсации малы.

Недостаточность санкций и пробелы в законодательстве добавляют сложностей. Административная ответственность по ст. 5.27 КоАП [5] предусматривает низкие штрафы, от 1 до 5 тысяч рублей для должностных лиц, без уголовной ответственности за дискриминацию. Отсутствие презумпции дискриминации оставляет инициативу за истцом, недостаточная регламентация процедуры найма позволяет неформальные собеседования с незаконными вопросами, что ослабляет защиту.

Предложения по совершенствованию начинаются с законодательных изменений. Введение презумпции дискриминации сдвинет бремя доказывания на работодателя, усиление ответственности через повышение штрафов сделает нарушения дороже. Детализация понятия «деловые качества» в ст. 3 ТК РФ уточнит критерии, минимизируя субъективность.

Процессуальные механизмы требуют облегчения бремени доказывания для истца, например, через стандартизацию процедуры найма с обязательной фиксацией собеседований. Это сделает процесс прозрачнее, уменьшив роль неформальных факторов.

Превентивные меры включают обучение HR-специалистов антидискриминационным нормам, разработку этических кодексов в компаниях. Внедрение систем анонимизации резюме поможет избежать предвзятости по возрасту или полу. Усиление контроля подразумевает расширение полномочий инспекции труда для проверок объявлений о вакансиях и мониторинга сайтов по трудоустройству, что предотвратит нарушения на ранних этапах.

Выявленные проблемы — сложность доказывания, пробелы в законодательстве, низкая грамотность и слабые санкции — делают защиту от дискриминации при трудоустройстве в РФ малоэффективной. Ключевые направления совершенствования — введение презумпции дискриминации, усиление ответственности, стандартизация найма и превентивные меры. Прогноз развития правового регулирования осторожно-оптимистичный: при учёте международного опыта возможен переход к специализированным механизмам рассмотрения жалоб. Соискателям же остаётся полагаться на тщательную фиксацию всех этапов общения с работодателем и оперативное обращение в Государственную инспекцию труда — это пока наиболее реальный способ повысить шансы на защиту своих прав.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 4 июля 2020 г. № 144.
2. Конвенция № 156 Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 32. — Ст. 3284.
3. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. — 1961. — № 44. — Ст. 448.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 3.
7. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 51. — Ст. 9138.
8. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 48. — Ст. 4563.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // Российская газета от 7 февраля 2014 г. № 27.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (ред. от 09.12.2025) // Российская газета от 8 апреля 2004 г. № 72.
11. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 14.03.2019 по делу № 11-1822/2019 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=181648#SOrRY9V0i6MDEQNx1> (дата обращения: 26.01.2026).
12. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.11.2023 № 88-22291/2023 // Клерк [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.klerk.ru/doc/592201/> (дата обращения: 26.01.2026).
13. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2021 № 88-5038/2021 по делу № 2-1064/2020 // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=33832#TctOY9VwMD2ycQIy> (дата обращения: 26.01.2026).
14. Решение Первомайского районного суда г. Омска от 03.08.2017 № 2-1893/2017 2-1893/2017~М-2027/2017 М-2027/2017 по делу № 2-1893/2017 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8HbAD9u5ZQYp/> (дата обращения: 26.01.2026).
15. Решение Поронайского городского суда от 21.10.2018 № 2-1283/2018 2-1283/2018~М-1062/2018 М-1062/2018 по делу № 2-1283/2018 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронные ресурсы]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZwqL7IYX05QP/> (дата обращения: 26.01.2026).
16. Добрикова Е. Дискриминация в сфере труда, или Власть стереотипов // Гарант [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/article/1127456/> (дата обращения: 26.01.2026).
17. Ирсетская Е. А. Проблемы гендерной дифференциации на рынке труда РФ // Наука. Культура. Общество. — 2022. — Т. 28. — №. S2. — С. 36–45.
18. Мазин А. Л. Трудовая дискриминация в новых условиях: проблемы и вызовы // Экономика труда. — 2025. — Т. 12. — №. 4. — С. 549–566.
19. Минкина Н. И., Дорохова О. А. Трудовая дискриминация в России: определение, проявления и противодействие // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации. — 2023. — №. 1 (22). — С. 60–65.
20. Негорожина А. А. Дискриминация женщин в сфере трудовых отношений // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. — 2021. — С. 176–178.
21. Редков Н. А. Дискриминация в сфере труда // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24. — №. 2. — С. 333–337.

Зарубежный опыт сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)

Попов Данила Александрович, студент магистратуры
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

В статье автор исследует зарубежный опыт и политику иностранных государств в области сохранения объектов культурного наследия.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, памятники, зарубежный опыт, законодательство, право.

Зарубежный опыт сохранения объектов культурного наследия включает разнообразные подходы — от международного регулирования и законодательных инициатив до государственно-частного партнёрства и программ экономического стимулирования.

Международно-правовое регулирование

Рассматривая зарубежный опыт охраны объектов культурного наследия нельзя не обратить внимание на роль международных организаций, а в частности Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений, в частности Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, более известное простому обывателю под своим сокращенным наименованием ЮНЕСКО [1].

Среди наиболее значимых документов, регулирующих международные отношения в части охраны памятников истории и культуры, можно выделить следующие акты:

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 год). Закрепила концепцию выдающейся универсальной ценности объектов, учредила Комитет и Фонд всемирного наследия, сформировала Список всемирного наследия.

Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954 год). Ввела систему «общей» и «специальной» защиты, определила понятие «культурные ценности», установила обязательства государств по их сохранению в мирное время и защите в период конфликта.

Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970 год). Направлена на противодействие нелегальному обороту культурных ценностей, особенно в контексте деколонизации.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия (2003 год). Включила в предмет правовой охраны устные традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды и связанные с ними знания и навыки.

Указанные международные правовые акты регулируют широкий круг вопросов и в первую очередь направлены на сохранение исторического достояния человечества.

Обращаясь к конкретным примерам зарубежного опыта охраны объектов культурного наследия, мы

в первую очередь должны обратить внимание на Французскую Республику, страну с богатейшим культурным наследием, включающем в себя образцы архитектуры Древнего Рима, средневековой Франции и Франции эпохи Возрождения и нового времени.

Как отмечается рядом исследователей [2], Франция стала первой европейской страной, которая ввела государственную политику охраны объектов культурного наследия.

С 1830 года, когда был образован первый государственный орган охраны объектов культурного наследия — Генеральная инспекция по охране памятников, Французская Республика смогла накопить обширный опыт в части сохранения памятников истории и культуры.

Основу охранных мероприятий объектов культурного наследия во Франции составляет установление охранных зон с особым правовым режимом, в границах указанной зоны располагаются объекты культурного наследия, включенные в специальный реестр, если указанные памятники расположены на государственной земле, то включение указанных объектов в реестр осуществляется по инициативе министра по делам культуры, в то же время, если объект культурного наследия или земля на которой он расположен, находятся в частной собственности, то для включения такого объекта культурного наследия в реестр требуется согласие правообладателя.

Указанное достаточно ярко демонстрирует различие в подходах к сохранению исторического наследия между Россией и Францией.

Как следует из положений Федерального закона от 25.06.2022 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ), собственник или иной законный владелец объектов культурного наследия лишен какой-либо возможности повлиять на решение о включении/ невключении объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — ЕГРОКН) [3].

Следует отметить, что включение объекта культурного наследия в ЕГРОКН налагает на его правообладателя значительное бремя по сохранению принадлежащего ему объекта, в частности, на правообладателя объекта культурного наследия налагается обязанность по проведению мероприятий по его сохранению, что следует из статей 40 и 45 Федерального закона № 73-ФЗ.

Другим примером богатого на памятники истории и культуры государства является Италия, которая возглавляет список Всемирного наследия ЮНЕСКО по числу находящихся на ее территории памятников истории и культуры [4].

Подобное не может не требовать особого подхода от государства к охране своего богатого культурного наследия, в связи с чем охрана памятников истории и культуры является одним из приоритетных направлений государственной политики Италии.

Италия была в числе первых стран, сформировавших концепцию охраны культурного наследия, так закон Италии «Об охране предметов, представляющих художественный и творческий интерес», был принят в 1939 году, а в Конституции Италии было провозглашено, что Итальянская Республика должна содействовать развитию куль-

туры и научных исследований и должна заботиться об историческом и культурном наследии страны.

В настоящий момент в Италии широкое распространение получил опыт взаимодействия государства и общественных организаций деле охраны памятников, как отмечается рядом исследователей, общественными организациями и иными частными инвесторами, в бюджет Италии на цели охраны памятников истории и культуры, по состоянию на конец XX и начало XXI века, было внесено порядка 61 миллиона евро.

Подобное побудило государство стимулировать дальнейшее привлечение частных инвестиций и в настоящий момент значительное число объектов культурного наследия находится в частном владении и используется в хозяйственной деятельности.

Литература:

1. Соколова, А. С. Вклад ЮНЕСКО в сохранение всемирного культурного наследия / А. С. Соколова. — Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 11.
2. Литвинова, О. Г. Зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия / О. Г. Литвинова, Л. С. Романова. — Текст: непосредственный // Вестник ТГАСУ. — 2009. — № 1.
3. Федеральный закон от 25.06.2022 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс;
4. Боголюбова, Н. М. Охрана культурного наследия: международный и российский опыт / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. — Текст: непосредственный // Вестник СПбГИК. — 2014. — № 41.

Существующие проблемы реализации прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела

Прошев Егор Петрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Черненко Михаил Данилович, кандидат юридических наук, доцент

Государственный университет «Дубна» (Московская область)

В статье рассматриваются существующие проблемы реализации прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела. В частности, рассматриваются следующие аспекты: проведение прокурором систематических проверок законности при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; надзор в отношении продления срока рассмотрения сообщения о преступлении; проблема неоднократных отмен прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела; надзор незаконного возбуждения уголовных дел; надзор своевременности поступления прокурору процессуальных решений, принятых в ходе проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: прокурорский надзор, органы дознания, стадия возбуждения уголовного дела, прием, регистрация и разрешения сообщения о преступлении.

Existing problems in the implementation of procuratorial supervision of the enforcement of laws by bodies conducting initial inquiries at the stage of initiating criminal proceedings

Proshev Yegor Petrovich, master's student

Scientific advisor: Chernenko Mikhail Danilovich, phd in law, associate professor

State University «Dubna» (Moscow Oblast)

The article discusses existing problems in the implementation of procuratorial oversight of the enforcement of laws by the body conducting initial inquiries at the stage of initiating criminal proceedings. In particular, the following aspects are covered: systematic

review by the prosecutor of the legality of receiving, recording and resolving crime reports; supervision of extension of time limit for examination of a crime report; The problem of the prosecutor's repeated rejection of decisions to initiate criminal proceedings; control over the initiation of unlawful criminal cases; and control over the timeliness of procedural decisions taken by the prosecutor during the examination of a crime report.

Keywords: *procuratorial supervision, bodies of inquiry, stage of initiation of criminal proceedings, reception, registration and authorization of a crime report.*

Необходимо признать, что обеспечение законности в современное время невозможно представить без прокурорского надзора и его отличие от контроля выражается в том, что он осуществляется вне системы поднадзорных органов. Прокурор в рамках надзора выявляет нарушения и обращает внимание поднадзорных субъектов на их устранение.

Одним из самостоятельных направлений прокурорского надзора, предусмотренных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [1], является надзор за исполнением законов органами дознания.

Деятельность органа дознания играет важное значение для всего досудебного производства, так как именно на данном этапе дается предварительная уголовно-правовая оценка событиям произошедшего и результат расследования оформляется обвинительным актом при дознании (ст. 225 УПК РФ) или обвинительным заключением при следствии (ст. 220 УПК РФ) [2]. В этой связи ошибки, допущенные на данной стадии способны повлечь серьезные последствия, в том числе речь идет и о необоснованном привлечении лица в качестве обвиняемого, незаконном применении мер пресечения, незаконном привлечении к уголовной ответственности и т. д.

В этой связи законность и обоснованность действий органа дознания всегда должна находиться под постоянным прокурорским надзором, чтобы допущенные ошибки на предварительной стадии расследования не приводили к серьезным последствиям в области прав и интересов граждан.

Именно поэтому прокурорский надзор имеет важное значение в данном вопросе и его не стоит сводить к ведомственному контролю либо к разовому реагированию.

Прокурорский надзор за деятельностью органов дознания в ходе досудебного производства целесообразно рассматривать применительно к каждому его этапу отдельно: прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания на стадии возбуждения уголовного дела и прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания на стадии предварительного расследования. В настоящем исследовании речь пойдет о первом случае.

Прокурор на этапе возбуждения уголовного дела осуществляет надзор по следующим трем направлениям:

- прием и регистрация сообщений о преступлении;
- принятие решения о возбуждении уголовного дела;
- принятие решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Так, прокурорский надзор на данной стадии начинается с момента приема, регистрации и разрешения со-

общения о преступлении — это прямо вытекает из положений ст. 29 ФЗ «О прокуратуре РФ». Необходимость надзора на данном этапе обусловлена также и актами ведомственного характера, где устанавливается, что все сообщения о преступлениях круглосуточно подлежат обязательному приему, причем неполнота сведений, неверная форма не могут служить основаниями в отказе [3].

Надзор за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания регламентируется Приказом Генпрокуратуры России от 23.10.2023 № 730 [4].

П. 1 данного приказа требует, чтобы прокуроры проводили соответствующие проверки в данном направлении систематически и устанавливает минимум — не реже 1 раза в месяц, однако если были обнаружены сведения, свидетельствующие о нарушениях, то проверка производится безотлагательно. Данное положение представляет собой важность по той причине, что именно дознаватели чаще всего принимают сообщения о преступлениях, следовательно, здесь присутствует крайне высокий риск того, что преступление может быть скрыто от учета, может произойти затягивание срока, вынесение необоснованного решения и т. д. [5, с. 240].

В то же время ежемесячная проверка не является, на наш взгляд, достаточной с целью своевременного выявления и реагирования на нарушения. Представляется верным закрепить в подзаконном акте дифференцированный подход: проверки по общему правилу должны проводиться не реже 1 раза в 10 суток, а при наличии признаков повышенной загруженности, сведений о систематических нарушениях и других обстоятельств — не реже 1 раза в неделю. Именно такой подход будет направлен на усиление превентивной роли прокурорского надзора за законностью при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

Соответствующий подзаконный акт обращает свое внимание не только на само итоговое решение, по поступившему сообщению, о совершении преступления, но и на весь предшествующий ему механизм процессуального реагирования. В том числе в п. 1.1 анализируемого приказа требуется, чтобы прокурор анализировал не было ли заявителю применено незаконное воздействие, если в процессе заявитель изменил свое обращение или отказался от него. В целом данное положение в очередной раз показывает реальную направленность прокурора на охрану и защиту прав и интересов человека. Дело в том, что отказ от своего заявления может быть воспринят дознавателем как формальное основание для отказа в воз-

буждении уголовного дела, однако за этим может скрываться принуждение, давление и иные способы оказания воздействия на волю заявителя.

В п. 1.2–1.4 Приказа Генпрокуратуры России от 23.10.2023 № 730 содержится положения, посвященные срокам проверки сообщений. Как известно, по правилам ст. 144 УПК РФ, решение о поступившем сообщении выносится в течение 3 суток, далее данный срок может быть продлен до 10 суток, а в определенных случаях до 30 суток. Анализируемый приказ уточняет, что срок продлевается не автоматически на 10 или 30 суток, конкретный срок определяет прокурор исходя из реально проведенных и действительно необходимых проверочных действий. Следовательно, продление срока в данном случае не превращает такую процедуру в формальность.

Однако нами предлагается улучшить действующее правовое регулирование. Необходимо в ч. 3 ст. 144 УПК РФ закрепить, что для продления срока рассмотрения сообщения о преступлении необходимо в ходатайстве отразить следующее: какие действия уже были совершены, какие не были и по каким причинам следователь/дознатель не успел их произвести, почему проведение новых действий так необходимо для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела, в какой срок можно будет провести такие действия.

Тогда как в п. 1.4 рассматриваемого приказа необходимо закрепить, что прокурор, разрешая ходатайство дознавателя о продлении срока проверки сообщения должен проверить полноту и достоверность изложенных в нем сведений, а также реальность срока, который запрашивается дознавателем для проведения новых проверочных действий.

Помимо прочего, на практике также существует проблема неоднократных отмен прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [6, с. 197]. Дело в том, что положения ч. 6 ст. 148 УПК РФ нисколько не решают данную проблему: дознаватель, орган дознания могут многократно выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а прокурор их также может многократно отменять и все это может продолжаться по кругу. Приказ Генеральной прокуратуры России от 23 октября 2023 г. № 730 обращает внимание на проблему, однако также не решает ее, ограничиваясь в п. 1.3 формулировкой «обеспечить действенный надзор за разрешением материалов». В этой связи необходимо закрепить у прокурора ограниченное право возбуждать уголовные дела применительно к случаю повторяющегося отказа в возбуждении уголовного дела органом дознания [7, с. 79].

Таким образом, предлагается для решения существующей проблемы внести определенные изменения в ч. 6 ст. 148 УПК и установить, что после второй отмены прокурором постановления органа дознания или дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела материалы дела изымаются и передаются другому дознавателю либо в иной орган предварительного расследования по правилам подследственности, и если и в этот раз происходит отмена в возбуждении уголовного дела, однако материалы

дела явно указывают на наличие признаков преступления, то прокурор имеет право возбудить уголовное дело. Как нам кажется, именно такой механизм позволит одновременно сохранить процессуальную самостоятельность дознания, а также не допустить нарушение прав и интересов гражданина, когда происходит неправомерный отказ в возбуждении уголовного дела.

Примечательно отметить, что Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2023 № 730 ориентирован не только на контроль отказных решений, но и на контроль незаконного возбуждения уголовных дел. Так, п. 1.14 данного приказа отмечает необходимость пресекать возбуждение уголовных дел в отношении неустановленных лиц, если присутствуют достаточные основания, которые указывают на то, что конкретное лицо совершило такое преступление. Также устанавливается, что возбужденное уголовное дело подлежит отмене, если присутствует существенное нарушение положений УПК РФ, которые влекут незаконное привлечение лица к ответственности либо признание доказательств недопустимыми. В целом норма весьма положительна и сконструирована достаточно аккуратно для соблюдения баланса между чрезмерным вмешательством и пресечением необоснованного уголовного преследования, но в то же время норма содержит в себе оценочные категории «существенное нарушение», которое может породить злоупотребления. В этой связи необходимы соответствующие разъяснения, указывающие на ситуации, когда нарушение будет признаваться существенным [8, с. 258].

Также прокурор на данной досудебной стадии контролирует своевременность поступления ему процессуальных решений, принятых в ходе проверки сообщения о преступлении. Положения ч. 4 ст. 146 УПК РФ требуют, чтобы копия постановления о возбуждении уголовного дела направлялась прокурору незамедлительно, тогда как в ч. 4 ст. 148 УПК РФ при отказе в возбуждении уголовного дела установлен конкретный срок — в течение 24 часов с момента его вынесения. Данное положение крайне важно, так как лишь с момента получения данных документов прокурор может провести анализ и соответствующим образом отреагировать. Положения п. 1.10 Приказа Генпрокуратуры России от 23 октября 2023 г. № 730 предписывают прокурора оперативно реагировать на нарушения соответствующих положений УПК РФ.

Прокурор должен достаточно быстро получать информацию о решении дознавателя, чтобы у него была возможность также быстро пресекать имеющие место быть нарушения. В то же время нами предлагается усилить существующее правовое регулирование и предусмотреть также и отправку электронной копии постановления дознавателю. То есть внедрение электронного документооборота в данной сфере позволило бы повысить прозрачность деятельности органов власти (как органа дознания, так и прокуратуры), а также способствовало бы более оперативному обмену информации и как итог более эффективной защите прав и свобод граждан.

Литература:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29 декабря 2025 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 8. — Ст. 366.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
3. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. — 2014. — № 260.
4. Приказ Генпрокуратуры России от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461486/ (дата обращения: 14.04.2026 г.)
5. Мурсалимов Ф. И. Прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2021. — №. 1 (53). — С. 239–244.
6. Лоптева А. В. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие и дознание // Право и правопорядок: приоритетные направления развития: сборник научных трудов. — Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2019. — С. 196–202.
7. Сахвалиева Д. Е. Прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания на досудебных стадиях уголовного процесса // Научные горизонты. — 2022. — №. 1. — С. 78–81.
8. Норбо-Самбуев, Б. Б. Проблемные аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Современная юриспруденция: правовая мысль и правоприменительная практика: материалы Всероссийской студенческой научной конференции, Иркутск, 13 апреля 2024 года. — Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024. — С. 258.

Роль ответственности в подрядных отношениях

Савина Анна Андреевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья исследует значение гражданско-правовой ответственности в правоотношениях, возникающих при исполнении договоров подряда. Были обозначены основные аспекты законодательства в данной сфере и выявлены некоторые проблемы применения института гражданско-правовой ответственности на практике.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, результат работ, строительство, объект, договор, деликт, срок выполнения работ, качество работ, подрядчик, заказчик, Гражданский кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ.

Понятие и правовая природа гражданско-правовой ответственности в подрядных отношениях определяются спецификой обязательств по договору подряда. Подряд представляет собой разновидность договорных конструкций, направленных на создание материального результата с передачей его заказчику.

Данные положения обуславливают повышенные требования к качеству, срокам и ответственности подрядчика. Рассматриваемый институт выступает ключевым механизмом обеспечения баланса интересов сторон, стимулируя добросовестное исполнение [9].

Ответственность по договору подряда четко отграничивается от смежных конструкций, таких как договор поставки и договор возмездного оказания услуг.

Разграничение осуществляется на основании такого критерия, как объект, т. е. создание материального результата с индивидуальной определенностью, подлежащего передаче в собственность заказчика.

Договор поставки предполагает отчуждение существующего товара без его изготовления по индивидуальному проекту. В данном случае ответственность продавца ограничивается качеством готового продукта, не распространяется на этап выполнения работы. Отграничение проводится в связи с отсутствием производственного процесса. Это исключает применение правовых норм о приемке работы и гарантийных сроках подряда. Нарушение поставщиком сроков влечет неустойку, но не предусматривает его ответственность за метод исполнения.

Договор возмездного оказания услуг отличается наличием нематериального результата. Предметом договора является действие исполнителя без передачи вещи. Ответственность исполнителя за некачественное оказание услуг носит общий характер. Она не распространяется на этап приемки результата как объекта собственности, а также не предусматривает гарантийных обязательств [6].

Нормативно-правовая основа гражданско-правовой ответственности в подрядных отношениях формируется многоуровневой системой правовых норм.

Прежде всего следует выделить положения Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ), которые выступают основным источником. Они дополняются специальным законодательством и техническими стандартами. Гражданский кодекс РФ устанавливает общие и специальные положения об ответственности.

Например, ответственность наступает в случае ненадлежащего качества, нарушения сроков, причинения вреда при выполнении.

Дополнительно к положениям ГК РФ применяются нормы Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании», которые устанавливают обязательные требования к безопасности и качеству работ. В соответствии с ними определяется ответственность за несоответствие техническим регламентам. Такое несоответствие выступает основанием для отказа в приеме и взыскания убытков [7].

Стандарты качества, государственные стандарты (ГОСТы), строительные нормы и правила (СНиП), своды правил являются обязательными при отсутствии иных условий договора. В них установлены критерии приемлемости результата. Нарушение стандартов влечет объективную ответственность подрядчика.

При осуществлении правового регулирования договорных отношений строительного подряда применяются также нормы Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГрК РФ), Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Они усиливают субсидиарную ответственность генерального подрядчика за субподрядчиков. Договорная ответственность при обеспечении выполнения подрядных обязательств способствует стабилизации, стимулирует подрядчика к добросовестному исполнению работ путем введения для него комплекса санкций, направленных на восстановление нарушенных интересов заказчика и предупреждение будущих нарушений [8].

Ответственность за ненадлежащее качество работ представляет собой ключевой элемент договорной ответственности в подряде. Она прямо предусмотрена положениями ст. 723 ГК РФ.

В соответствии с данными положениями заказчик в случае несоответствия результата работ условиям договора обладает правом обязать подрядчика безвозмездно исправить дефекты в разумный срок за свой счет, что подразумевает полное устранение недостатков.

Данный механизм имеет приоритет, поскольку сокращает дополнительные расходы заказчика и способствует оперативному восстановлению нарушенных прав.

Заказчик также вправе потребовать соразмерного уменьшения цены выполненной работы пропорционально выявленным недостаткам либо возмещения понесенных расходов в связи с привлечением третьих лиц для устранения дефектов [5].

Презумпция вины подрядчика при обнаружении дефектов в разумный срок после приемки облегчает бремя доказывания. На подрядчика возлагается обязанность доказать обстоятельства непреодолимой силы либо вины заказчика.

Ответственность за нарушение сроков выполнения работ возникает в связи с просрочкой сдачи результата. Неустойка начисляется за каждый день просрочки в размере, установленном договором. В случае существенной просрочки заказчик вправе отказаться от договора с возвратом аванса и возмещением расходов при устранении недостатков за свой счет. Возмещение убытков включает в себя компенсацию реального ущерба, а также дополнительных издержек.

Гарантийные обязательства подрядчика продлевают действие ответственности на фиксированный период. В течение срока действия гарантии проявившиеся дефекты должны быть устранены за счет подрядчика.

Содержание гарантии включает бесплатное устранение дефектов, замену или возврат оплаты. Постгарантийная ответственность сохраняется в случае обнаружения грубых нарушений.

В науке гражданского права гарантия рассматривается как специфический признак подряда.

Деликтная ответственность в подрядных отношениях представляет собой внедоговорную форму гражданско-правовой ответственности. Она возникает в связи с причинением вреда имуществу, а также за скрытые дефекты работы. Деликтная ответственность дополняет договорную ответственность, обеспечивая защиту абсолютных прав [4].

Возмещение вреда, причиненного при выполнении работ по договору подряда, регулируется специальными нормами ГК РФ, в частности ст. 741 ГК РФ. В соответствии с ними подрядчик несет ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков сданного объекта, независимо от вины. Этот механизм распространяется на случаи причинения ущерба имуществу заказчика, третьих лиц или окружающей среде в процессе исполнения.

Установление такого ущерба предусматривает возложение на подрядчика полного возмещения убытков. Подрядчик отвечает солидарно с лицом, предоставившим материалы, а компенсация вреда третьим лицам осуществляется по правилам ст. 1064 ГК РФ.

Ответственность за дефекты скрытого характера, не выявленные при приемке и обнаруженные после истечения гарантийного срока, носит смешанный характер. Это обусловлено переходом рассматриваемых отношений

из сферы договорной ответственности во внедоговорную по истечении разумного срока. Скрытые дефекты (т. е. конструктивные недостатки, которые невозможно установить без экспертизы) рассматриваются как существенные, если они влекут за собой непригодность результата [2].

Объективная ответственность за вред, причиненный источниками повышенной опасности, является примером деликтной ответственности в подрядных отношениях. Строительная техника, краны, экскаваторы, взрывные работы, механизмы и промышленные процессы признаются такими источниками по своей природе. Ответственность наступает независимо от вины, предусматривает полное возмещение вреда.

Доказывание обстоятельств, порождающих ответственность по договору подряда, служит первичным механизмом реализации. Центральное место занимает судебная или внесудебная экспертиза качества работ. Она позволяет установить дефекты, причины и размер ущерба.

Согласно п. 5 ст. 720 ГК РФ, экспертиза обязательна при спорах о ненадлежащем качестве, если сторона оспаривает акт приемки или дефекты. Экспертиза проводится лицензированными учреждениями, которые фиксируют несоответствие СНИП, ГОСТам или проектной документации, выдают заключение о непригодности результатов работы. Заказчик вправе назначить экспертизу за свой счет с последующим взысканием расходов с подрядчика [3].

Солидарная и субсидиарная ответственность служит механизмом распределения рисков. Это гарантирует заказчику взыскание убытков вне зависимости от внутренних отношений подряда.

Генеральный подрядчик несет солидарную ответственность перед заказчиком за весь результат работ, включая действия субподрядчиков. Это позволяет требовать полного удовлетворения с его последующим регрессом.

Субсидиарная форма ответственности особенно актуальна при неплатежеспособности субподрядчика, когда генподрядчик отвечает дополнительно своим имуществом в случае невозможности уплаты убытков основным должником [1].

В связи с этим в строительном подряде механизмы реализации ответственности связаны с применением положений ГК РФ, специальных положений гл. 37 ГК РФ и иных федеральных законов. Их применение обусловлено повышенной общественной опасностью объектов.

Государственный и муниципальный контроль за строительством регулируется ст. 53–55 ГК РФ, которые устанавливают порядок надзора за соблюдением требований технических регламентов и проектной документации.

Ответственность подрядчика за ненадлежащее исполнение договора строительного подряда закреплена ст. 754–756 ГК РФ. В частности, ст. 754 ГК РФ обязывает подрядчика выполнить работы в соответствии с проектной документацией, а ст. 756 ГК РФ предусматривает его ответственность за недостатки, обнаруженные после сдачи объекта.

Ст. 740 ГК РФ (договор строительного подряда) включает условия о соблюдении требований безопасности, нарушение которых может повлечь административную ответственность (например, по ст. 9.4 КоАП РФ) или уголовную ответственность (например, по ст. 216 УК РФ — нарушение правил безопасности при строительных работах).

Судебная практика подтверждает строгий подход к взысканию ущерба за строительные дефекты; в частности, постановлением Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 23.07.2009 № 54 разъяснено, что подрядчик несет ответственность за недостатки, возникшие как во время строительства, так и после сдачи объекта.

Проблемы применения гражданско-правовой ответственности в подрядных отношениях связаны со сложностью технологических процессов и конфликтом интересов сторон. Они приводят к затяжным спорам и снижению эффективности института гражданско-правовой ответственности.

Типичные споры в подрядных отношениях сосредоточены вокруг злоупотреблений правами заказчика, необоснованным отказом в приемке и завышении убытков. Злоупотребление правами заказчика проявляется в необоснованном отказе от приемки при обнаружении мелких дефектов либо в привлечении третьих лиц для «самостоятельного» исправления с завышением расходов. Необоснованный отказ в приемке, несмотря на соответствие работ стандартам (ГОСТам, СНИП), используется для уменьшения цены.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность обеспечивает стабильность подрядных отношений, объединяет в себе договорные и деликтные механизмы. Тем самым обеспечивается качество, сроки и безопасность материального результата.

Литература:

1. Дерюгина Т. В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда // *Власть Закона*. — 2018. — № 1. — С. 31–39.
2. Богданов Д. Е., Богданова С. Г. Проблема полифункциональности гражданско-правовой ответственности: сравнительно-правовой аспект // *Гражданское право*. — 2018. — № 6. — С. 32–35.
3. Пискунова Н. И., Целовальникова И. Ю. Общие положения о гражданско-правовой ответственности // *Современный юрист*. — 2018. — № 3. — С. 60–65.
4. Ибрагимова А. И. Проблемы совершенствования законодательства в области регулирования мер гражданско-правовой ответственности и санкций за причинение вреда и убытков нарушениями внедоговорных (деликтных) гражданско-правовых обязательств // *Российская юстиция*. — 2021. — № 2. — С. 58–61.

5. Ковязина Н. М. Убытки как самая распространенная мера гражданско-правовой ответственности // Юрист. — 2021. — № 3. — С. 57–63.
6. Дорожкина Е. В., Емелькина И. А. Договор строительного подряда: проблемы заключения и исполнения в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского частного права: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 24 июня 2016 года. — Саранск : Общество с ограниченной ответственностью «ЮрЭксПрактик», 2016. — С. 60–64.
7. Овсиенко С. С. Договор строительного подряда в гражданском праве / С. С. Овсиенко // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики. Сборник научных статей по материалам Вузовской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25–26 апреля 2019 года. Том 2. — Ростов-на-Дону : Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2019. — С. 326–328.
8. Дерюгина Т. В. О гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, условиях ее наступления и соотношении с деликтными обязательствами // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2024. — № 3. — С. 62–71.
9. Юкша Я. А. Гражданское право. Часть первая: учебное пособие. — 5-е изд. — Москва : РИОР, ИНФРА-М, 2020. — С. 25.

Проблемы распределения ответственности между перевозчиком и цифровым посредником в договоре перевозки пассажира

Сандомирская Анна Юрьевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются проблемы распределения гражданско-правовой ответственности между перевозчиком и цифровым посредником при заключении и исполнении договора перевозки пассажира посредством электронных платформ. Анализируются правовая природа цифровых агрегаторов, особенности оформления электронных билетов, вопросы защиты прав пассажиров и судебная практика по спорам, связанным с возвратом денежных средств, техническими сбоями и ненадлежащим оказанием транспортных услуг.

Ключевые слова: договор перевозки, перевозчик, цифровой посредник, агрегатор, электронный билет, пассажир, гражданско-правовая ответственность, защита прав потребителей, цифровизация, транспортное право.

Введение

Развитие цифровой экономики привело к существенной трансформации механизма оказания транспортных услуг. В настоящее время значительная часть договоров перевозки пассажиров заключается посредством цифровых платформ, мобильных приложений и электронных сервисов бронирования.

На практике пассажиры все чаще сталкиваются с ситуациями, при которых денежные средства списываются с банковской карты, однако билет фактически не оформляется; агрегатор отказывается возвращать денежные средства за отмененный рейс; перевозчик указывает на отсутствие договорных отношений с пассажиром; либо технический сбой цифровой платформы делает невозможным подтверждение права на перевозку.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием четкого законодательного регулирования статуса цифровых агрегаторов в транспортных правоотношениях, а также необходимостью обеспечения эффективной защиты прав пассажиров в условиях цифровизации транспортной сферы.

1. Правовая природа цифрового посредника в транспортных правоотношениях

Согласно ст. 786 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору перевозки пассажира перевозчик обязуется перевезти пассажира в пункт назначения, а пассажир обязуется оплатить установленную плату за проезд [1].

Цифровые посредники обеспечивают взаимодействие между пассажиром и перевозчиком посредством информационных платформ. Такие сервисы фактически участвуют в организации перевозки, принимают оплату и формируют электронные перевозочные документы.

Вместе с тем действующее законодательство не содержит определения правового статуса цифрового посредника в транспортных правоотношениях. На практике агрегаторы указывают, что являются исключительно информационными посредниками и не несут ответственности за исполнение перевозки.

Представляется, что подобная позиция не соответствует фактическому содержанию возникающих правоотношений, поскольку агрегатор принимает непо-

средственное участие в заключении договора перевозки и оказывает влияние на реализацию прав пассажира.

2. Проблемы распределения ответственности между перевозчиком и агрегатором

Наиболее распространенными являются следующие категории споров:

- списание денежных средств без оформления билета;
- технические ошибки при бронировании;
- невозможность возврата денежных средств;
- отмена рейсов;
- отказ в посадке при наличии электронного билета.

На практике пассажир зачастую не имеет возможности определить, какое именно лицо нарушило его права. Перевозчик ссылается на ошибки агрегатора, а агрегатор указывает, что ответственность за перевозку несет исключительно транспортная организация.

Следует учитывать, что пассажир в данных правоотношениях является потребителем транспортной услуги, а потому подлежит повышенной правовой защите в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей» [2].

Отсутствие четкого регулирования способствует снижению уровня защиты прав потребителей, поскольку пассажир оказывается вынужден самостоятельно устанавливать лицо, ответственное за нарушение обязательства.

3. Судебная практика по спорам, связанным с электронными билетами

Анализ судебной практики показывает, что количество споров, связанных с использованием электронных билетов и деятельностью цифровых посредников, ежегодно возрастает.

Суды, как правило, исходят из необходимости обеспечения повышенного уровня защиты пассажира как слабой стороны правоотношения.

В ряде случаев суды возлагают ответственность непосредственно на агрегаторов, если именно их действия привели к невозможности использования билета либо причинению убытков пассажиру.

При этом единообразная судебная практика по вопросу распределения ответственности между перевозчиком и посредником до настоящего времени отсутствует.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».
3. Егорова М. А. Электронный билет как форма договора перевозки пассажира // Журнал российского права. — 2023. — № 6. — С. 45–50.
4. Голубцов В. Г. Ответственность перевозчика в договоре перевозки пассажира и багажа // Журнал российского права. — 2022. — № 7. — С. 36–42.
5. Белов В. А. Проблемы заключения договора перевозки пассажира в цифровую эпоху // Транспортное право. — 2022. — № 4. — С. 28–34.

4. Проблемы законодательного регулирования цифровых транспортных сервисов

Одной из главных проблем современного регулирования является отсутствие комплексного нормативного акта, определяющего правовой статус цифровых посредников в транспортной сфере.

Дополнительной проблемой является отсутствие единых требований к электронным перевозочным документам. На различных видах транспорта применяются разные механизмы оформления и подтверждения билетов.

Серьезное значение имеет проблема защиты персональных данных пассажиров. Для оформления электронного билета пользователь передает значительный объем информации, включая паспортные данные и платежные реквизиты.

5. Перспективы совершенствования законодательства

В целях повышения эффективности защиты прав пассажиров представляется необходимым:

- закрепить правовой статус цифрового посредника;
- установить солидарную ответственность перевозчика и агрегатора;
- разработать единые требования к электронным перевозочным документам;
- усилить требования к защите персональных данных пассажиров;
- создать механизмы досудебного урегулирования споров.

Заключение

Цифровизация транспортной отрасли существенно изменила механизм заключения и исполнения договора перевозки пассажира.

Действующее законодательство не содержит четкого регулирования распределения ответственности между перевозчиком и цифровым посредником, что негативно отражается на уровне защиты прав пассажиров.

Фактическое участие агрегаторов в процессе организации перевозки свидетельствует о необходимости признания их самостоятельными субъектами гражданско-правовой ответственности.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 19 (622) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 20.05.2026. Дата выхода в свет: 27.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.